

Департамент образования и молодежной политики ХМАО-Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

Мансийская литература

Хрестоматия
для учащихся 1–4 классов
общеобразовательных учреждений

Часть 2

Ханты-Мансийск
2015

УДК 821.511.143
ББК 83.3 Манс
М23

Рецензент

С. С. Динисламова, кандидат филологических наук

М23 Мансийская литература : хрестоматия для учащихся 1–4 классов общеобразовательных учреждений. Часть 2 / Авт.-сост. Л. Н. Панченко, С. А. Герасимова ; под ред. Е. В. Косинцевой ; Деп. образования и молодежной политики ХМАО-Югры, Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2015. – 200 с.

ISBN 978-5-9906949-8-9

В хрестоматии представлены мансийские загадки, пословицы и поговорки, народные сказки и песенки, произведения мансийских поэтов и прозаиков, которые введут юного читателя в мир мансийской культуры. Хрестоматия предназначена для работы на уроках чтения. Тексты хрестоматии могут войти и в круг самостоятельного чтения ребёнка.

Во вторую часть включены произведения для учащихся 3 и 4 классов.

В комплекте к хрестоматии авторами-составителями разработана «Мансийская литература в вопросах и заданиях».

УДК 821.511.143
ББК 83.3 Манс

*Рекомендовано к изданию Учебно-методической комиссией
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок*

ISBN 978-5-9906949-8-9

© Панченко Л. Н., Герасимова С. А., авторы-составители, 2015

© БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», 2015

© Оформление. ООО «Югорский формат», 2015

Дорогой друг!

Перед тобой новая книга – хрестоматия «Мансийская литература». В этой книге ты найдёшь много интересных произведений об удивительном мире земли Югорской.

С раннего детства тебе знакомы русские сказки, пословицы, былины и легенды. Теперь ты откроешь для себя новый мир – мир мансийской культуры. Ты познакомишься с фольклором народа манси, с произведениями известных мансийских поэтов и писателей, узнаешь о творчестве мансийских писателей-современников.

Через произведения устного народного творчества ты узнаешь о нравственных законах народа манси.

Год за годом ты будешь узнавать всё больше об истории родного (мансийского) края, о людях, которые в нём живут, об их обычаях и традициях. А помогут тебе в этом сказки и легенды, стихотворения, рассказы и повести, собранные в этой книге.

Хрестоматия состоит из двух частей. В первую часть включены произведения для учащихся 1 и 2 классов, вторая часть – для учащихся 3 и 4 классов.

Внутри каждой части материал распределен по тематическим разделам:

1 класс – «Радуга-дуга», «Здравствуй, сказка!», «Край родной, навек любимый!»

2 класс – «Малые жанры фольклора», «Страницы легенд и преданий», «Жизнь тайги. О братьях наших меньших», «Учимся уму-разуму», «Здравствуй, здравствуй, край мой отчий...»

3 класс – «Добрым молодцам урок», «Уж сколько раз твердили миру», «Горжусь своей Отчизной», «Вижу чудное приволье».

4 класс – «Народная мудрость», «Жестокий богатырский век», «Ну чем Сибирь не рай!», «Семья и я».

Желаем тебе успехов в изучении интереснейшего мира культуры народа манси через мансийскую литературу. А для этого читай, думай, анализируй.

3 класс

ДОБРЫМ МОЛОДЦАМ УРОК

«Рассказ о тридцати охотниках»

(народная сказка)

В старину было такое событие. Тридцать охотников собираются в лес добывать медведя. Идут, а по дороге смеются и говорят: «Нас так много, мы его быстро лишим жизни, из берлоги мы его просто руками выдернем». А среди этих охотников был один охотник, он идёт с ними, ничего не говорит.

Собираясь на охоту, нельзя много разговаривать, тем более хвалиться. «Мы с тобой говорим о медведе, а он нас слышит», – с давних времён часто люди говорят, если заходит разговор о нашем младшем братике-медведе, ничего плохого о нём нельзя говорить.

И вот они пошли к медвежьей берлоге, все смеются, говорят: «Руками мы его просто выдернем». А этот охотник, молчавший человек, говорит: «Вы так не говорите, не смейтесь, так вести себя нельзя». А они разве его слушают?!

Вдруг из берлоги медведь показался, у первого мужчины голову оторвал. Потом другому мужчине голову оторвал, а другие люди от испуга просто остолбенели, смотрят. А наш младший братик-медведь охотников одного за другим убивает, одну голову за другой отрывает.

И вот остаётся последний мужчина, тот, который всё время молчал, ничего не говорил о медведе. Медведь встал на задние лапы, смотрел-смотрел на этого человека, а затем быстро повернулся и ушёл.

Двадцать девять мужчин вот так и погибли. Поэтому с давних пор и говорят: «О священном младенце, медведе, ничего нельзя говорить. Он всё знает, всё слышит, что о нём люди говорят». Для нас он – священное животное.

«О скупом мужчине и бедном мужчине»
(народная сказка)

В старину на берегу Оби жили две семьи. Один мужчина был очень скупым человеком, землёй и водой скупился. Другой мужчина бедно жил, ни землёй, ни водой не скупился.

И вот гроза поднялась, гром гремит, молния сверкает. Когда гроза перестала греметь и сверкать, мужчины вышли на улицу, видят: мужчины незнакомые плавают на лодках-колданках, рыбачат. Бедный мужчина догадался: «Это не люди». Ничего не говорит, а богатый мужчина, скупившийся землёй и водой, стал ругать тех людей: «Почему вы пришли на мою землю, в моей воде рыбу ловите? Это моя вода и моя рыба!» Другой мужчина молчит, и те люди молча рыбачат, ничего не говорят. Лодкой их рыбой наполнились.

И вот снова гроза поднялась. Когда гроза стала надвигаться, мужчины по домам разошлись. Гремит, сверкает, молнии с сильными раскатами, что творится, то творится. На улицу и выглянуть нельзя.

И вот гром прошёл, буря утихла. Гроза прошла, бедный мужчина на улицу вышел и видит: дома богатой семьи нет, ничего от той семьи не осталось. Куда бы ни посмотрел, ни пошёл, ничего нет, от дома даже ни части нет. А перед этим случаем жена бедного мужчины бога-

той женщине давала инструмент для выделки шкур. Где стоял дом богатой семьи, на том месте в яме лежал только инструмент для выделки шкур. И куда унесло ту семью со всеми членами семьи, с домом и со всем, что они имели, никто не знает. Может, в море их унесло, утонули в воде, может, в лес их ветром, грозой, вместе с домом унесло.

С давних времён говорят, что ни землёй, ничем скупиться нельзя. А эти люди, рыбу добывавшие мужчины, – Грозы были.

«Велика сила леса»

(народная сказка)

Однажды, в эпоху песенного периода, жил охотник с сыновьями в лесу. С отцом жили одиннадцать сыновей. Вместе охотились. Живут в лесу, разговор затеяли: «Если бы к нам в лесу кто-то пришёл, нас столько мужчин, мы совсем не боимся. Лесного зверя бы и поймали. Зарубили бы, водой бы унесли». Так они болтают. Хотя отец не раз им говорил: «Дети, будьте тише. Зачем хвастаете». Сыновья отвечают: «Отец, кто с нами может справиться. Нас одиннадцать младших-старших братьев! Если встанем, леса не останется, горы не останутся».

Так хвастаются. Живут они в чуме. Отец всё пытается их учить. Но они каждую ночь всё хвастаются.

Однажды вечером, когда они сидели в чуме, с улицы закатился маленький каменный шарик. Братья его попинывают. Нет, а он всё к очагу, туда всё катится. К огню хочет. Несколько раз на улицу выпинывали, сами смеются. Вдруг пнули – какой горячий камень! Босые

ноги, голые руки обжигает. Затем шарик начал закатываться в середину очага, вдруг начал в разные стороны кататься, стал увеличиваться в размерах. Сыновья сразу выскочили на улицу, встали на лыжи и убежали.

Отец у них старый человек. А камень тем временем всё крутится, крутится, всё увеличивается. Мужчина, как мог, вылез на улицу. Его личные ездовые олени на улице стоят. До них дошёл, запряг, затем помчался на оленях.

По дороге в сторону реки, жилья понёсся. Сзади слышит – чум его пополам раскололся. Слушает. До болота ещё не добрался, по кедровнику олени его мчат, сзади догоняют. Вот-вот догонят! Прибыв на открытое место, старик специальными ремнями и верёвками из оленьей упряжи хорей завязал поперёк нарты. Сам, подобно куропатке, в сторону в сугроб бросился. Лезет глубже в сугроб. А олени там мчатся. Под слоем снега долго ли, коротко лежал, вдруг слышит – мимо него пронёсся. А что пронеслось: Огонь пронёсся ли, Богатырь пронёсся, неизвестно. В это время Тот говорит: «Гонюсь за ним. Догонял. Хорей лежит, а самого нет. Одиннадцать сыновей имеет, в лесу живут. Не воспитал их как следует. Не боятся Нас. Если бы я его догнал».

Если бы догнал мужчину, уничтожил бы. Он залез под снег, поэтому остался живой.

* * *

Эта мансийская сказка учит – когда живёшь в лесу, не болтай лишнего, не хвастай, какую бы силу, какую бы удачу не имел. Кого только в лесу нет. Подслуши-

вающих существ много – возле тебя, вот тут, за твоей спиной. Мы сейчас разговариваем, а Он, может, стоит на улице, слушает.

А. М. Конькова
«Каждый другом силён»
(сказка)

Зайчонок с Выдрёнком друг без друга жить не могли. То Зайчонок бежит к Выдрёнку, то Выдрёнок – к Зайчонку. Как-то прибежал Выдрёнок к другу и зовёт его купаться. Зайчонку стыдно признаться, что плавать не умеет, он и говорит:

– Я уже сегодня купался, три раза переплывал реку, до самого дна нырял.

– Ну, тогда пойдём с песчаной горки кататься.

– Туда мне мама запретила ходить. Там волки живут.

– Ну, пойдём полежим, погреемся на валежине, послушаем её сказки. Там совсем безопасно. Если подкрадутся к нам Лисица или Росомаха, мы с валежины – бульк в воду, и нет нас.

– Тебе хорошо, ты – бульк и ушёл под воду, а я как? Я и плавать-то не умею.

– Так ты только что хвастал, что реку три раза переплывал!

– Я пошутил, – сознался Зайчонок.

– Ну, пойдём на валежину, – настаивает Выдрёнок, – там что-нибудь придумаем.

Пошли они к валежине. Смотрит Зайчонок, лежит она на самой быстрине реки и покачивается. Бегут струи воды через её вершину, путаются в её старых ветвях, журчат сердито:

– Лежит колодой прямо у нас на пути: ни проехать, ни пройти.

Только Зайчонок с Выдрёнком ступили на валежину, в неё – бульк-бульк мелькнули искорки маленьких глазок-бусинок. Зайчонок испуганно сжался и лапки с места сдвинуть не может.

– Ну, что ты? Иди, иди, не бойся. Это мои братья и сёстры отдыхали на валежине, грелись на солнце, на зиму в себя солнечного света набирали. Увидели, что мы тоже хотим погреться, и ушли в воду. Лёг Выдрёнок на валежину, вытянулся, прижался к ней, и цвет его шубы слился с цветом старой валежины.

Только они улеглись, как из-за поворота реки показался рыбак. Плывёт он на своей долблёной лодочке и песни поёт:

Я на лодке своей по реке родной
Куда захочу, туда поплыву.
Рыбы наловлю, мясо добуду
И ягод нарву – детей накормлю.

Говорит Выдрёнок:

– Не бойся. Все выдры здесь отдыхают, и никогда их ни рыбаки, ни охотники не видят, проплывают мимо.

– А я не боюсь, – храбрится Зайчонок.

Рыбак плывёт возле вершинки валежины. Скребнут лодку старые, сухие ветки. Жалеет рыбак валежину:

– Надо же, куда ты, бедная, упала. И лежишь без пользы, только мешаешь.

Рассердилась валежина, ворохнулась, шевельнулась, качнула лодку рыбака, чуть не вывернула его из лодки и молвила:

– Я лежу на воде, а вода лежит на земле. А земле ни одна песчинка, ни одна былинка не лишние. На земле всё к месту, всё на месте и с великою пользою. Вот если бы я на себе не качала коротконожек, где бы они отдыхали и грелись на солнце? Как бы они от людей и зверей спаслись на своих ногах?

Задумался рыбак и прошептал себе:

– Правду говорят старики наши, что дороги, где бы они не лежали – на земле, на воде ли, – многому учат человека.

Проплыл рыбак, выдрёнок вскочил на лапки и весело запел:

У рыбака глазки узеньки,
А мои круглые, как бусинки.
А я его вижу, а он меня – нет.
Я его вижу, а он меня – нет.

Успокоился Зайчонок, смотрит на валежину и спрашивает:

– Что ты, старая, всё дрожишь и качаешься?

– О, я когда-то тоже была молодая и красивая, стояла на высоком берегу, у всех на глазах. Солнце отдыхало в моих ветвях, птицы мне пели, река сказки волшебные рассказывала.

Но однажды Виткась – злой Дух Воды – подгрыз мой берег, и я упала в воду. Долго я тогда плыла по реке. Налетел на меня ветер, разбежался, взбил воду в волны, разогнал их дикими, белыми оленями. Заброси-

ли меня волны на берег, а корни мои засыпал речным песком. С тех пор я качаюсь-качаюсь – не накачаюсь. Рвусь-рвусь – не вырвусь. Плыву-плыву – не уплыву.

Убаюкала валежина зверят, они заслушались её сказок и не заметили, как вышла из кустов голодная, вся в ключьях, Лиса. Чует она зверят, а увидеть не может.

Заметил её Выдрёнок, сказал тихонько Зайчонку:

– Вон к валежине прибило пенёк, прыгай на него.

А сам скатился с валежины и скрылся под водой.

Прыгнул Зайчонок на пенёк, а Выдрёнок высунул лапки из воды и погнал толчками пенёк к противоположному берегу.

Лиса хлебнула от злости воздуха, затыкала:

– Тяв-тяв-ав-ав, как жаль, что сразу не рассмотрела я вас!

Ушла Лиса, повернул Выдрёнок пенёк к своему берегу. Зайчонок прыгнул на берег и убежал домой. Дома, запыхавшись, рассказывает маме:

– Ты знаешь, мама, чуть меня Лиса не съела. Спас меня мой друг Выдрёнок.

– Хороший у тебя друг. Спасибо ему.

– Что спасибо, за что спасибо, я тоже спас его от горбатого Окуня, – похвастал Зайчонок. – За что я тогда его спас?

А мать сыну сказала:

– Сынок, добро делаешь – не кайся, а худом – не похваляйся.

А. М. Конькова
«Зайчонок и Комполэн»
(сказка)

Подрос Зайчишка – Хочу – не хочу, и теперь без отца и матери гулял в лесу. Как-то возвращался домой и повстречал в лесу голодного Колонок. Колонок облизнулся, оскалил острые зубы, выпустил сильные когти и бросился на Зайчонка.

Зайчонок не оробел. Он прыгнул через Колонка и помчался. Бежал-бежал, чуть не наскочил на Лося.

– Ты что, малыш, носишься как угорелый? Чуть с ног меня не сбил, – пошутил Лось.

– Дядя Лось, спрячь меня! За мной гонится Колонок, – задыхаясь от бега, прошептал Зайчонок.

– Знаю, знаю я эту соболиную породу. Им бы только обижать добрых зверей, – ответил Лось. – Но ты, малыш, не бойся, Колонок сюда не придёт, он слышал о моих рогах и копытах.

Посмотрел Зайчонок на красивые, сильные рога Лося, на его копыта и подумал: «Хорошо иметь такие крепкие копыта и сильные рога». Он печально вздохнул и спросил Лося:

– Дядя Лось, а ты никого не боишься?

– А кого мне бояться? Я никого не пугаю, никого не обижаю, и меня никто не трогает.

Опустил Зайчонок глаза и тихо сказал:

– Я бы тоже хотел никого не бояться, а всех боюсь. Это, наверное, потому, что нет у меня копыт на лапках и рогов на голове.

– Это ты, малыш напрасно так говоришь. Тебе даны длинные, увёртливые ноги. Это совсем неплохо, – и

добавил – Земля и небо одним умом живут. Они знают, кому что дают.

– Я хочу, чтобы у меня были такие рога, как у тебя, Лось.

– Зачем тебе такие рога?

– А я хочу, чтобы все меня боялись.

– Кого боятся, того не любят. От таких даже друзья уходят, – сказал Лось.

Подумал Зайчонок и сказал:

– Нет, я не хочу, чтобы от меня уходили друзья.

Добрые, мудрые слова Лося успокоили Зайчонка. Он сказал Лосю спасибо и побежал домой.

Но разговор Зайчонка с Лосем подслушал злой Болотный Дух Комполэн и решил посмеяться над малышом.

Комполэн обернулся Лосем и вышел навстречу Зайчонку:

– Малыш, я думал-думал, и надумал подарить тебе свои прошлогодние рога. Пойдём в Маленький бор, там лежат мои рога.

Пришли в бор. Комполэн сделал ногой ямку в земле, поставил над ямкой рога и сказал:

– Ну вот, ложись в ямку, прижмись головой к рогам и жди, пока они прирастут к твоей голове.

Ушёл Комполэн в тёмный лес и громко захохотал. Долго хохотал над глупым Зайчонком.

Зайчонок лежал-лежал, устал, есть захотел. Ну-ка, думает, пошевелю головой, может, уж рога приросли. Только он пошевелил головой, рога упали и придавили уши Зайчонка. Он застонал от боли и начал, упираясь

всем телом в землю, тянуть из-под рогов уши. А уши только растягиваются.

Измучился Зайчонок, потерял последние силы и заплакал.

Недалеко от того места, где лежал и плакал бедный обманутый Зайчонок, мама Мышь со своими детьми прогуливалась. Услышала она голос Зайчонка и пришла к нему.

– Ах, бедняжка! – сказала она и крикнула своим детям: – Дети, скорее залезайте под голову Зайчонка, wygrебите землю из-под его ушей!

Мышата wygrебли землю, углубили ямку, освободили ушки Зайчонка. А Зайчонок с тех пор хорошо запомнил Комполэна и не верил ему.

А. М. Конькова
«Жадная Тэряйка»
(сказка)

Жили две мыши – муж и жена. Мужа звали Сипалайка, а жену – Тэряйка. Захотелось однажды Тэряйке к сестре в гости съездить. Но чтобы не заметил Филин, Сипалайка жене посоветовал чёрную лодочку взять да чёрное весло. И ещё попросил Тэряйку по пути его сестёр навестить.

Выслушала мужа Тэряйка, быстро-быстро побежала на берег, вскочила в лодочку, оттолкнулась женским резным веслом и поплыла. И вскоре звонко разнеслась её песенка по лесу, проникла в густые, колючие перховники, зашумела в непуганых травах:

Чёрная моя лодочка, таль-таль-таль.

Весло моё узорное, таль-таль-таль.

Налимом вьётся весло в её руках. Позванивают кольца-побрякушки на резном женском весле, вторят нежной песенке Тэряйки. Плыла, плыла Тэряйка, услышала Филина:

– Бу-бу-буху! Есть хочу!

Хочет есть Филин, слюнки глотает.

– Ты что, Филин, съесть меня хочешь? Я сама женщина ловкая: и в лодочке сижу, и быстро плыву.

Быстро плывёт мышка Тэряйка, перепархивает уточкой с волны на волну. Летит её песенка по борам сосновым, борам кедровым:

Лодочка моя долблёная, таль-таль-таль.

Весло моё узорное, таль-таль-таль.

И вдруг слышит она:

– Сноха, заезжай ко мне в гости!

– Заеду. А что делать?

– Мясо есть.

– Какое такое мясо у тебя?

– Мясо оленя, – ответила старшая сестра мужа.

– Нет уж, мясо оленя я есть не хочу, – и приподнялась в лодке. – Вот если бы сердце оленя, то заехала бы.

Услышала такое, старшая сестра мужа, вздохнула и прошептала:

– Ай-е! Астях! Мне холодно. Разве можно есть женщине сердце оленя. Ведь старые охотники манси говорили, что сердце должны есть только охотники, – и тихо ответила снохе. – Нет оленьего сердца.

И поплыла Тэряйка дальше. И вновь услышала Филина голос:

– Бу-бу-буху! Есть хочу!

– Я тебя, Филин, и не слышу, и не вижу, быстро гребу, быстрее тебя лечу.

Так плыла-плыла и услышала нежный голос с берега. Это звала её младшая сестра мужа:

– Сноха, заезжай в гости!

– Заеду. А что делать?

Да мясо есть.

– Какое такое мясо?

– Сердце оленя.

– Сердце оленя, говоришь? Заеду, заеду.

Едва Тэряйка приткнула лодочку к берегу – выскочила на тропу и побежала в дом. Вбежала и принялась есть сердце оленя. Ела-ела – наелась. Почистила язычком во рту, облизала себя от брюшка до ушка и снова принялась есть, вот-вот брюшко её треснет, вот-вот распадётся оно. А Тэряйка всё ест. Не хватило сил доест, остался кусочек величиной с брусничку, она его схватила и побежала к лодке.

Бежит и всё на кусочек сердца поглядывает да облизывается. Не удержалась, присела и доела кусочек сердца. Тяжело стало. Хочет Тэряйка сесть в лодку, да не может, хочет взять весло в руки, да сил не хватает. Тут и заметил её Филин – бу-бу-бух-цап-царап. И не стало мыши.

А. М. Конькова

«Скороход»

(рассказ)

Не нужен стал личный охотник купцу Олиферию: он продал Сямына за двадцать вёрст в деревню Сатагу другому купцу, Емехе.

Купец реденько, на праздники, отпускал своего работника Сямына домой. В такой день, как идти ему домой, он торопился, подвозил сено, дрова, убирал у животных и только поздно вечером забегал в людскую, брал краюху хлеба, испеченного пополам с отрубями, и уходил домой. Добрая кухарка Петось догоняла его на лестнице и совала ему несколько сушек – гостинцы для его дочери и сына. Сямын шёл домой скорым шагом, не чувствовал мороза, скрипа под ногами, шума ветра в соснах, не замечал большие снежные заносы на дороге и как на крыльях перелетал через них. Его мысли были дома, с женой и детьми. Он знал, что приласкает пятилетнюю дочь Ельси и прижмёт к сердцу дорогого сына Ивана.

Сямын приходил домой глубокой ночью, а утром чуть свет, то готовил дрова, то ловил рыбу для семьи. В ночь отправлялся обратно, чтобы рано утром быть на работе у хозяина.

Много лет Сямын бегал ночами от хозяина к дому, из дома к хозяину. Давно собирались наши манси выкупить его, да сами перебивались с копейки на копейку. Как-то, на его счастье, выдался невиданно урожайный год и на рыбу, и на пушнину. Вот в тот год люди собрали меха и выкупили Сямына. Каким счастливым он вернулся домой, как вновь на свет родился!

– Бабушка, а что он раньше от купца не ушел?

– Да куда и как было бежать? При царской власти Сямын хорошо знал, что Олиферий обманул его, приписал ему долг. Можно было на купца в суд подать. Но суд также был на стороне богатых. Да в те времена одно и то же – суд да губерния, жди куда повернут; заодно всё де-

лили. Богатые, как вороньё, друг к другу летят, у своего глаз не выключнут, своему всегда помогут.

Вернулся Сямын свободным хозяином в свой родной дом, но ему трудно было жить. Постройки стали ветхими, надо поправлять их или строить новые. Ведь без хозяина и дом сирота. Может, обратиться к купцу за помощью? Но, на счастье Сямына, подрос сын Иван, сильный, умный. Сямын спросил сына: «Иван, может, попросить денег в долг у купца?» «Нет и нет, отец! – сказал Иван. – В долг не будем брать, иначе тебя опять придётся ночами бегать».

Вскоре у Сямына и второй сын подрос. Тогда совсем хорошо стало ему. Точно и не было у него мученической жизни. Он и сейчас рано встаёт и поздно ложится, все занят работой. Да, видно, не работа старит человека, а тягостная забота. Хорошо то, что когда Сямын вернулся в свой дом, постарался забыть о той мученической жизни, о тех унижениях и насмешках, которые он терпел в работниках у купца. Всё плохое, что перенёс, постарался выкинуть из памяти. Вот этим и сохранил себя до добрых теперешних дней.

Оно, конечно: для чего человеку носить в сердце тяжёлым грузом уже пережитую печаль?.. Лучше скорее расстаться с тяжёлыми мыслями и готовиться к будущему – доброму, светлому, ясному. Нужно стремиться к этому.

А. М. Конькова

«БИТЫЙ»

(рассказ)

Меня часто тянул к себе ласковый, светлый берег реки, где всегда любили играть все дети. Я прибежала и, не

обращая внимания на детвору, подходила близко к реке, где по-над прозрачной водой далеко тянулась желтоватая отмель. И, не отрывая глаз, долго смотрела на её песчаное дно, изрезанное свивами – выпуклыми полосками-рубцами. В них от солнечных лучей в воде возникали сполохи разноцветных, ярких видений-цветов. Когда уставали глаза и начинала кружиться голова, я выпрямлялась и смотрела на верхушки деревьев. И однажды, перед осенью, я увидела кедр, густо заросший крупными шишками.

Кедр стоял в низине, за ручьем, недалеко от нашего сохрупа-коптилки. Я знала, что он заверованный, шайтанский, и потому к нему нельзя было подходить женщинам. Они осторожно, с опаской обходили его стороной. И весь наш народ мги никогда с него не снимал шишки. А я подумала, что я маленькая, и мне можно взобраться на него и сорвать самую крупную шишку. И побежала к кедру, но только начала взбираться вверх по стволу, как увидела Петотку, идущего к берегу.

Меня от страха заморозило. Я кое-как спустилась с кедра и понеслась к дому, к своей спасительнице – бабушке.

В деревне Петотку боялись не только дети, но и взрослые, если они в чём-то провинились.

Я подбежала к дому и, открывая двери, закричала:

– Миленькая бабушка, спрячь меня скорее, – за мной гонится плохой, гадкий Петотка!

– Да куда я тебя? Вон, лезь под нары.

Я нырнула под нары и, сжавшись в комок от страха, затаилась, но хорошо слышала, как бабушка недовольно ворчала:

– Это на что же стало похоже! «Петотка плохой», «Петотка гадкий»... А знали бы, что такого честного доброго человека, любящего свою землю, как Петотка, ни на нашей земле и ни за её пределами больше не отыщешь. Таких людей, как наш Петотка, редко, очень редко земля рождает.

Тогда я долго сидела под нарами, пока не позвала меня бабушка.

– Ну, ещё долго будешь сидеть там? Вылезай да рассказывай: что натворила? Не без причины же так напугалась Петотки. Этого доброго человека только те и боятся, кто плохо поступает. Помню, когда твой брат был маленький, любил пугать мальков. Я говорила, мать объясняла ему, что на мелком месте вода скорее прогревается, а мальки в тёплой воде быстрее растут. И ещё они боятся на глубине крупных рыб. Но он никак не хотел нас понять. Однажды, когда он опять пугал мальков, увидел Петотку и залез под опрокинутую лодку, спрятался от него. Сидел, сидел там и уснул. А мы с матерью все обежали, искали его и не догадались под лодку заглянуть. Мать подумала, что сын её утонул, и заплакала. А сын в это время является домой весь помятый, а на голове, и в ушах, и на всей одежде песок. С тех пор никогда он не пугал мальков и другим детям не позволял. Отучил Петотка нашего мальчика от плохой игры...

Я выползла из-под нар и рассказала, что хотела забраться на шайтанский кедр и сорвать с него крупную шишку.

– Да что это! Хоть бы мальчик, а то девочка! И как тебе такое в голову пришло? – удивлялась бабушка. –

Как можно в такое время беспокоить кедр! Он теперь в тягости, как женщина в интересном положении. Ты видела, сколько у него детей-шишек? Они теперь, как слепые котята, присосавшись к его веткам, висят. А кедр своими корнями добывает из земли пищу да кормит их. А если бы ты ещё и тронула рукой шишку, сразу же налетели бы кедровки с криками: «Тронул, тронул человек шишку, теперь и нам можно!» И во всех кедровниках унесли бы все шишки и не оставили бы ни нам, ни лесному народу. Это твоя маленькая шалость принесла бы всем большую беду.

Петотка в своей жизни никогда не имел ни ружья, ни лука, ни стрел, – рассказывает бабушка, – и никогда не обидел ни зверя, ни птицу. Он не мог выносить страдающие глаза зверей. Если увидит раненого зверька, принесёт домой, вылечит и отпустит в лес. А в свой охотничий лес, что достался ему в наследство от отца, сам не ходил охотиться и других не пускал. В его лесу все звери спокойно размножались, а затем разбегались по всем нашим лесам-урманам. А сколько он боли перенёс от царской власти! Приедут сборщики подати-налога, просят платить только пушниной, а он не имеет её. Тогда его положат на доски во дворе и избьют хлыстом. Всю спину до крови исполосуют. Бьют да приговаривают:

– Вот, вот тебе за твоё упрямство, за лень. Впредь не ленись, ходи на охоту, бей зверей и плати налог пушниной.

Петотка стиснет зубы от боли и обиды, молчит, как камень.

После долго болеет, лежит на животе, не в силах повернуться на спину. А когда поправится, шутит: «Мои враги раньше меня устанут бить, а у меня хватит сил терпеть». Снова ходит по лесам, рекам, озёрам, следит, нет ли песчаных наносов, ветровалов. Найдёт, соберёт мужиков и идёт с ними очищать реки, озера от завалов и песчаных наносов... Услышит в лесу стонущее дерево, отыщет его и уберёт.

– Бабушка, а что это стонущее дерево?

– Это, внученька, когда сосна растёт в густой чащобе, ей не хватает солнечного света и тепла, вот она и вытягивается вверх. Вытянется высокой, слабой, не может свою крону держать. Стоит и гнётся. Налетит ветер и совсем её согнёт. Она припадает к своей подруге, держится за неё, трётся о её ствол и стонет: «Ой-ой-ой, мне тяжело стоять!» Летом, в жару, от трения может появиться искра и вызвать лесной пожар. Пожар спалит все деревни, всех зверей и птиц. Это для нас большое-большое несчастье и горе. Да, если хорошо подумать, мы Петоткиной болью, его страданием, горем и большой любовью к нашей земле были сыты и остались живыми...

Вот такие люди, как мученик Сямын, как битый Петотка, всегда были у моего сердца. Они были моей большой любовью и моим большим горем.

Сохруп – на мансийском обозначает «копилка для рыбы».

Народ мги – один из родов народа манси.

Ю. Шесталов
«Не ломай кости»
(легенда)

Дошёл Мир-Суснэ-Хум до места, где небо и земля вместе сходятся. Смотрит – и глазам не верит: опять куда-то уходит небо, опять куда-то бежит земля. Неужели у земли нет края, а у неба – конца? Между небом и землёй – огромная дыра. В неё вделан железный перевес, сверху донизу натянут. Зорким, ястребиным взором её даже и не заметишь. У перевеса кто-то сидит.

«Убью! Убью!» – говорят его глаза, жаждущие добычи.

«Поймаю! Поймаю!» – трясутся его руки, видно задушившие не одного зверя, не одну дичь. Видно, ждёт гусей, лебедей, уток.

Мир-Суснэ-Хум из кармана вынул шкурку железного ястреба. Забрался в шкурку, полетел прямо на железный перевес.

Ударился Мир-Суснэ-Хум о стальные ячеи, а незнакомец опустил свою ловушку. Обрадовался, что поймал самого ястреба. Чуть не запутался Мир-Суснэ-Хум в стальных нитях, но успел их разорвать. Злой незнакомец бросился за ним, чтобы схватить его. Мир-Суснэ-Хум залез в шкурку щуки, нырнул в озеро.

Плывёт по озеру и удивляется мёртвой тишине. Ни всплеска, ни рыбки. Куда они делись? Запахло железом. И он опять оказался в стальной сети.

Вышел на берег, взад-вперёд ходит, смотрит. Видит – домик стоит, рядом избушка на курьих ножках.

Пошёл туда. В доме сидят старик со старухой.

– Э-эй! Мир-Суснэ-Хум, внучек! Крылатой ли птицей ты сюда принесён, рогатым ли зверем ты сюда доставлен?

– Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам?

– Садись, внучек. Будь гостем!

Вышла старуха на улицу, принесла уток, гусей. Ощипала их...Когда сварилось пахучее утиное, гусиное мясо, она сложила их в две деревянные чаши. Одну подала ему со словами:

– Хорошенько ешь, внучек! Не ломай кости.

Поели, попили. Кости из двух чаш старуха сложила в одну, вынесла их на улицу. За домом озеро с живой водой. Высыпала она кости эти в озеро. А из воды вылетели живые утки, живые гуси.

– Хорошо! – молвил Мир-Суснэ-Хум. – Теперь я знаю: всё в мире кружится! Всё рождается, умирает и вновь рождается... Только не надо ломать кости! Тогда вечно богатой будет наша земля!

М. К. Анисимова

«Гнев тайги»

(легенда)

В давние времена в нашем крае столько водилось всякой птицы, что шум да свист стоял от её крыльев. Все озёра и болота были заняты утками, гусями да лебедями, а в лесах – тучи боровой птицы. И зверя всякого было полным-полно. Люди тоже жили привольно. Да только люди, когда живут в достатке, не замечают, что всё, что дано им природой, беречь надо.

– Ай-яй, что делаете! Зачем птицу зря губите? – говорил старый Тасман парням, которые для потехи стреляли серых уток.

Подраненная утка, чуть взлетев, падала на озёрную зыбь. Осиротевшие утята, громко крича, прятались в зарослях камыша и осоки, а озорник шёл дальше.

Грустными глазами смотрел старый Тасман на оставленную птицу.

– Зачем бьёт, если не надо? – сокрушённо качал он головой. Он шёл по тайге и видел вокруг и заботливых белок, и хлопотливых глухарей, и торопливых оленей.

«Богата тайга! Шибко богата!» – рассуждал Тасман. И вдруг старик остановился. В ложбине, придавив большой куст, лежал подраненный лось. Он силился подняться на длинные ноги, но снова падал, от боли закинув на спину тяжёлую голову с большими рогами. Тихо подошёл к нему Тасман. Лось не испугался, не вздрогнул.

– Добрый человек! – промолвил зверь. – Помоги мне встать на ноги, и тогда они понесут меня как ветер!

Наскоро Тасман нарубил жердей и стал поднимать тяжёлого лося. Пот стекал с лица, от усталости дрожали руки и ноги. На закате солнышка помог Тасман встать лося. Зверь лизнул руки Тасмана, сказал:

– Если трудно будет тебе, старик, ищи меня. Помогу! – и скрылся за лесом.

...Шло время, но озорники не слушали старика Тасмана и били не жалеючи зверя. Затосковал Тасман и не стал выходить из юрты, чтобы не встречаться с ними.

А однажды проснулись люди, вокруг ни ветерка, ни свиста, ни взлёта птиц, ни шороха зверей. Люди вышли из юрт. Светило солнышко, но тайга стояла безмолв-

ная. Они стояли и смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Многие, взяв луки, пошли в лес, поплыли по реке, но вечером возвратились ни с чем. И снова все молчали. Озёра и болота вымерли: не стало в них уток. В лесах потерялся зверь.

– Страшно ходить по тайге! Страшно! – говорили охотники, возвратившись с охоты.

Стал людей одолевать голод. Большая беда пришла в тайгу, и тут все вспомнили про старого Тасмана.

– Это великий Гнев тайги! – сказал Тасман. – Тайга рассердилась, тайга свой Гнев послала.

– Добрый Тасман, научи нас, что делать? – стали просить старика люди.

Вышел Тасман из юрты, и сразу на сосну сел глухарь. Обрадовались люди, за луки схватились, а глухарь улетел.

Долго искали его, да не нашли.

И поняли все, что один Тасман не виноват перед тайгой, что его послать к Гневу тайги надо. Только к Тасману давно старость пришла.

А тайга стала хмурая, молчаливая. Долго думал старик, как помочь людям. Вспомнил слова лося. Надел малицу и направился Тасман в тайгу. Только зашёл он за первое дерево, как навстречу ему лось.

– Не меня ли ты ищешь, старый Тасман? – спросил зверь. – Проси, что тебе надо, только быстрее, я помогу тебе!

– Вижу я, что торопишься ты!

– Говори!

– Помоги, добрый зверь, нашим людям! – промолвил старик. – Страшный голод пришёл в наш край.

Лось молчал. Потом говорит:

– Это Гнев тайги. Он наказал всех, кто не берёт добро её.

– Горе! Горе! – вздыхал старик.

– Всех зверей и птиц спрятал Гнев от человека, – продолжал лось.

– А как же тогда ты, лось, на свободе? – спросил Тасман.

– Гнев отпустил меня на три дня и три ночи найти ослушницу-сову. Но я обещал тебе, старик, помочь. Садись на меня, и я понесу тебя, куда скажешь!

– Вези, добрый лось, к Гневу тайги! Хочу его видеть.

– Да знаешь ли ты, старик, как далеко живёт Гнев? Никто ещё не бывал у него и не видел его.

– Вези, – сказал Тасман, и лось побежал.

Он бежал, словно летел, обгоняя ветер, оставляя позади леса и болота, горы и реки. Наконец остановился. Кругом стояли старые, хмурые кедры. Было темно вокруг: ни звука, ни шороха, ни света.

– Здесь живёт Гнев тайги, – показал лось на лесную тропинку. – Иди, иди, но если не будет тебя до первого луча, – меня не ищи.

Тасман низко поклонился на все стороны и пошёл в царство вечной тьмы.

Чем дальше шёл Тасман, тем лес становился гуще, и скоро тёмная стена деревьев встала перед ним.

Долго старик приглядывался.

Вдруг промелькнул солнышка луч и вспыхнул огоньком рябиновый куст. Перелетела с ветки на ветку птичка серенькая с белой грудкой, клюнула ягодку одну, другую, звонко щёлкнула клювом, повернула голов-

ку с бойкими глазками к Тасману да проговорила голо-
сом человеческим:

– Зачем ты пришёл в моё царство?

Тасман ласково спросил:

– Кто ты есть, добрая птичка?

Птичка молчала.

– Я пришёл к Гневу тайги спросить: зачем он упря-
тал всё живое от людей? Зачем он так сердит на людей?

– Искать долго не надо, – сказала птичка, – я Гнев тайги.

– Ты? Такая-то крохотная птичка – Гнев тайги?

– Я и доброта и гнев, – прощёлкала белогрудка. – Когда люди разоряют лесное царство – уходит доброта, прячется, остаются гнев и голод. Когда люди добры – плачу я им щедро: грибами, ягодами, шишками, лесными зверями и птицами. В такую пору сама дружу с человеком, сажусь на плечо к нему.

Вздыхнул Тасман и сказал:

– Не права ты, птичка-белогрудка. Не все виноваты в тайге, а ты наказала всех.

Притихла птица. Услышал Тасман, как забила она крылышками, забежала бойко по рябиновым веткам.

– А кто в тайге не грешен? Все! Все разоряют тайгу!

– Нет, не все! – спорил Тасман.

– Нет, все! – сказала птичка. – Вчера на вечерней зорьке мальчонка маленький с щеками румяными, как брусничный сок, выстрелил из лука и попал мне в крылышко.

Замолчал Тасман.

– Ладно! – проговорила птичка. – Сейчас мы посмотрим, грешен ли ты. Попробуй-ка из пчелиного роя

взять пригоршню мёду. Если возьмёшь, – твоя правда, помогу тебе. Если нет, – разговаривать с тобой не о чём.

Притих Тасман.

Вдруг снова промелькнул лучик солнышка, и перед Тасманом появилось старое дуплистое дерево. Вокруг него роились пчёлы. С опаской подходил к дуплу Тасман.

А пчелиная матка облетела вокруг него, прожужжала над самым ухом и села на соты. Дотронулся Тасман до ноздристых восковых домиков. Притихли пчёлы, заползали, защекотали руки старика. Достал Тасман пригоршню мёду чистого, только хотел обернуться, как слышит голос сзади.

– Твоя правда, старик. Виновата перед тобой я, – прощebetала белогрудая птичка. – Но озорники принесли много горя. А тебе скажу: если ты мою просьбу исполнишь, верну людям богатство тайги. А найти тебе надо сову-ослушницу и привести сюда.

Нечего делать. Заторопился Тасман на тропинку, по которой пришёл. Лось ждал его. Когда Тасман рассказал о сове, лось говорит:

– Далеко это! Шибко далеко. Искать её надо у гор, где солнце совсем не заходит теперь и светит всё время.

И снова быстрее ветра понёс лось старого Тасмана по угрюмой тайге.

Унёс лось Тасмана далеко. И увидел Тасман, как, поклёвывая ягодку, у подножия горы ходит птица.

– Это она, – прошептал лось.

А сова взлетела на выступ скалы и завертела головой из стороны в сторону, громко постукивая крепким клювом. Не пришлось старику долго раздумывать.

Сплёл он петли из трав и припрятал их под каждым кустом. Ждёт. Прошёл день, другой, а сова сядет поодаль, клювом пощёлкает, словно смеётся над стариком. Вдруг от громкого крика вздрогнул Тасман, спохватился, побежал на шум и видит: лось наступил сове копытом на крыло и держит. Орала сова во всё горло, была свободным крылом, клевала ногу лося, но он дождался Тасмана. Взял мешок старик, набросил его на сову, завязал накрепко и пустился в обратный путь.

Был на исходе третий день, когда лось привёз Тасмана в царство Гнева тайги.

– Поймал ослушницу! Спасибо, старик! – прощёлкала белогрудка.

Оказавшись в темноте, сова поползла по земле, распустив крылья,

– Не видать тебе больше солнца! Не будешь летать днём, обижать птиц и зверей маленьких. Ночью на охоту вылетать станешь.

А Тасману сказала:

– Иди домой, старик!

Долго ещё стоял Тасман, но ничего больше не сказала ему птичка.

Лось послужил старику и тут. Повёз Тасмана в родной пауль.

А над ними с шумом пролетела стая уток к озеру.

Много лет прошло с тех пор, но ослушница-сова и сейчас боится солнца и охотится только ночью, а люди помнят о Гневе тайги и берегут лесные богатства.

<i>Пауль – деревня на мансийском языке.</i>

УЖ СКОЛЬКО РАЗ ТВЕРДИЛИ МИРУ

Ю. Шесталов

«Жестокий богатырский век»

(предание)

Сын богатыря средней Сосьвы пошёл на охоту. Долго ли, коротко ли шёл по дремучей тайге. Однажды вышел в землю, где лишь трава растёт. А в земле той, бескрайней, как небо, дома стоят. Много домов!

«Кто в них живёт? Друзья или враги?» – задумывается он. Испугался до смерти. Повернул обратно.

Однажды, посмотрев назад, заметил, что его собака-соболятница еле дышит, задыхается от бега. Отвязал он её и собака осталась. Дошёл до своей охотничьей избушки. Не проронив ни слова, лёг спать.

Наутро отец спрашивает:

– Почему ты сегодня молчишь?

Не открывая рта, сын снова спать ложится. Отец опять донимает:

– Онемел ты или оглох?

Наконец сын сказал:

– Шёл я по тайге. Потом вышел в поле. А там домов и людей, как деревьев в тайге, много-много!

– Из-за этого и твоё сердце запрыгало?! – удивляется отец.

– Пусть идут они к нам. Будут пытаться силу своих рук!

А своим людям богатырь Сосьвы приказал нарубить толстых и высоких лиственниц. Рубят люди лиственницы и вокруг городища складывают, стену строят. Когда стена была готова – показались пришельцы из другой земли. Их много-много, как комаров летом. Подошли

они к стене, прорубать стали. А навстречу к ним вышли люди Сосьвинского богатыря.

И начался бой. Великий бой. Много дней и ночей люди сражались, меряли силу. Но никто не может пере-силить. Однажды сын Тагт-котиль-ойки выходит посмотреть на своих людей и видит, что люди устали. Заходит домой и говорит отцу:

– Отец, наши воины устали, теряют мощь свою.

– Пусть устают! – отвечает холодно Тагт-котиль-ойка. – Пусть пытаются силу рук и мощь ног!

А у стены люди борются. Неделю воюют, вторую...

Однажды сын опять выходит на улицу, видит, воины совсем изнемогают. Идёт к отцу и возмущается:

– Что ты, отец, не поднимая головы, в постели ва-ляешься? Неужели ты не можешь помочь уставшему твоему народу? Али руки твои потеряли силу, али ноги твои больше немощны?! Отчего ты так спокоен?!

– Позови всех домой! – приказал Богатырь Сосьвы.

Сказано – сделано. Все вошли в богатырский дом. А дом этот с виду маленький, а войдёшь – все уместятся. Вот какой этот дом просторный!

Лежит на собольих шкурах богатырь, будто нежится. Лежит на собольих шкурах богатырь, думу думает: «Если наша земля не имела леса – те, кто пришёл с мечом, деревьями пусть станут! Если наша земля бедна была травой, – те, кто пришёл с мечом, пусть травой станут!»

Потом велит он людям своим выйти на улицу, посмотреть: не вырос ли лес густой?!

Выходят воины на улицу, и правда: урманы густые стоят, от переспелого леса ломаются, травой высокой колышется земля. И говорит богатырь своему народу:

– Головы порубленных пришельцев бросайте через Сосьву. Лишь на одной стороне реки небольшой проход оставьте. Настанет человеческая эра, когда лишь в сказках будет наш жестокий богатырский век, для человека нужен будет проезд, дорога нужна станет. Пусть по этому проезду проходят друзья с юга на север, с севера на юг!

Побросали люди головы порубленных врагов через Сосьву, и образовался железный замок, каменная ограда.

Настанет новая эра, придёт новый век, будут жить на земле не богатыри, а люди, эта железная ограда, эта каменная гора – будут напоминать о нашем жестоком времени, когда друг друга боялись, ходили друг к другу с мечом...

Тагт-котиль-ойка – эпический герой, дух-покровитель.

Ю. Шесталов

«Менкв и богатырь Сосьвы»

(предание)

Великий Менкв по берегу Сосьвы шагает. Впереди видно городище Ялиус. Знает Менкв, что городище это новое. Поэтому так и называется. Несколько домиков всего там. И живет там отыр Тагт-котиль-ойка. Силой и могуществом славится этот богатырь. «Не зайти ли мне в это городище? – думает Менкв. – Не полакомиться ли свежей человечиной? Или пройти стороной?!»

А Тагт-котиль-ойка сидит у своего дома, стрелы точит. Вдруг видит: золотое солнце закрылось. На небе ни облачка, лазурь и синь брызжет. Посмотрел присталь-

нее: на южной стороне Сосьвы великан шагает, голова его неба касается, солнце собой затмевает.

«Ну, ладно! Иди, иди!» – говорит богатырь. Слышит или нет это великан, а идёт к домам, прищелкивая языком, да приговаривая: «Вкусным дымком веет над Сосьвой, человеческим духом пахнет. Зайду-ка я в дома. У отыра много людишек. Кто-нибудь будет моим. Ох, как вкусно пахнет!»

Выбежал на улицу сын, смотрит, потом кричит:

– Отец! Не видишь, что ли: идёт людоед. Съест ведь он нас!

– Пусть идёт! Что ты так боишься?! – отвечает он. – Лучше принесите-ка мне мой богатырский лук, которым бью я зверей и птиц.

Три сына еле-еле втащили в дом богатырскую стрелу. Приоткрыл дверь. Натянул лук. Железную стрелу прицелил в щель дверную. А как открылась дверь – полетела стрела. Полетела стрела – ветер засвистел, гром загремел.

Менкв упал. Свалился наземь, в Сосьву свалился. Только успел сказать: «Охыр, охыр, охыр, охыр!». Никто не знает смысл этих таинственных слов. И зачем он сказал – никто не знает. Только манси этих мест знают, что прибрежная песчаная коса – это нога великана. Здесь его нога истлела, в песок превратилась. А острова на Сосьве – это ножи Менква. Много было ножей у людоеда, много и островов. Глаза его превратились в таёжные озёра, а живот – в болото. Волосы его стали непроходимой таёжной чащей, а пояс – возвышенностью, с которой сбегает таёжные речки.

Сердце его стало лесным островом среди топкого болота. Лишь там остались Менквы. Они боятся людей.

И люди их боятся. И потому лишь в сказках друг с другом встречаются, вспоминают бывшее богатырское время, да и спать ложатся. Вот и всё!

Ю. Шесталов
«Богиня-героиня»
(предание)

В старину, рассказывают, манси жили на юге. Под большим и тёплым солнцем жили, под большой и светлой луной встречались по вечерам. Но однажды пришли Менквы. Не с шелком и сукном пришли они, не с котлами чугунными и не с бусами, а с кривыми саблями да острыми топорами. Всех перерезали. Не щадили ни детей, ни стариков.

Лишь одна девушка случайно ускользнула. Села в лодочку-калданочку и поплыла по течению. Долго ли, коротко ли плыла, доехала до реки, на которой мы живём. Сложила весло поперёк лодки. С краешка весла прозрачными бусинками стекла вода. Бусинки воды, как слёзы, капали, капали, капали.

Девушка снимает сияющие золотые серьги, опускает их в воду. И на воде золотыми серьгами круги крутятся. Когда опускала в воду серьги, уронила такие слова:

Богиня-героиня каменного города,
Богиня-героиня железного города,
Овей меня своей душой и силой!
А мою душу ты возьми себе.
Пусть она каменною станет!
Пусть врагу недоступной станет!

Склонила голову на весло. И во сне глубоком забылась. Проснувшись, увидела песчаный берег. Лодочка её уже не на воде качается, а стоит на золотом песке. На песке нет кровавых следов. И тишина кругом, на всём свете тишина. И задумала она разбудить тишину смехом своим, смехом детей и внуков. И зажила она на этом таёжном берегу. От неё и новый род пошёл.

Потомки её богиней-героиней назвали. До сих пор чтут. В честь неё по весне на золотом песке душистую чагу жгут...

Ю. Шесталов
«Три богатыря»
(предание)

Живут три богатыря. Однажды к ним пожаловали три чужеземца. «Как бы нам поздороваться?!» – размышляют те и другие.

– Мы бросим мячик, – решают пришедшие. – Так и поздороваемся.

Бросают мячик. Богатыри с темноводной Сосьвы стоят, ждут. А мячик этот летит, как искра, даже зорким глазом не увидишь. Летит мячик, приближается. Чем ближе, тем тише летит. А когда подкатился к ним – совсем успокоился. У ног богатырей лёг. Богатыри и говорят:

– Почему вы тогда с таким великим норовом рискнули отправиться в такой далёкий путь, в столь далёкую землю?

– Мы пришли здороваться! – говорят чужеземцы. – Нам только ясак нужен!

Бросили три богатыря им три мяча и сказали:

– Берите, но больше не ходите в чужую землю!

Схватили чужеземцы мячи и бежать.

Опять живут спокойно богатыри на своей земле. И народ здравствует. За чёрным и красным зверем охотятся люди. В домах – меха, на столе – рыба белая и красная. Хорошо живут, счастливые люди.

Завидно стало чужеземцам. Опять пошли на Сосьву.

– Неужели этих трёх богатырей нам не осилить? – говорят они. – Неужели не завладеть нам этой рыбистой рекой, этими лесами, где соболи скачут чёрной метелью, белки с неба падают вместе со снегом?

И отправились они. А было их уже семь богатырей, семь чужеземцев шли на трёх богатырей. Плыли они не в деревянной лодке, а в железной. Пристали на берег. Три богатыря Сосьвы вышли навстречу. Но не с пустыми руками: мечи семисуставные лунным светом сверкали. А грудь каждого защищена кольчугой да каменным кругом – панцирем. И не маленькими были в то богатырское время люди. В три печатных сажени высотой каждый из них. Вышли они на встречу и говорят:

– Ну, чужеземцы, прыгайте. Вот наше «Здравствуй»!

Каменные панцири блестят на солнце и мечи горят. Один из чужеземцев подпрыгнул к богатырю Сосьвы. Стукнулся о каменный панцирь, разломался пополам. Второй попытался ближе к лицу северного богатыря пробраться. Подпрыгнул да и угодил о семисуставный меч. Третий с дерева на голову богатырскую хотел прыгнуть. Да северный воин склонил голову, и чужеземец плюхнулся на землю.

Четвёртый чужеземец не смог подняться выше своего роста. Остальные же идти далеко не могут. Будто ноги к земле прилипли. До того, видно, испугались.

Не стали богатыри на дрожащих поднимать мечей. Лишь слова вещие уронили:

– Если нет у вас мощи, если духом вы тощи, отчего вы тогда с таким гонором рискнули идти с мечом за семь рек, за семь лесов, за семь гор? Успокойтесь! Разве вам мало своей земли?!

И повернули они в свои городища. А городища не простые, а богатырские. Обнесены они земляным валом, частоколом острым, брёвнами толстыми. Зверь не пролезет в них и враг не пройдёт. Идут в свои городища и между собой говорят:

– Нам Торум, создатель Вселенной, завещал жить. И никто не может нас победить!

И стали три богатыря княжить в трёх концах своей земли. Один стал духом и силой рыбистой Лозьвы. Другой стал княжить на берегах тёмноводной и рыбистой Сосьвы. Третий же на Обь пошёл.

Каждый из них новое городище построил. И каждый выбрал место не простое, а священное. И там, где не ступала нога ни женщины, ни мужчины, начал новую жизнь. И обратились они с такой молитвой:

– Наш Небесный отец! Земля, на которой мы приземлились, пусть будет священной! Пусть к вековым деревьям не прикасаются люди, не ломают ветви и не мнут листву! На священной земле мы, богатыри, живём. Пусть нас звери не боятся, пусть враги боятся!.. Тайга, в которой мы хозяева, щедра. Пусть идут охотники в нашу тайгу. Их охотничьи пояса мы навешаем чёрными соболями, красными лисицами, чёрным зверем, красным зверем! И в городище с семью домами, в доме с семью перегородками будем жить дальше! А если опять придут на бе-

рега наших рек чужеземцы, пусть позовут нас люди! Мы встанем! Богатырские наши сердца будут с ними! Поверь в нас, Торум, наш небесный отец!

Жили на земле богатыри. Жили на земле и простые люди: охотники и рыбаки. Не возвращались охотники с пустыми поясами, потому что тайга богатырями охранялась от чужеземцев. Зверя было много. Птицы было много. Не возвращались с пустыми лодками рыбаки с рыбалки, потому что реки тоже охранялись. Чистыми были реки, прозрачными озёра. Священной, чистой и богатой была таёжная земля.

М. К. Анисимова
«Дочери Отортена»
(легенда)

Только ветер знает да Чистоп-камень помнит, может, гусям-лебедям матери рассказывали про то время, когда в этих местах молодой охотник Отортен жил.

Первым солнце встречал Отортен, первым ветер ласкал Отортен, первым слышал он громкий плач улетающих птиц.

Как забьют в бубен, позовут на бой, всех туже лук у Отортена, всех острей стрела Отортена. «Ай-я-я! Какой храбрый манси Отортен!» – говорили все.

За рога удержит сохатого, из берлоги достанет медведицу, переставит валун с места на место. «Ой-ой-ой! Какой сильный манси Отортен!» – говорили все.

Если лодки нет – по волнам пробежит через речку любую или озеро... «Её-ё-ё! Ну и ловкий манси Отортен!» – говорили все.

По следам запорошенным он обгонит зверя, изловит его. Даже птица с высот не приметит Отортена! «Ай-я! Хитрый какой Отортен!» – говорили все.

Одиноко в тайге жил Отортен. Мать, отца схоронил, братьев лёд уташил, а невеста по сердцу не встрети-лась.

Шёл как-то Отортен берегом говорливой речки Тосемьи, да вдруг слышит сзади завывание сердитое. Ог-лянулся, видит: ветер летит, ветки деревьев к земле гнёт, траву с корнем рвёт.

– Что ты делаешь, ветер Сиверко? – взмолилась река Тосемья. Облила ветру бороду косматую. Долго тряс её ветер, моросил дождём, а сам кричал сколько было сил:

– Неспроста кружу! Неспроста иду-у! Океан послал жениха найти своей дочери. Чтобы храбрый был, чтобы сильный был, чтобы ловкий был, чтобы хитрый был.

Приумолкла река Тосемья, призадумалась, волны спрятала, стала тихой.

А ветер кружит, дрожит, как олень на привязи, ждёт, что скажет река говорливая.

Вдруг всплеснула одна и другая волна. Замутилась река.

Ветер тут как тут.

– Отортен – жених! Лучше не найти, – прошептала река. И давай хлестать волны в разные стороны.

– Что ты делаешь? Неразумная! – проревел Сивер-ко. А река ревёт, волны пенятся, к берегам летят.

– Подожди! Расскажи! Успокойся! Не расслышал я.

А в ответ, будто человек, простонала река Тосемья да в камнях и спряталась.

Слышал всё это Отортен и с тоской смотрел на сухие каменистые берега. Как травы между собой разговаривали, слышал, видел, как утки в страхе крякали, с гнёзд поднимали птенцов слабокрылых да к озёрам скорей летели.

Чаще стал ходить к сухим берегам Отортен. И увидел раз, как облака с землёй встретились. Закачались деревья, стали землю вершинами бить, а по сухой реке Тосемье ручеёк прозвенел.

Обрадовался Отортен, что река снова в берега входит. Только перед ним вдруг появилась девушка-красавица. Солнце дало ей руки свои, травы дали нежность и стройность, а озёра подарили глаза голубые, бездонные.

– Прячься, Отортен! За тобой летит ветер Сиверко! – громко крикнула девушка и потерялась, а за ней пробежал ручеёк.

– Это ты пришла, Тосемья-река? – крикнул радостно Отортен. – Где ты? Покажись ещё! Пойдём в чум ко мне!

А буран поднялся невиданный. Это хитрый ветер Сиверко услышал имя охотника и задурил, закричал:

– Отортен! Отортен! Отортен!

– Ты иди скорей ко мне! Прячься под берег! Я укрою, засыплю камнями тебя! – слышит Отортен слабый голос девичий.

– Отортен! Отортен! – слышно ветра крик.

А косматые тучи закрыли всё, закружили всё.

– Не отдам тебя в чужую страну! Оставайся со мной, Отортен, храбрый сын народа, сильный сын тайги, ловкий сын лесов! – крикнула каменная Тосемья-девушка.

И рассеялось, потерялось облако тёмное. На том месте меж гор, где стоял Отортен, очутился вдруг большой камень. А Тосемья-река обежала, журча, его, обласкала водой. И стоит с тех пор камень Отортен. Давным-давно снег не тает, лежит на вершине его.

Чтоб не грустил Отортен, не печалился каждую весну, ему Тосемья-река по ручейку говорливому дарила. Пошумят ручейки и убегут в болота, у подножия Отортена спрячутся. Любовался ими Отортен. Год от году ручейки ширились. В реки полные собираться стали. Отортен стал звать их по имени. Постарше дочь Печорой назвал, помоложе которая – Вишерой.

Раз в весенний день солнечный замолчала, задумалась Печора-дочь. Долго ждал сказок её Отортен, прислушивался. Горсть снега с вершины сбросил, а Печора молчит. Видит Отортен – почернела Печора, нахмурилась дочь Вишера.

– Тыпусти нас, отец, в сторону! – прокричала Отортену Печора-дочь.

Посуровел Отортен. Сбросил камень один, а за ним другой, много камней, заковал дочерей в берега. Замолчал. Год молчит, два молчит. Крепко держит дочерей в утёсах каменных.

Утки с криком летели, гуси крыльями свистели, над вершиной Отортена разговор вели:

– Дорога длинная, нелёгкая. Нет озёр! Нет лесов. Пусто-мёртво всё без воды.

И садились птицы на речную гладь, и купались в Печоре и Вишере. На утёсах крутых перья чистили, в низинах речных гнёзда вили, птенцов выводили. А Отортен всё молчал. Всё думушку думал.

Как-то в тёплый день Отортен послал звонкий чистый ручей к дочерям своим. Испугались они, приутихли, слушают.

– Я раздвину плечи свои, – разнёсся голос Отортена, – открою ходы-выходы, на простор пушу. Пусть в водах ваших рыба водится, пусть по глади вашей птицы плавают, по берегам пусть леса растут.

И умолк.

Заметались реки, закачали волны и запели песню камню Отортену.

Долго сил Отортен набирался, тихо поворачивался, раздвигая свои плечи каменные с той стороны, где солнце падает, и отпустил дочерей по широким лугам воды нести.

Он им каждый год свои думы шлёт, талым снегом отцовским потчует. С побелевшей головы светлые ручейки гонит. Да не знают про то сестры, что отец Отортен на другой стороне, что ближе к солнышку, отпустил дочерей самых меньших своих: Лозьву с Сосьвою – так их люди зовут. Наградил их водой прозрачной. Каждый камушек в них птицы видят с небес. Облака в этих реках купаются, прихорашиваются, а в награду дал им Отортен рыбку малую позолоченную. Все селёдкой её зовут сосьвинской. Не увидеть такой, не сыскать нигде!

Стоит Отортен, снежная шапка на нём и савик расшит мхом да лишайником. Низко кланяется ему ветер Сиверко, и подножия ласкают дочери, да течёт у подножия малый ручеёк Тосемьи-реки. Тот, кто был в тех краях да у камня Отортена стоял, тот и сам, наверно, сказками его заслушивался.

ГОРЖУСЬ СВОЕЙ ОТЧИЗНОЙ

Ю. Шесталов

«Кто нашёл подземное море?»

(рассказ)

– Кто нашёл подземное море? Кто открыл нефть и газ?

– Экспедиция нашла. Геологи. Быстрицкий... Хороший был мужик. Я ему даю лошадь, а он мне – бензин, – говорит напевно ещё не совсем старый человек, отвёртывая ключом замасленную гайку мотора длинной лодки – саранхапа.

В курчавых, коротко остриженных волосах ниточками инея белеет седина. На бледном обветренном лице морщины. Но из-под тяжёлых век озорно светятся голубые глаза. Они внимательно, испытующе смотрят то на меня, то на моего спутника: отчего это его спрашивают обо всем известных вещах?

Не знает он ещё, что мой спутник, как и вы, мой читатель, впервые на Севере. Не ведает ещё он, что я буду писать книгу. И к нему вместе с моим спутником не раз я обращаюсь, чтобы понять настоящее, а главное – прошлое нашего Севера.

– Все теперь об этом знают, – продолжает он. – Много говорят о новых людях-геологах, нефтяниках. А было время – не шумели о них по радио, не слагали сказаний и песен. Сейчас они большими людьми стали. Все их знают. Быстрицкий, говорят, лауреат, премию Ленина получил. А ведь в одно время работали. В одном районе. Я в колхозе – председателем. А он землю буравил – клад искал!..

И старый Солвал рассказывает, как охотник о своей удачной охоте, о встречах с Александром Григорьевичем Быстрицким – начальником партии глубокого бурения, которая открыла первый газ Сибири.

Произошло это в 1953 году в таёжном селе Берёзово. С этого и началась новая история нашего края. Газовая, нефтяная история.

О Берёзове я ещё расскажу. А сейчас послушаем Солвала. Его знают манси. А их ведь немало – шесть тысяч манси живёт на великой земле!

Имя Солвала слышали и ханты. А их ведь немало: двадцать тысяч ханты живёт на великой земле.

Из двухсот семидесяти тысяч человек, проживающих на территории Ханты-Мансийского округа, кто-нибудь да слышал о славе председателя северного колхоза.

А это разве мало?

Поработал на славу, а теперь пусть расскажет.

– Быстрицкий, как мы, северяне, невысок ростом. Плотный мужик. Но проворный, что рыба. Большую машину-лестницу привез. Около Берёзова поставил. Это место как раз оказалось удачным. Газ вырвался, загремел, заплясал. На много вёрст кругом слышен был его рёв.

Быстрицкий счастливый ходил: голубой огонь нашёл. А могло быть и не так, и до сих пор наш край тихим мог быть. Люди говорили: «Не колдун ли он, не шаман ли? Как он поставил буровую туда, где голубой огонь? Ведь потом, говорят, совсем рядышком пробурили так же, а газа не нашли». А Быстрицкий, счастливый, отвечал: «Пусть что хотят языки твердят, а газ-то есть, а нефть-то есть, а бензин-то есть!» Вот какой он!..

Хороший мужик!.. Да вот как он нашёл этот огонь, много народу стало, а рыбы меньше стало. Сваришь её – иногда пахнет, как машина... Хороший мужик Быстрицкий!.. И зачем он это сделал?

– А на каком горючем вы ездите? – спрашивает мой спутник, удивлённый поворотом рассказа.

– Бензин зажигаю. Мотор. Быстро саранхап бежит!

– Так этот бензин из нефти, которую в округе добывают.

– Понимаю! – холодно откликается Солвал, всем своим видом показывая, что далеко не только это понимает. – Нефть – золото! И рыба – золото! Без мотора плохо, и без рыбы плохо!

– А как быть?

– Бензин в воду льют, нефть льют, солярку льют.

Ю. Шесталов
«Новая песня об Игриме»
(рассказ)

Юхрим... Твоё старое мансийское имя – Игрим. Почему ты сменил своё имя?

Юхрим... Где старая мансийская деревня?

На узкой полоске земли сидели дома, стайей чёрных глухарей чернели они на песчаном берегу Сосьвы.

Тюр-тюр-тюр... – журчала вода. Почти у дверей плескались шипучие волны.

О, как пахло травами, мокрыми сетями, рыбой!..

Какой запах у тебя теперь?

Ой, какой большой стал Юхрим!

Когда Солвал жил рядом, в Люлюкарах, когда председателем колхоза работал, немаленьким был Юхрим –

может, тридцать стояло домов, а может, целых пятьдесят. Колхоз, рыбоучасток был.

Экспедиция пришла, железные деревья – буровые вышки – посадила, машины привела, землю сверлить стала...

Игрим пахнет железом. Не ржавым железом пахнет Игрим, а сияющим железом пахнет Игрим.

Разгружаются баржи, звенят топоры, рычат бульдозеры, урчат тракторы, лают машины, скользя по песчаным улицам, и небо кажется песчаным, и солнце кажется песчаным, раскалённым. Всё движется, кружится, вьётся... Жарко!

Игрим... Рабочий посёлок. Раскинулся он на правом берегу Сосьвы, в ста двадцати километрах выше Берёзова. В 1959 году здесь геологи открыли газ. Тогда и началась новая история Игрима.

С открытием Игримского месторождения разведанные запасы газа всего тюменского Севера увеличилось вдвое. Это сыграло, несомненно, положительную роль. Ведь тогда не все ещё верили, что на Севере есть много нефти и газа.

В 1964 году началось промышленное освоение Игримского месторождения. Пришли буровики-промысловики, строители, газовики. На полном ходу было уже строительство газопровода Игрим – Серов.

В палатках и зелёных вагончиках жили первые газовики. Ругали надоедливых комаров и мошек, песок, поднимаемый колёсами машин. Удивлялись жаркому июльскому солнцу, тёплой сосьвинской воде, в которой можно было даже покупаться после работы. Наслаждались душистой ухой. В Сосьве рыбы много! Но у людей

было не дорожное настроение, хотя они жили в «городке на колёсах» – в зелёных вагончиках, которые поставили среди зелёных сосёнок на окраине Игрима.

В моей записной книжке имена первых промысловиков: Николай Бурбасов – оператор газопромысла, приехал из Казахстана. Николай Танцеров – тоже оператор, волгоградец. Алаберды Ишанкулиев – дизелист, посланец солнечной Туркмении. Первый начальник Игримского газопромысла – Владимир Немце-Петровский из Краснодарского края. Со всех концов страны приехали люди осваивать богатства Севера.

По завершённом в 1966 году газопроводу Игрим – Серов северный газ уже поступает к промышленному Уралу.

Урал будет получать ежегодно десять миллиардов кубометров природного газа. Если представить, что десять миллиардов кубометров газа заменяют сто пятьдесят миллионов тонн угля и за счёт этого можно получить двести двадцать пять тысяч тонн дополнительной продукции, то станет ясно, какое значение имеет для Урала северный газ. А Урал производит машины. Они на Севере тоже очень нужны!

Недалеко от Игрима, в глухой тайге, растёт новый городок с поэтическим названием Светлый. Как и многие стройки Севера, этот город строит комсомол для рабочих и служащих, которые работают на газопромысле.

А пока это место называется Пунгой.

Пунга... Не правда ли, таинственное слово? Я хоть и манси, и то не знаю, что оно означает. Может, это слово хантыйское? Но это нисколько не мешает Пунге быть самым популярным в Берёзовском районе. Сюда

летят и летят. В аэропорту очереди на Пунгу. Может, потому, что Пунга – самое трудное и пока самое неустроенное место в районе?

Летом – комары. И единственное средство связи – вертолёт. Здесь вечно чего-то не хватает...

Весной – половодье. Цветущая черёмуха в воде. И сосны в воде. И белые ночи, кажется, плывут по воде.

Зимой – белые деревья, и буровые вышки белые, и дома от мороза белые. А звёзды большие, яркие. Вода, комары, бездорожье, мороз... А люди едут на Пунгу. Романтика? И так может быть. Но главное – в другом!

С открытием Пунгинского месторождения, которое оказалось крупнее Игримского, к Пунге потянулись изыскатели будущей трассы газопровода. Они шли по тайге, болотам, через таёжные речки. Пятьсот километров трудного пути от самого северного уральского города Ивделя до Пунги, не встречая ни одного человека.

Пунга была путеводной звездой и для тех, кто рубил первую просеку, прокладывал первую лежнёвку, провёл первую машину. А те, кто вырыл первую траншею, уложил первую трубу, разве они забудут её?

Пунга останется вечной звездой для тех, кто построил газопровод, пройдя сто пятьдесят километров болот, девяносто километров скальных пород, преодолев двести двадцать таёжных речек, остальные из пятисот двадцати пяти километров – дикая тайга. Памятна Пунга строителям. Им пришлось ощутить всю трудность и все то большое счастье, которое выпадает на долю новаторов. Никто в мире ещё на болоте и вечной мерзлоте не строил газопровод. А советские люди построили! И газ по трубе идёт!

Что я знаю о Пунге?

Знаю имена первых буровиков, строителей. Я их записал в свою записную книжку тогда, когда в Пунге ещё жили в землянках и палатках, рубили первые срубы, строили первые дома, бурили первые скважины.

Геннадий Свечков, Анатолий Решетников... Строители... Помню, в срубе первого дома, который они клали, было всего ещё несколько брёвен. Когда я подошёл, они присели отдохнуть, и я услышал оживлённую беседу на тему: «Кто как поступал в институт и почему не попал».

С думой об учёбе они жили в глухой тайге и возводили новую стройку.

Запомнились имена первых буровиков: Строгальщиков Леонид, Назаргалиев Мухтар, Петров Николай.

И Зою Абрамовну Беляеву все знали не только на Пунге и в Игриме! Медицинская сестра, заведующая здравпунктом, она здесь и врач, и общественный деятель.

Что я знаю о Пунге?

Замечательные люди там живут! И трудятся на Пунге, как нигде – тайга! И любят на Пунге, только может быть, сильнее – тайга! Знакомые на Пунге становятся друзьями – тайга!

А теперь рядом с Пунгой вырос новый городок газодобытчиков: Светлый. И Игрим стал другим.

В любое время года он принимает большие самолёты. А от здания аэропорта бежит железобетонная дорожка, бежит до самого нового Игрима, где выросли дома добытчиков газа. Не был я в Игриме чуть больше года, а посёлка не узнать. Кинотеатр, школа, комбинат

бытового обслуживания, аптека, столовая. Помню, совсем недавно это было лишь в словах, сколько разговоров было! Газ Севера заработал. Рядом с молодым сосняком выросли двухэтажные жилые дома. Урчат машины. Это в бетонные плиты одеваются улицы. Не будет больше клубиться песок под колёсами снующих машин, и вода под ногами чавкать не будет. Праздничным выглядит здание управления «Игримгаза». Не только крыша у него шиферная. И стены здания обшиты шифером, будто разрисованы удивительным орнаментом. В железобетон одевается Игрим. Шиферным орнаментом окаймляется Игрим, крылатыми лодками окрылился Игрим, горячим газом славится Игрим.

Ю. Шесталов

«Железный аргиш – железное каслание»

(рассказ)

Что такое аргиш?

Олений караван. Большой караван. Полозья скользят, песни дороги высвистывают. Когда движется аргиш, оживает снег, он кружится и вьётся, веселеет тайга, она звоном копыт смеётся. И белый плёс речной, уснувший в снежном сне, просыпается на миг и удивлённо глядит, как по его мёртвой спине на звонких оленьих копытах несётся дальше жизнь...

Я просыпаюсь. Слышу не скрип, а жужжание. Не таёжным ветром пахнет, а бензином. И тёплые струи лицо моё ласкают, а не морозный воздух колет. Деревья летят навстречу, и колючий ветер, наверно, тоже летит, а в кабине тепло. А рядом со мной сидит не каюр в тёплой малице с узорами оленьих рогов, а шо-

фёр. Не хорей у него в руках, а баранка. Крепко держит баранку шофёр Борис Морозов. Пятый час показывают стрелки часов. Уже просыпаются утренние звёзды, а мой сосед ещё не смыкал глаз. Я клюю, уже шестые сутки клюю.

Удивляюсь, как это Борис Морозов не дремлет! Не богатырь ли он какой?

Чёрные деревья стадом несутся и пролетают мимо. Рыжие звёзды летят, но не пролетают мимо. Они беззвучно несутся ввысь, с тяжёлым жужжанием колёс вниз ползут. Но с глаз моих не уходят звёзды: как духи, перед глазами качаются они. Может, из-за них я опять клюю и снова вижу сны?

Девяноста второй километр от Правдинска. Девяноста два километра отъехали от Иртыша, на берегу которого стоит рабочий посёлок геологов. Снег, карликовые сосенки, болото... Лёгкие «ЗИЛы» проскочили. Тяжёлые «КРАЗы», «МАЗы», даже «Уралы» вязнут. За двенадцать часов проехали только шесть километров.

Несмотря на мороз, болото не промёрзло. Под тяжёлыми машинами раскрыло свою «пасть» и, как чудовище, дышало морозным воздухом.

В руках комсомольца Анатолия Балмасова, кажется, трещал железный канат. Он смуглыми жилистыми руками завязал узел, чтобы удлинить канат. Потом шёл к своей машине, которая стояла на более «твёрдом» месте, заводил мотор, тащил «Урал» товарища. Но и перед ним болото раскрыло свою пасть. И теперь уже «Урал» Балмасова кто-то вытаскивал.

Хорошо, что рядом товарищи.

Вперёд пойдёшь – только через двести километров приветливый огонёк жилья увидишь. Назад пойдёшь – через девяносто два километра глаза свои согреешь, увидев среди снегов весёлые дымки таёжного селения.

А в сторону пойдёшь – на тысячи километров хозяева – звери. И на этом просторе лишь иногда скрипом лыж проскрипит одинокая песня охотника. Не вздрогнет даже очкастый глухарь, удивится странным звукам лось и побредёт дальше. В тёплом дупле шелушит орешки огненная белка. Она боится лишь соболя, который охотится за ней. Лиса рисует узоры. И на безбрежном просторе нет больше иных следов.

Жужжит мотор, и в лад ему льётся снежная музыка. Она журчит ледяной водой – в таёжных речках лёд иногда не выдерживал, и машины шли, плескаясь и фыркая.

И лёгкий ветер порой звенел – как по асфальту машины летели. И снежная вьюга порой завывала – тихо-тихо машины ползли, как стадо лосей по глубокому снегу, переваливаясь с боку на бок.

Долго не кончалась тайга. И не было ни капли воды. Жажда мучила шофёров. И вкусным казался даже сухой снег. Костёр на снегу. Чай на снегу.

Строили зимник Тюмень – Сургут. Зимник – это временная шоссейная дорога. Не асфальт под колёсами, а лёд, который намораживали строители изо дня в день. На болотах клали брёвна. В тайге прорубали просеку, в реке намораживали лёд такой толщины, чтобы он вынес 25-тонные «КРАЗы», «МАЗы». А от Тюмени до Сургута – почти тысяча километров. Многие сотни километров пришлось пройти по дикой тайге, где нет ни единой тропинки и жилья. А нужна эта дорога нефтяникам,

строителям, буровикам, которые в навигацию 1964 года приехали осваивать новые месторождения нефти. Но за короткое северное лето не успели завезти всё необходимое оборудование. Ведь здесь, на Севере, единственная связь по рекам – Оби и Иртышу. А лето короткое. И на вертолётах и самолётах много не подвезёшь. Вот и придумали зимник. По нему едет наша колонна, открывая новую ледяную трассу, которой и потом будут пользоваться во время строительства нефтепровода Усть-Балык – Омск и железной дороги Тюмень – Сургут. И тогда он не потеряет своего значения. И назовут его «дорогой жизни» строек Сургута, Нефтеюганска, Нижневартовска, Мегиона...

Одним из строителей был Юрий Горшенёв. А познакомился я с ним вот как.

Ехал я в «газике» заместителя начальника объединения «Тюменьнефтегаз» Николая Ивановича Антропова. Он возглавлял колонну машин первого рейса.

Антропов... Как вспомню о нём, так в памяти всплывает первый день рейса. Тюмень. Торжественные проводы. Багровые плакаты: «Даёшь Сургут!», Привет участникам рейса Тюмень – Сургут!»

Антропов... Он тогда показался волшебником.

Только выехали в поле, даже не успела ещё открыться за горизонтом Тюмень, как Антропов стал «принимать парад». Широко расставив ноги, он стоял в снегу. Из рук его, поднятых к небу, летели красные, жёлтые, синие, белые ракеты.

А мимо него медленно, торжественно, действительно, как на параде, проплывали гружённые до отказа «КРАЗы», «МАЗы», «Уралы», «ЗИЛы». Белые, крас-

ные, синие, жёлтые ракеты летели в небо, на мгновение освещая чуть заметную улыбку на круглом лице Антропова.

В ночь, когда мы ехали по тайге, Антропов часто выходил из «газика» и ракетами сигналил отставшим машинам.

Я клевал, а Антропов по-прежнему был бодр и весел. Он рассказывал анекдоты, смешные истории о своей жизни и «карьере» нефтяника, которую он начал в Башкирии и вот решил продолжать на освоении тюменской нефтяной целины.

Не знаю, слушали ли его московские корреспонденты, которые ехали в этом же «газике», но я дремал.

Сквозь дрему слышал слова:

– Вот сейчас остались балки. Вот в них-то и жили всю осень и зиму строители дороги. Хорошо поработали!.. – и проснулся. Но опоздал.

Строители дороги... Ещё днём говорили о них, и мне хотелось бы увидеть хоть одного. И вот проехали мимо. Окончательно проснулся, когда узнал, что дальше других строителей дороги мы не встретим.

Я попросил остановить машину.

– Куда вы? – забеспокоился Николай Иванович. – Ведь мы далеко отъехали, километров пятнадцать, не меньше...

Но я вышел, надеясь, что кто-нибудь повернёт свою машину и отвезёт меня к строителям.

Мои товарищи – кинооператоры тюменского телевидения – ехали на машинах в конце колонны. Я обрадовался, что смогу их подождать, и в нашей кар-

тине о первопроходцах снежной трассы будут и строители дороги. А как же без них можно обойтись.

«Газик» ушёл. Я остался на дороге один. Звёзды теперь казались особенно яркими. Это при свете фар они бледные и обыкновенные, как огни далёкого селения, в котором бывал ты не раз.

А в тайге, когда рядом нет ни души, звёзды кажутся живыми. Они таинственно мерцают, пробуждая мысль. И в одиноком путнике пробуждаются видения одно ярче другого. Час назад ты представлял себе героем снежной трассы, покорителем природы, может, называл себя, а теперь тайга, ставшая стеной по обе стороны дороги, кажется чёрным медведем.

И хотя ты знаешь, что «хозяин» тайги в январе, перевернувшись на другой бок, видит сны в тёплой берлоге, всё же сначала появятся «медвежьи» видения.

«А самое страшное – это шатун», – вдруг пронзит мысль. И холод пройдёт по телу. Шатун – самый злой зверь. Увидит – раздерёт, съест заживо.

Не подумайте только, что манси так боятся тайги. Нет! Это лишь первое чувство. За многие сотни километров от дома ходили манси за зверем. В одиночку часто ходили. Целыми месяцами в снегу спали, в тайге ночевали. Не боялись мороза, медведя, даже злых духов.

Верили манси и ханты духам. Но считали себя, видно, сильнее. А я боялся в ту ночь, потому что нарушил закон тайги: у рискнувшего отстать в лесу должны быть хотя бы спички и нож. Нарушил я закон тайги, но расплачиваться не пришлось. Новое время – новые законы. На большой дороге – большая жизнь. На час только замер на этом участке зимник. Потом снова заурчали же-

лезные олени. И один из шофёров согласился повернуть обратно, отвезти меня к строителям.

На другой день мои товарищи кинооператоры уже снимали Юрия Горшенёва, строителя дороги. Рыжебородый, светлоглазый, широкоплечий, он, как воин, возвышался над открытым люком АТТ – артиллерийского тяжёлого тягача. В руках этого богатыря, сына кубанского казака, была могучая техника. Эти АТТ, отслужив свой срок, продолжают бой в дикой тайге, помогают людям осваивать нефтяную целину. Не с голыми руками, даже не с топором идёт сегодня в тайгу строитель. По глубокому снегу ползёт АТТ, и без топора валятся могучие сосны и ели. По самой густой тайге может пройти этот железный олень и проложить другим дорогу.

Я круглыми глазами гляжу на железную мощь Юрия Горшенёва. И не удивлюсь, когда увижу потом его лицо на снимке вместе с другими первопроходцами, жителями города Правдинска.

Правдинск – центр Салымского месторождения нефти. А открыл его Салманов Фарман Курбанович, Герой Социалистического Труда, кандидат наук... Это человек-легенда. Он прославился смелыми прогнозами. Не поколебавшись, убедил своих коллег сделать бросок на Усть-Балык. И там оказалось много нефти. В рекордно короткие сроки строители проложили тысячекилометровый нефтепровод Усть-Балык – Омск. И в юбилейном году Омск получил свою сибирскую нефть. Салманов отстаивал нефтеносность Мегиона, Пима, Тайлакова. И там тоже нашли нефть.

Сургут – столица сибирской нефти. Возрождение древнего города связано с именем Салманова. Через несколько лет здесь будет город с двухсоттысячным населением. Над тайгой вознесутся не только буровые вышки, но и поднимется телевизионная башня.

К берегам полноводной Оби побегут рельсы железной дороги Тюмень – Тобольск – Сургут. Таёжный город станет культурным и научным центром Севера, с институтами, современными кинотеатрами, Дворцами культуры.

Фарман Курбан-оглы Салманов – азербайджанец. Сегодня на Ханты-Мансийском Севере трудно найти человека, который не знал бы это имя. На землю Югры свой богатый опыт буровика принёс из Башкирии Мидхад Назифулиевич Сафиуллин. А татарин Рафхат Шакирьянович Мамлаев за исследования и организацию добычи чёрного золота древней хантыйской земли получил степень доктора геологических наук...

И снова я в дороге. И снова ночь.

Тёмно-синие деревья летят и летят. Синий снег скользит и скользит. Рыжие звёзды перед глазами качаются и качаются. Когда кончится этот дорожный сон? Когда замолкнет это жужжание, пропахшее бензином?

Под жужжание моторов мне приснились олени.

Олень... Чёрные, как спелая смородина, живые глаза. В выразительном взгляде оленя будто затаилась глубокая дума. И кто может разгадать эту думу? Розовые губы, гордая посадка головы, полная грудь, тонкие красивые ноги, поджарый круглый стан. А рога как дерево с бархатными ветвями. А уши как две птицы. Они машут крыльями, вслушиваясь в мир.

Что они хотят слышать?

Не попал ли человек в беду, не мёрзнет ли он, не хочет ли мчаться быстрее?

Захочет человек – и снежный вихрь клубится, стучат звонкие копыта, и нарта оленья мелькает. На охоту мчится нарта, на рыбалку мчится нарта, в чум соседа мчится нарта. А застигнет в пути пурга – меж оленей человек ложится. Заметают их всех снег, и мороз хоть скачет, но не замерзает человек, – рядом с рогатыми друзьями ему тепло и весело. Олень есть жизнь на Севере. Из шкуры старого оленя оленевод шьёт себе малицу. Из шкуры молодого оленёнка шьёт себе мягкую пыжиковую шапку. Из шкуры тонких ног оленя искусные руки женщин шьют меховую обувь с причудливыми узорами. На оленьих шкурах резвятся и засыпают дети. Нежными оленьими языками лакомятся северяне за праздничным столом. Хороший друг олень! Он возит, кормит, поит, одевает.

Почему сегодня ты мне снишься? Неужели в Ханты-Мансийском Севере лишь одни «железные олени» кочуют?!

Хороший друг олень!

Разве с ним могут расстаться люди?

А места хватит всем. И железным машинам-оленьям есть где мчаться, обгоняя снег и ветер, и кротким оленьям – рогатым друзьям северянина – есть где пастись: просторы тайги и тундры безбрежны.

Разве тысячи центнеров оленьего мяса, произведённого оленеводами округа, бывают лишними? Разве геологи, совершившие на этой земле свой подвиг, питались лишь одними консервами? Разве десятки тысяч

олений, пасущихся на пастбищах Ханты-Мансийского округа, не были полезны геологам? Не всегда в тайге были дороги. И первопроходцы на тонконогих оленях катались, постигая шаг за шагом свою мечту и цель.

Хороший друг олень!

А я задумываюсь: хороший друг олень, да только смог бы он везти железные трубы? А трубы эти нужны были для строительства нефтепровода Усть-Балык – Омск. Тысяча километров труб. Разве это под силу оленям?

Нет! Только «железные олени» смогли это поднять! И бесперебойное снабжение строителей, нефтяников, буровиков продуктами питания, оборудованием, жильём осуществить можно лишь с помощью «железных оленей» – машин, поездов. И на огромных просторах нашего Севера строились железные дороги. Строительство железной дороги Тюмень – Тобольск – Сургут стало Всесоюзной комсомольской стройкой. Она связала главные нефтяные и газовые месторождения с промышленными центрами страны.

Лес! Это ещё одно чудо нашей земли.

И теперь по железным путям со звонким перестуком мчится нескончаемый поток смолистых сосновых брёвен, янтарных шпал, пахучего леса. И недалеко тот день, когда из нашей тайги побегут вагоны с бумагой, целлюлозой, картоном, мебелью.

Добрые вести идут отсюда, из Ханты-Мансийской тайги. Над нею гирляндами огней сияют буровые вышки. Белыми стрелами натянуты высоковольтные линии электропередач. Вдоль и поперёк рассекли тайгу просе-

ки дорог, нефтепроводов. День ревут, ночью грохочут, утром гудят, вечером жужжат тысячи машин.

А завтра... Каким будет северный город? Может быть, таким, каким он видится начальнику Главного тюменского производственного ордена Ленина геологического управления, лауреату Ленинской премии, герою Социалистического Труда Юрию Георгиевичу Эрвье:

«Красивый, из стекла и бетона и новых пластмасс арктический город будет поражать приезжих своими зимними садами, обилием и разнообразием овощей и фруктов, растущих в огромных по площади оранжереях; светлыми крытыми галереями, соединяющими дома; замечательными дворцами и гостиницей, в которых наряду с русскими будет звучать иностранная речь моряков, с танкеров, пришедших за нефтью; плавательными бассейнами для детей и взрослых, профилакториями».

Да, это будет! В недрах Севера – целые моря горячих термальных вод. Благодаря рукам и мудрости людей они согреют наш суровый край.

День и ночь мчатся олени, железные олени. У них и ноги железные, и рога железные, и глаза железные. Мчатся олени по дорогам железным. Мчатся они и по снегу, и по земле.

Мчатся олени железные. Только думы наши не станут от этого железными. Может, мы лишь мягче и добрее к природе станем. Может, лишь сильнее и мудрее мы станем.

На Севере нашем железные олени. По Северу нашему движется железный аргиш. Везёт он в наш край новую жизнь.

Ю. Шесталов
«Пояс с драгоценными камнями»
(предание)

Соболиные два океана,
звериные два океана одинаковой длины,
одинаковой ширины...
(земля и небо)

Земля... Какая она? Идёшь, идёшь, а она не уходит из-под ног. Только небо над головою с ярким солнцем – днём, с глазастыми звёздами – ночью. Плещут синими волнами реки, зелёными ветвями шумит дремучая тайга, и не раз на пути встанут горы, вросшие камнем в небо.

Какая она, земля? Теперь все знают, что она круглая. Было о ней много дум, длинных, как зимняя ночь. Было много сказок. И манси пели о земле свою думу-сказку. Вот она.

Жила была Ёлы-Торум-Сянь, мать земли. Жила она с Крылатой Калм. Это птица волшебная, сказочная. На землю прилетели они с далёкой, вечерней звезды. Поэтому все сказки начинаются вечером. Долго мерцала та звезда сумрачным светом. Потому, наверно, сказываются долго.

Однажды Ёлы-Торум-Сянь говорит Крылатой Калм:

– Поднимись к своему отцу, Нуми-Торуму. Так ему скажи: «Земля наша не стоит на месте, как плот на волнах, всё качается. Когда появятся её хозяева – мудрые люди, им будет нелегко. Нуми-Торум, отец мой, укрепи нашу землю!» Может быть, каким-нибудь поясом он её опояшет.

Полетела Крылатая Калм к своему небесному отцу. И рассказала ему, о чём просит Елы-Торум-Сянь. Выслушал Нуми-Торум её, опершись правой щекой о посох, и молвил:

– Ладно. Так и будет!

Пока Крылатая Калм летела, Нуми-Торум опустил на землю свой пояс. Пояс его украшен тяжёлыми пуговицами. Под его тяжестью земля осела глубоко в воду и стала неподвижной. На том месте, где лёг его пояс, теперь Нёр – Уральские горы. Это самая середина земли. А пояс тот был непростой: золотые пуговицы горели ярче солнца, а серебряные светились полной зимней луной. Хрустальные камни ослепительно сверкали, как снег под весенними лучами.

Звёздным Млечным Путём мерцали украшения из меди, олова.

Причудливые мраморные и гранитные фигуры висели на золотых цепях, как фигурки, сделанные из кости мамонта на поясе охотника.

Теперь все знают, что земля круглая. И никогда Урал не был поясом Нуми-Торума. Но от этого он бедней не становится.

Каждый день люди что-то открывают. Урал наш золотой. Земля наша драгоценная. Такой её видел Мир-Сунэ-Хум. А мы на ней живём.

А. С. Тарханов

«Шаим»

Шаим, как раненая птица,
Всё прячет голову в крыло.
Шаим у озера ютится –

Когда-то громкое село.
Здесь сосны небо подпирали,
Здесь рыбу черпали ведром.
Отсюда девок в жёны брали,
Чтоб этим хвастаться потом.
Когда геологи впервые
Сюда уверенно пришли
Они гитары ветровые
И много воли принесли.
И нефть нашли. «Ура» кричали.
А в час закатный у реки
В туманные смотрели дали
С печальной думой рыбаки.
И следопыты горевали:
Ушёл далёко соболёк.
Свою деревню покидали –
Развилку шумную дорог...
И вот я вновь в родном Шаиме.
Сосновый и озёрный край,
Стране твоё известно имя
И город нефтяной Урай.
Но сам Шаим в плену заката,
Живут здесь только старики.
Давно нет сосен в три обхвата,
Нет озера и той реки,
Что в мае щукою резвится
И дарит парус и весло.
Шаим, как раненная птица,
Всё прячет голову в крыло.

А. С. Тарханов
«На Самотлоре»

Всех главнее из озёр
В нашем крае Самотлор.
Тут повсюду буровые –
На воде, по берегам.
Ночью звёзды огневые
Светят с них буровикам.
В глубь земли идут долота,
День и ночь кипит работа.
В трубы длинные стальные
Реки льются нефтяные.
Выйдут из тайги олени
И замрут от удивленья.
Всех богаче из озёр
В нашем крае Самотлор.

ВИЖУ ЧУДНОЕ ПРИВОЛЬЕ!

Ю. Н. Шесталов
«Утренняя песня»

Зверёк наш, просыпайся!
Открой глазки, вставай!
Подружка твоя ронжа –
Таёжная кедровка –
Давно уже на вершине кедра сидит,
Орешки щёлкает, шишку в руках держит.
Зверёк наш, просыпайся!
Открой глазки вставай!
Что это ты тут уснул?
Или в человеческом доме тебя придавили
Тяжёлые сны о таёжных смолистых шишках?
А раньше, помнишь, когда ты жил в углу леса,
Раньше всех вставал!
Куда там крикливая ронжа!
Может, тяжесть человеческого ножа и топора
Тебя так усыпили?!
Зверёк наш, просыпайся!
Зверёк наш, открой глазки!
Младший братец твой, росомаха,
Седьмое болото уже обходит,
На вершине седьмой речки уже рыщет.
Зверёк наш просыпайся, просыпайся!
Может, тяжесть тонкого сукна тебя так усыпила,
Может, тяжесть шёлка тебе передалась?
Лесная сестрица твоя, красная лисица,
На берегах семи озёр уже побывала.
Мышей половила, полакомилась и уже устала...
Миленький наш! Потяни лапу, потяни другую.

Просыпайся, маленький, просыпайся!
Длиннохвостая белочка все деревья обскакала,
А полосатый бурундук запас орехов на зиму,
А белая зайчиха столько узоров нарисовала,
Что ни одному не найти её по следу.
Глаз зори в окно уже смотрит.
Зверёк наш, просыпайся! Открой глазки!
Дети твои, лесные девочки, тропу к речке протоптали,
Полную кадушку воды принесли.
Утром люди руки моют, плещутся живой водою,
А брызги на тебя летят...
Разве ты не ощущаешь эту свежесть, эту сказку?!
Зверёк наш милый! Просыпайся,
Открой глазки и вставай!
Вместе с нами улыбайся!
Собирайся в дорогу новую.
Тебя ждут дела вечные!
Зверёк наш, просыпайся!
Зверёк наш, вставай!

С. С. Динисламова
«Осень»

Ветви тонкие берёзы
Налетевший ветерок
Рвёт, выкручивая впрок,
Чтобы золотые листья
Подхватить и враз во мгле
Разнести по всей земле.
Шепчет ветерку берёза:
«Листьев мне оставь хоть часть,
Мне без них совсем пропасть.

В них – краса моей всей жизни,
Пусть любят, пока
Всем видны издалика.
Ведь не зря хорошела,
Пору осени ждала,
Чтобы радость вдруг прошла.
Захочу – и покружусь,
Захочу – в наклоне грустном
Листья погружу искусно.
Ветер, мне озорничать,
Верь, с тобою так приятно,
Но без листьев как стоять, неопратно?»

А. С. Тарханов
«Птицы соснового бора»

В хвое дорога упруга
И желтовато влажна.
Гальку клюёт копалуха.
Чует погоду она.

Сойка собою гордится,
Верит, что только она –
Самая видная птица:
Каждой травинке видна.

Дятел – лихой работяга –
Сотне деревьев помог.
Краше хвастливого мака
Красный его хохолок.
Ветки ведут разговоры,
Вторит им огненный лис:

Нету соснового бора
Без удивительных птиц.

Копалуха – глухарка.

А. С. Тарханов
«В осеннюю непогоду»

Глухарь сегодня – в буреломе.
Он, великан летучий, спит,
Как люди в благодатном доме.
А дождик нудно моросит.
Проснётся рано он от смеха
Совы, хохочущей над ним:
«Смотрите, птицы, вот потеха! –
Заспался чёрный нелюдим».
Багряный лист в просветы сучьев
Росинки на него сочил.
«На волю выберусь-ка лучше...
На волю, где вчера ходил».
Он вышел на песок прибрежный.
Шумел на речке тёмный вал,
И хулиганил ветер встречный.
Глухарь песок клевал, клевал.
На небо глянул. Небо хмуро.
И ветер ледяной подул.
Учуяв снеговую бурю,
В чащобу снова он нырнул.

А. С. Тарханов

«Вьюга»

Вьюга с воем, стоном, свистом
Ворвалась к нам в декабре.
Кедрачи Ханты-Мансийска
Утонули в снежной мгле.
У холмов, на лыжных трассах
Гонки вихрей провела,
Где катались на салазках –
По два храма возвела.
Волчья стая от испуга
По логам в снега ушла.
До утра кружила вьюга –
Разудалая душа.

Ю. Шесталов

«Снег, снег, снег...»

Снег, снег, снег...

Неужели разыгралась вьюга? Не может быть: ведь
светит солнышко.

Снег, снег, снег...

Малицы-шубки белые, щёки белые, ресницы белые.
По щекам струями текут слёзы. Нет, это не слёзы – это
на лицах тает снег.

Снежинки над домом, снежинки на поляне. Играют
в снежинки олени, собаки, люди. Играют в снежки оле-
ни, собаки, люди. Играют в снежки седые, как ягель,
старика и озорные, вертлявые малыши.

Снег, снег, снег...

Смех, смех, смех...

Начало Игрища загадок.

Ю. Шесталов
«Сорока и чайка»

Тира, тира, тира, тира...
Ах, поведай мне, сорока,
Не была ль зима жестока?
Ты скажи, сестрица, слово,
Что ты сделала зимой
Для людей большеголовых,
Для родни своей прямой?
– Тррр, чррр, тррр, чррр...
Я свою дала им силу.
Сколько я переносила
На крутых плечах моих!
И в тайгу-то я летала,
И у речки замерзала,
Накормить чтоб лучше их.

* * *

– Тррр, чррр, тррр, чррр...
Так сорока ей трещала...
Но ведь есть людей немало.
Каждый, с виду хоть и прост,
После холода и вьюги
Норовит других заслуги
Нацепить себе на хвост.

А. С. Тарханов
«Спасительные кедры»

Кедры детства, кедры величавые –
Гордость всей деревни Карагаево.
В два ряда от дома Чилигаева
Вытянулись к западу заставою.

Посреди деревни, словно воины,
Высятся, плечистые и стройные.
И в июне деревья зелёные
Зацветают и алеют кронами.
Пацаны – друзья мои шумливые –
Шишками любят красивые:
Голубые, на ветках качаются
И молочным соком наливаются.
В августе деньки есть чудотворные:
Ветры прилетают к нам проворные.
Дождь необычайный –
 шишки падают,
Всё живое по округе радуют.
Радуются люди, белки рыжие,
Ронжи, соболи, медведи дюжие.
Сыплются – ура! – подарки хлебные,
Вкусные, спасительно-целебные.
Лечат кедры также кореньями,
Серой и корой в ветра осенние.
Небеса питают кедры тайнами,
Дерева в те дни хранят молчание.
Дружат люди с небом и с поверьями,
Кедры нарекли они священными.

А. Ф. Слинкин
«Солнышки»
(рассказ)

Одной девушке подарили большущий, рыжий-рыжий подсолнух. Подарили красиво, от всей души и сердца – посадили под ее окном среди лета, он и заглядывал к ней в комнату, как маленькое солнышко. Окно выходило на северную сторону, и раньше в него было

видно только тень и скуку. По вечерам, когда лучи заката попадали на подсолнух, он весело задирал макушку и щурился на свет, да листьями от ветра отмахивался. А в сумерках опрятно складывал лепестки и тихонько дремал до утра. Просыпался когда, девушка выглядывала к нему, по своему обыкновению, спросонок заплетая косичку или просто напевая чего-нибудь веселое. Поднимут друг другу настроение, и довольны потом весь день. Она и днем еще, нет-нет, да покажется подсолнуху. А тот, когда подрос, улыбаться научился по-настоящему. Ему ведь, конопатому, вечернего солнца маловато было, вот он к девушке и тянулся. А она понимала и серьезно к этому относилась. Ведь быть для кого-то солнышком – уметь надо.

А. С. Тарханов
«Спящая бабочка»

Спящая бабочка в доме
На паутине, на клёне.
Бабушка в горнице ходит,
С бабочки взгляда не сводит.
Внукам Серёже и Вите
Шепчет она: «Не шалите.
Дверью не хлопайте, дети,
Снится ей сказка
О лете...
Вдруг паутина порвётся,
Бабочка тотчас проснётся.
Мир её хрупок и тонок.
Бабочка – тот же ребёнок».
... А за окошком морозы,
В инее красном берёзы.

Бабушка тихо вздыхает,
Сердце её замирает:
«Пусть до весеннего грома
Спит наша бабочка дома».

С. С. Динисламова
«Ворона»

Ворона с чёрными крылами,
С какими зналась ты краями?
На ветке ты сидишь высокой
И каркаешь, зная, одиноко.
Твой громкий голос – тоже средство,
Чтобы порадовать мне сердце?
Я знаю, за морем красиво,
Там разные встречались дивы.
Быть может, слышала ты бубна
Удары, глас шамана трубный?
О чём шаманил, что камланье
Сулило, звонкое посланье?
Я не хочу судьбе перечить,
Но тоже жду с шаманом встречи.
В каком краю хранит он ломик?
Зная, в кедраче запрятан домик?
Ворона, укажи мне место,
К нему тропинку, честь по чести.
Хочу услышать бубна битву,
Хочу понять его молитву...
Ворона – чёрный страж печали,
Ну, почему ты замолчала?
Тебя расспросами немало
Неужто вправду испугала?

4 класс

НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ

Пословицы и поговорки

- В наследство детям не давай ни золота, ни чёрных соболей, а дай любовь к труду.
- Оленя узнаёшь в упряжке, а человека на промысле.
- Не пойдёшь – не пожужь, не походишь – не поешь.
- С непойманного песка шкуру не снимешь.
- Сплетня режет сердце сильнее ножа.
- Лжёт, как береста на огне вертится.
- Не смотри, что по-банному крыт, а внутри меня горница.
- Лживого человека слушать, всё равно что тёплую воду пить – не напьёшься.
- Как ружьё бабахнет, так и эхо ахнет.
- Кто с недобрым сердцем идёт, всегда дрожит.
- Бодливой корове бог рогов не даёт.
- В берестяной кузов положил ты счастье.
- С гостями – ночь короче, светлей и зима теплей.
- Ум на пути постигает истину.
- Без ветра дерево не шатается.
- Разум шире морей, знание выше гор.

Загадки

1. На крыше дома лежит шкура оленя-самца.
2. Ляжет – калач, встанет, скамейка.
3. Четыре женщины одним платком накрылись.
4. За одну ночь за семь рек, за семь ручьев уйдёт.
5. На кусты падает, да на траву падает.
6. Один льёт, один пьёт, один растёт.
7. Весь народ берётся за одну руку.

8. Толщиной с берестяную плёночку мужчина все войска задерживает.
9. Макушка дерева – конь для всадника.

Отгадки:

1) звёзды на небе; 2) собака; 3) стол; 4) волк; 5) роса; 6) ложит и дёт, земля пьёт, деревья и трава растут; 7) двёрная ручка; 8) полот (не пропускает комаров в нутрь); 9) белка на дереве

«Мудрая сова» (народная сказка)

Сидел однажды Верхний дух Тапал-Ойка с женой у окна своего дома.

Жена сказала:

– Ты кто такой, Тапал-Ойка?
 – Как кто такой? Верхний дух.
 – А если ты Верхний дух, почему же в таком плохом доме живёшь?

– Чем же наш дом плох? – удивился Тапал-Ойка. – Мне наш дом нравится.

– У людей точь-в-точь такие дома. Это для Верхнего духа стыдно. Построй новый, просторный, высокий, чтобы все удивлялись, все его хвалили.

– А из чего же я такой дом построю? – спросил Верхний дух Тапал-Ойка.

– Хорошо бы из костей, – посоветовала жена.
 – Да где же столько костей взять?
 – Очень просто, – отвечает жена. – Собери всех зверей, птиц, рыб и убей. Из костей новый дом построишь.
 – Что ж, это можно, – говорит Тапал-Ойка. – Так и сделаем.

Рыб собирать щуку послал. Зверей – юркого горно-стая. Птиц созывать велел длинноногому куличку. Немного прошло времени, приплыли рыбы, прибежали звери, прилетели птицы. Вышел Тапал-Ойка, пересчитал всех и говорит:

– Звери все тут, рыбы все. А птицы не все – совы не хватает. Ты, куличок, сову видел?

– Нет, не видел, – куличок отвечает.

– Ну, беги, найди её, – говорит Тапал-Ойка. – Убивать, так всех сразу.

Побежал длинноногий куличок сову искать. Долго искал, наконец, нашёл. Она на высоком кедре сидела.

– Ты что, сова, сидишь? Разве не слышала, тебя звали!

– Кто звал?

– Тапал-Ойка, Верхний дух. Он всех рыб, птиц, зверей собирает.

– А зачем?

– Всех убьёт. Из наших костей новый дом построит. Старый дом жене Тапал-Ойки не нравится.

– Ах, вот оно что! – говорит сова. – Ну, тогда ты иди, я потом прилечу.

Куличок обратно побежал.

– Нашёл сову? – спрашивает Тапал-Ойка.

– Нашёл, – отвечает куличок.

– Где ж она?

– На кедре сидит. Говорит, потом приду.

Ждут, ждут сову – не летит. Тапал-Ойка опять куличка посылает:

– Беги скорей. Что её так долго нет!

Побежал длинноногий куличок. Сова всё ещё на кедре сидит.

– Что ж ты не идёшь? – кричит куличок. – Все тебя ждут.

– В таком деле торопиться незачем, – отвечает сова, – ещё немного подумаю. И за себя, и за вас мне ведь думать приходится, раз вы сами за себя не умеете. Иди, я следом за тобой полечу.

Прибежал назад куличок, от усталости еле дышит. Отдышался, сказал:

– Сова следом за мной летит.

Опять все ждут сову. А её нет да нет. Рассердился Тапал-Ойка на куличка.

– Беги за совой, да смотри, без неё не возвращайся!

В третий раз пустился куличок. А сова ещё лапами по ветке не переступила. Как сидела, так и сидит. Куличок ей говорит:

– Ноги меня уже не держат, не могу больше за тобой бегать. И Тапал-Ойка гневается.

Сова взмахнула крыльями, сделала круг над куличком.

– Видишь, лечу. А ты уж в последний раз ног не жалея, беги вперёд да скажи, пусть жена Тапал-Ойки окно в доме растворит.

Прибежал куличок.

– Сова за мной летит. А вы окно в доме распахните – так она сказала.

Распахнули окно. Тут как раз и сова явилась. Села на окно, хвостом внутрь дома, клювом – наружу.

– Ты где пропадала? – спрашивает Тапал-Ойка.

Сова молчит.

- Что ты молчишь? – сердится Верхний дух.
- Я думаю, – отвечает сова.
- О чём же? – спрашивает Тапал-Ойка.
- А вот думаю: чего на земле больше – сухих деревьев или зелёных?
- Глупо ты думаешь, – говорит Тапал-Ойка. – Зелёных деревьев на земле больше.
- Хэ! – говорит сова, – так только кажется. А я считаю: если у дерева сердцевина высохла, оно всё равно скоро засохнет, хоть ещё и зелёное.
- Это ты правильно говоришь, это ты умно думаешь, – сказал Тапал-Ойка. – Уж раз начало дерево сохнуть – высохнет, ничего не поделаешь!
- И ещё я думаю, – говорит сова. – Если взять всех птиц, рыб, зверей, кого среди них больше: живых или мёртвых?
- Ясное дело – живых, – отвечает Тапал-Ойка, – зачем и спрашивать?
- Вот и нет, – говорит сова. – Ты собрал нас тут, чтобы убить, себе новый дом построить. Мы уже всё равно что мёртвые. Скоро совсем живых не будет.
- Так и есть, – закричал Тапал-Ойка. – Как же я раньше не догадался! Сова опять молчит. И все молчат. Наконец Тапал-Ойка не вытерпел:
- Неужели ты думать не кончила?
- Не кончила, – отвечает сова. – Как, по-твоему: кого на свете больше – мужчин или женщин?
- Тут и думать не надо, – засмеялся Тапал-Ойка. – Мужчин больше. Что, неправда, скажешь?
- Сова покачала головой:

– Это как считать! Рассуди сам: если мужчина чужим умом живёт, можно его назвать мужчиной?

– Не мужчина такой человек, – сказал Верхний дух.

– А ведь это ты о себе говоришь, Тапал-Ойка, – сказала сова. – Не мужчина ты!

– Как это не мужчина?! – закричал Верхний дух.

– А вот так! Когда зверей, птиц, рыб создавал, никого не спрашивал. Тогда был мужчиной. Теперь глупую свою жену послушался. Ей на прихоть хочешь нас всех погубить. Меня-то не убьёшь, я нарочно так села – хвост назад, клюв вперёд. Взмахну крыльями и улечу. Всем, кого ни встречу, кричать буду: не мужчина Тапал-Ойка, умом глупой женщины живёт, не своим!

Стыдно стало Тапал-Ойке.

– Подожди, не улетай! – сказал он сове. – А вы, рыбы, птицы, звери, идите, откуда пришли. Не стану вас убивать. Мне и в старом доме хорошо. А жена как хочет.

Обрадовались все. Рыбы уплыли, птицы улетели, звери убежали.

А сова сидит, жёлтыми глазами светит.

– Ну, что скажешь, сова? – спрашивает Тапал-Ойка. – Теперь не будешь про меня говорить, что я не мужчина?

– Теперь, пожалуй, не буду, – сказала сова.

Верхний дух Тапал-Ойка очень обрадовался.

Ю. Шесталов

«Гнев тайги»

(легенда)

Было в тайге много зверя. Больше деревьев было зверя. Больше ветвей было птицы. Смотришь: дерево

стоит высокое. А пристальнее взглянешь – это стройный лось, красавец тайги стоит. Смотришь: коряга чёрная под деревом чернеет. Пристальнее взглянешь – сам царь тайги – медведь. А на каждой ветке кедра не пушистый мох. На каждой ветке кедра – соболь. Там его пушистый мех золотится. И белки качаются на ветвях. Их много, как и кедровых шишек. А в таёжной речке плавают бобры. Они строят хатки. И плотины даже строят. И в таёжной речке появляется озеро. Его зеркальное лицо улыбается. А над озером бабочки летают. Их рыбы весёлые хватают. Рыбы пляшут, резвятся. Кишит лесное озеро рыбами. Дышит лесное озеро. Живёт.

А на опушке леса, на зелёной поляне глухарина свадьба, глухарина песня.

А небо звенит, как струна многострунной мансийской арфы-лебедя. Вечное, лебединое «курлы-курлы» плывёт и плывёт, не умолкая. А поднимаются утиные стаи в небо – солнце собой затмевают.

Много зверя в тайге, много рыбы в реке, много птицы в небе...

Радуются люди. Бьют птицу, бьют рыбу, бьют зверя... На лосиных тропах ямы роют, на собольих дорожках петли ставят, на местах перелёта птиц перевесы – сети натягивают. Из лука бьют птицу крылатую, самострелами бьют зверя красного и чёрного, придумывают новые ловушки и радуются своей силе и ловкости.

Долго ли, коротко было так. Но однажды тайга дремучая будто помертвела. Сколько ни смотри: не оживёт дерево, не взмахнёт рогами, не помчится лосем. И коряга чёрная останется корягой. Увидишь пушистого соболя, подкрадёшься ближе – мох пушистый на ветвях

висит. А в таёжной речке нет озёр бобровых. Мастера-бобры плотины там не строят. И захламлённая ветвями речка, как болото, дышит прелой гнилью. И где уж плескаться рыбам!..

Замолчало небо. Будто с многострунного лебедя сорвали самую звонкую и живую струну... И люди при-
смирели. Обуял их страх. Великий страх. Задрожали люди, чуя свою смерть.

– Кто умертвил наш лес, увел зверя и птицу? – спрашивали они.

– Ха-ха-ха! – смеялась сорока-белобока. Ха-ха-ха! – смеётся она. – Лесной дух – гнев тайги вас наказал. (А это птица особая. Она в помойке копается. С любым человеком уживается. Лишь она одна из крылатых так может).

– Ха-ха-ха! – смеётся сорока. – Лесной дух – гнев тайги вас наказал. Зверя били, птицу били, рыбу били. Много били. Радовались своей силе. Не думали. Вот и наказал вас гнев тайги. Ха-ха-ха!.. А мне не смешно. Боюсь и я вас. До меня, пожалуй, доберётесь. Моё чёрное и грязное мясо есть будете. Вы, люди, такие. На всё способны! Боюсь вас. Ох-ох-ох!..

Задумались люди: что же делать, как оживить природу? Тронет горе – люди будто просыпаются. Коснётся беда – люди словно прозревают. И глаза видят, и уши слышат, и душа оживает, и ум шевелиться начинает. А где же человек был раньше? Неужели он не видел и не думал?

Но среди людей был один Человек. Звали его Тасманом. Однажды он шёл по лесу. Вдруг в тёмной тайге раздался страшный рёв. Это не гром гремел и не волк

выл. Нет! Это не стон деревьев под вьюгой и не плач ребёнка! Нет! Это ревел лось. От боли кричал, кого-то на помощь звал.

Не убежал Тасман подальше от горя. Не испугался он чьей-то злобной силы, которая зверствовала в лесу. Исполнил Тасман закон тайги: пошёл спасать слабого, погибающего. И не случайно: ведь он был настоящим охотником. И видит Тасман между кедрами лося. А на спине лося – медведь. Он острыми когтями шкуру лося рвёт.

А когда он на спину лося взобрался? – спросит кто-то. – Ведь лось высокий, стройный. И даже хозяин тайги боится его ветвистых рогов, а угодит под удар копыта, и не встать ему вовеки. Медведь хитрый, скажу я вам. Он взобрался на кедр. В ветвях кедра, под которыми была лосиная тропа, притаился он. Долго ждал медведь своего соперника. И дождался. Знал он, что лось пойдёт на водопой по этой тропинке. И когда тот проходил под ветвями кедра, радостный медведь прыгнул на широкую спину таёжного красавца...

Чуя кровь живую, радуясь добыче, счастливый зверь не заметил опасности, не увидел вовремя охотника. Тасман увидел несправедливость: один убивал другого. И он встал на защиту слабого. Потому что знал: убийцу надо усмирить. А не то он всех придавит. И натянул он лук старинный, и пустил старинную стрелу. С тех пор медведей стали убивать. Но манси не скажет: «Я убил медведя», а молвит: «Я низвел его». А медведя не по имени называет, а «в лесу живущим» величает. А когда убьют своего далёкого предка (а по преданию, медведь – предок манси), на весёлое Медвежье игрище приглашают всех близких и далёких, искупают

вину за убийство пляской, песней, мудрым словом, искусством ярким и весельем.

А голова медведя на столе сидит среди шёлка красного и вкусных блюд. И думали древние манси, что он всё видит, слышит и радуется жизни своих потомков, и душа его звериная в доброе превращается, в вечное отправляется...

Склонил лось величавую голову перед Тасманом, склонил он рога могучие и молвил по-человечьи: «СПАСИБО! ТЫ ЧЕЛОВЕК!..» А на спине широкой горела рана. И Тасман повёл лечить лося в юрту свою лесную. Алыми струйками кровь лилась. И там, где лось проходил, где капли крови уронил, теперь ягода-брусника красными глазами каждое лето смотрит, в каждое новое лето наливается новым соком. Вылечил Тасман лося. Поблагодарил лось Тасмана и спросил: «Что для тебя сделать, ЧЕЛОВЕК?»

– Соболь не играет, глухарь не поёт, сырок не плещется, душа умирает... Как оживить душу, вернуть тайге и рекам жизнь?

– Садись на меня, – говорит лось, – ноги у меня длинные, ноги мои ещё крепкие, может, и доскачем до юрты Лесного духа – царя зверей и птиц и всего живого.

Сел Тасман на лося, и в дорогу. А дорога это была не короткой. Дремучие урманы встали на пути, высокие горы, топкие болота, широкие реки. Вьюга и слякоть не остановили Тасмана. Доехал он до царства Лесного духа. А царство это волшебное. Люди пройдут и ничего не заметят. Обыкновенные сосны, может, чуть повыше. Обыкновенный кедр, может, чуть поветвистей и древнее. Обыкновенные ели, может, лишь ветви ни-

же к земле мшистой тянутся. Обыкновенная тайга, может, лишь подремучее и таинственней...

А человек пройдёт – чудо увидит. Не всякий человек. А лишь тот, в ком доброе сердце, мудрый ум, чистые руки. А в руках которого хоть капля напрасной крови – не видать ему волшебного царства, где белки с соболями играют, где собаки с волками дружат, лоси и медведи не дерутся, в реках пляшут рыбы, а над таёжными озёрами день и ночь плывёт лебединый лепет, не молкнет чаек звонкий смех, и гусиный гогот, и утиный свист.

На ветвях кедров узорчатыми чашечками висят рябчики, а на вершинах лиственниц каменными идолами глядят краснобровые глухари. И бобры плотины строят, учат мастерству бобрят. Выдры с гор катаются, и так же, как в краю манси, в прозрачную таёжную речку ныряют.

Росомахи там не воруют, не рычат, не скалят зубы. Увидишь кустарник ветвистый, подойдёшь поближе – оживёт кустарник ветвисторогим оленем. Увидишь корягу, чёрную корягу, подойдёшь – и чудо свершится: перед тобой живой медведь. И он тебя не тронет. Как в старину улыбнётся и восвояси зашагает. Каких только зверей и рыб не увидал Тасман! Сказочного вида звери, причудливые птицы, волшебные рыбы... И много их, как летом комаров, зимой снега. А самого Лесного духа Тасман не увидел, а лишь услышал.

Дух есть дух. Тела у него нет. Прозрачно-голубоватой тенью подошёл к старику дух и молвил: «Здравствуй, пришелец с далёкой земли! Что тебя привело ко мне? Говори, я слушаю...»

– О, Великий дух тайги, – упав на колени, забормотал старик. Он молился от имени всех манси, всех рыбаков и охотников. – Золотую чашу дедов, чашу, из которых ели семь охотников-мужчин, кто-то злобный утащил.

Верили духам древние люди. Думали, что всё зависит от них. И в чашу счастья верили. У кого эта чаша – тому и удача на промысле.

Если ты поймаешь вора, если ты вернёшь нам чашу,
То тебя мы не забудем, будем мы тебе молиться –

Ночью, днём, зимой и летом –
Сколько будет мир кружиться!..

Коли жертву ты захочешь, принесём тебе мы жертвы
И последнего оленя для тебя без дум заколем!

Своим духам манси приносили жертвы. Жертвой могли быть не только олень, но и белая лошадь, телёнок и даже курица. Кровью жертвенной мазали рот деревянного идола, которого вырезали сами. Он и был вместо невидимого духа. Вот как было в старину. Синей музыкой звенели невидимые слова невидимого духа. Зелёное эхо повторяло эти слова и уносило вдаль. Их шептали листья живых деревьев. Их повторяли струи звонких речек. А, может, говорил не Дух тайги? Может, это птицы пели? Может, рычали медведи и сердились люди? Может, это юркий соболь мудро скалил зубы? Может, пятисотлетний кедр, скрипя, думу думал? Может, это было, может быть, и нет. Только Тасман опять услышал:

– Человек! Ты не можешь жить без мяса, не знаешь счастья без рыбы. Знаю... Я верну тебе и зверей, если будешь хозяином на Земле, а не гостем... И ещё скажу:

Человек!
Будь рыболовом с головой,
Охотником – с душой!
А если жаден ты и зол,
И вовсе безголов,
Проткну тебя своим ножом –
Ножом из гневных слов.
Пусть ослабнут у тебя
Колени, хворый пёс,
Чтоб не топтал траву, губя
Десятки птичьих гнёзд,
Ты за спиной уродский горб
Почуешь на бегу,
Когда нелепый твой топор
Начнёт кромсать тайгу.
Пусть примет на десять когтей
Твою башку медведь,
Когда муксуновых детей
Твоя наловит сеть.
И пусть, воздав тебе за злость,
Та молодь в рост пойдёт
Внутри тебя – и костью в кость
Насквозь тебя проткнёт.
Будь рыболовом – с головой,
Охотником – с душой!

Слушал Тасман заклинания и чувствовал, как в такт словам слабли его колени, а на спине рос уродский горб, и медведи поднимали когти, готовясь схватить его, а в животе что-то росло. Неужели это та молодая рыба, которую ловили его сородичи, не дав ей вырасти?! Неужели кости этих рыб и вправду его проткнут?!

Но ведь Тасман не виноват! Он ведь никогда не ловил молодёжь и понапрасну не бил зверей! Так почему же его наказывает Дух тайги?!

И вдруг лось заговорил человеческим голосом:

– Тасман спас меня. Он оживил мои смертельные раны. Вернул мне радость жизни... Не виноват Тасман!

В коленях Тасмана опять заструилось тепло: то возвращалась сила. Спина распрямлялась, медведи, стоявшие гурьбой под деревьями волшебными, опускали когтистые лапы... Вздыхнул облегчённо Тасман и опять услышал голос невидимого Духа тайги:

– Ты добрым был – тебе прощаю. Но знай, человек: ты за всех в ответе!

Эти слова семь раз повторил филин – волшебная птица. Ещё семь раз повторила волшебная гагара. И эхо волшебное во все концы света разнесло вещие слова Духа тайги. Теперь все знали: Тасман – настоящий Человек. Теперь все знали: люди, оказывается, могут добрыми быть хозяевами. И опять Тасман услышал голос Духа:

– Люди, вы стелете сладкие молитвы. Но не за них я возвращаю вам птиц, зверей, рыб. Нет! А среди вас оказался: ЧЕЛОВЕК!..

– Человек! Человек! Человек! – повторял волшебный филин, ему вторила гагара, разносило дальше эхо:

– Че-ло-век! Че-ло-век! Че-ло-век!

Трещала тайга: это стадо оленей, лосей зашагали на север, скакали соболи, летели белки. Шипела вода: это косяки рыб поплыли в родные реки и озёра. Звенело небо: это летели стаи птиц в родную белую ночь, чтобы свить гнёзда и вывести крылатых сыновей и дочерей. В

этой весёлой музыке звучали строгие слова Духа тайги – царя зверей, рыб и птиц:

Люди!

Напоминаю вам, что вы – не гости –
Хозяева у щедрого стола.

Чтоб этот стол не оскудел вовеки,
Не вымирали рыбы и зверьки,
Чтоб в некий день не запылали реки,
Самой природе вечной вопреки,
Давайте думать все, пока не поздно!
Земля одна, и нет второй Земли...

Птицы летели на север, звери шли на север, рыбы плыли на север. Ехал на родину и Тасман. На вешнем лосе ехал. В душе у него резвилось счастье. Но рядом с ним сидела глубокая дума: «А может ли человек быть ЧЕЛОВЕКОМ?!»

А. М. Конькова

«Откуда северное сияние пошло»

(легенда)

Давно-давно, когда ещё олени с людьми не дружили, когда ханты и манси не ездили, не летали, а по лесам и болотам ходили, себе пищу добывали, а мудрые древние старики говаривали: «Не пойдёшь – не пожуёшь», «Не походишь – не поешь», в вершине речки Найденной стояло стойбище древних манси. В стойбище у всех были дети, только одной семье духи не послали детей. Долго муж с женой просили духов, чтобы послала им дитя.

И вот, когда их жизнь шла к старости, как день к вечеру, у них родилась дочка. Стали думать родители, как назвать её.

– Выбрать бы имя такое, чтобы принесло оно счастье, – вслух размышляла мать. – Родилась она у нас в вечернюю зарю. Вечериною назвать, что ли? Однако вечер – пора отдыха, сна, как бы наша дочь не выросла ленивой да сонливой.

– Не бойся, мать, – сказал отец. – Утро зарождается вечером. Назовём Вечериною, может, увидит дочь в жизни своей свет утренней зари с вечера.

– Ты, отец, в сказки ударился, – возразила мать.

– Сказки наши тоже вечером у ярких костров рождаются, – ответила отец. – А после сказок сны красивые снятся, в руках и ногах силы прибавляется, плечи становятся крепкими, спина меньше гнётся к земле. Пусть Вечерина будет для людей сказкой вечерней с горячим живым огнём в сердце, пусть согревает людские сердца своим теплом.

Мать согласилась. Взяла свою малютку и понесла к костру, чтобы показать её всем.

Старая мудрая женщина дольше всех смотрела на девочку, а потом сказала:

– Люди мои, эта девочка не похожа на детей, которых я видела. На её лице, как на небе, сходятся две зари – вечерняя и утренняя. Она нам всем принесёт много радости.

Люди, обрадованные словами мудрой женщины, оживились, стали петь и плясать возле костра. Только Комполэн – Болотный Дух – рассердился, побежал по болотам и борам с диким криком и визгом. На деревья

налетал – деревья ломались и со стоном валились мёртвыми на землю. Птицы напугались – разлетались в разные стороны. Звери убежали в дальние урманы, рыбы на дно речки легли.

Всех распугал Комполэн – Болотный Дух, не выносил он, когда люди радовались.

Костёр погас – погасла и радость у людей. Тяжело стало жить. Ходили манси с утра до вечера по лесам и урманам, искали зверя, да мало находили. Уж Вечерина выросла, на охоту стала ходить, а охота всё ещё бедной была, неудачливой.

Как-то Вечерина возвращалась с охоты и наткнулась в лесу на маленького, слабенького оленёнка. Он лежал с вытянутыми ногами и откинутой головой, как сломанная веточка в засуху. Вечерина поняла, что мать оленёнка где-то погибла. Взяла его девушка и понесла домой. Долго шла, сама очень устала. Тяжело было идти с живым грузом, но радостно. Идёт и шепчет:

– Живи, олешек, живи. Вот принесу домой – ухой отпою, и ты поправишься.

Уха заменила оленёнку молоко, он стал подниматься на ноги и есть сочную траву. А когда совсем окреп, Вечерина стала водить его на самые лучшие кормовые места. Пасёт целый день, а вечером разведёт дымокур, сядет сама на пенёк, а олешек уляжется у её ног. Вечерина поёт ему тихие колыбельные песни. Дымокур комаров отгоняет, ласковая песня сон навеивает. Оленёнок глаза закрывает. А Вечерина гладит тёплой ладонью бугорочки у него на голове и поёт о том, чему научила её старшая мать – Земля, и о том, что младшая мать, качая её, напевала:

Баю-баюшки-баю,
Песню тихую пою.
Спи, олешек милый,
Набирайся силы.
Будут сильны ножки,
Отрастут и рожки,
Как сосны, ветвисты,
Как солнце, лучисты...
Опусти ресницы –
Сон тебе приснится,
Лесом к людям идёшь –
Солнце на рогах несёшь.
Пусть растут рога
Не от зла, а от добра.

Уж оленёнок крепко спал, а Вечерина всё пела и пела. Берёзки в полусне ей подпевали, золотистые сосны тихо подыгрывали. Только беспокойные осиновые листочки дрожали и тихо друг другу шептали:

– Ой, не услышал бы злой Дух Комполэн эти песни.

Подслушал их шёпот Филин, громко пробухал:

– Бу-бу-бу! Не бойтесь злодея: ласточки ему уши заткнули, землёй законопатили.

Спит олешек, спит земля, и облака давно легли на тёмные бока. Ветер задремал в лесу под деревьями. Только ветерочки над оленёнком, над Вечериной тихо летают – слушают песню. Потом взяли ветерочки в свои ладошки тихую песню да дым от дымокура и разнесли по лесам, раздали зверям.

И потянулись звери к дымокуру и Вечерине. Первыми пришли олени, за ними лоси. Медведь пришёл, нос к дымокуру повернул.

Много дней Вечерина у дымокура зверей принимала, от комаров их охраняла да песни им пела. Уж олешек окреп, повеселел, с оленями да лосями бегал, резвился, бодался – свои силы пробовал.

Долго ли, коротко ли это тянулось, только то время прошло. Оленёнка корма выкормили, воды отпоили, дожди обмыли, снега отбелили, а ветры смелости научили. Стал он взрослым, сильным, красивым. В стаде не шёл, а белым чистым облаком плыл.

Теперь он не только сам вечерами к дымокуру приходил, но и многих друзей приводил. А Вечерина целыми днями сухие пни да грибы древесные собирала, много дымокуров раскладывала, тихой, сердечной песней всех убаюкивала.

Прошло лето, наступила осень, закружились белые комары-снежинки. Холодно стало на сердце у Вечерины. Думала: уйдут от неё друзья-олени, кому станет колыбельные песни петь? Умный Белый Олень понял её, подошёл к ней, прикоснулся тёплыми губами к её рукам и щекам, словно молвил: «Мы с тобой будем, сестра моя, только позови».

Обрадовалась Вечерина, поблагодарила Белого оленя, потом надела на него сбрую, расшитую узорами, украсила рога яркими лентами, села на лёгкие нарточки, взяла резной хорей в руки. Оттолкнулся Белый Олень от земли своими лёгкими, сильными ногами и взвился высоко-высоко в небо. И поплыл по поднебесью птицей парящей, легонько касаясь неба ветвями украшенных рогов – полосы в небе от оленьих рогов заколыхались. Протянула Вечерина руку, дотронулась до них – и ожили

полосы, заискрились, вспыхнули ярким, живым разноцветьем северного сияния.

Переливчатое многоцветье красок обьяло ледяную мансийскую землю, проникло в избушки сквозь маленькие оконца, обтянутые матовыми лосиными пузырями вместо стёкол, осветило тёмные углы низеньких избушек, озарило радостью тоскующие по свету лица манси. Захлестнуло радостью их сердца и позвало под цветное небо, в трескучий мороз.

Выбежали манси на улицу, увидели под радужным небом Вечерину и её Белого Оленя. А те медленно плыли под полыхающими полосами, легко касаясь их, как струн древнего санквылтапа, рождая цветную музыку. Музыка половодьем разливалась по небу, скатывалась на землю и радовала манси.

С тех давних-давних пор в морозные ночи, когда загорается северное небо разноцветным сиянием, у манси наступает праздник: выходят они на улицу танцевать, с ними невидимо кружится и Вечерина.

А. М. Конькова
«Старший брат»
(легенда)

Это было низко и высоко, близко и далеко, на небе и на земле. В Верхнем мире, в небесных летних избушках жили-поживали Солнце и Луна. Брат и сестра. Брат с сестрой жили дружно. Без споров и лишних разговоров они поделили труд небесный. Солнце днём сияло. Луна – ночью. Солнце рано вставало, дочерей своих поднимало и на работу отправляло. А дочерей у Солнца было много, как забот – с утра до вечера не сосчитать. И все они походили

одна на другую, и звали их всех одним именем – Лучик-Поссам. Если бы Солнце каждой имя выбирало да именины справляло, так и работать бы некогда было.

Слетят рано утром Лучики на землю, обогреют, приласкают птиц, зверей, леса, былинки и песчинки. Всем на земле будет радостно. Так они с утра до вечера трудятся. Утренняя заря их с неба спускает, а вечерняя на небо поднимает: поспать – силы набрать.

Луна же днём до блеска серебряные звёзды песком натирала, вечером по небу их рассыпала, светом зажигала – строго следила, чтобы звёзды никуда не закатились, не пропали, да ночные птицы их не склевали. Чтобы они ярче светили, показывали тропы к лесовным и рыбацким избушкам запоздавшим рыбакам и охотникам.

У Луны был сын, звали его Кота. Кота был ленив, совсем не помогал матери. Спал долго, поднимался поздно. Спит-спит, проснётся, схватит со стола кусок, проглотит его на ходу и запрыгает, запоёт:

Титтироов Кота,
Коттиров Кота,
Титтиров, Коттиров,
Коттиров, Титтиров.
Титтиров Кота,
Коттиров Кота.

Прыгает он по небу то на одной ноге, то на другой. Так прыгает-прыгает и продавит небо – сделает отверстие в нём. После сам не залатает его и матери ничего не скажет, убежит.

Вечером Луна не заметит отверстия, рассыплет звёзды по небу. Попадёт какая звезда в это отверстие – упадёт на землю и затеряется.

Луна пошла к брату Солнцу и попросила его:

– Брат, возьми Коту к себе, он меня совсем не слушает.

– Сестра, я тебя давно говорил, что дитя надо учить, пока оно поперёк лавки лежит, а вдоль ляжет – будет поздно. Давно я замечаю, что у Коты ни на что нет желания. А без желания даётся легко только лежание. Ну, да ладно, присылай его ко мне.

Но Кота не пошёл к дяде на обучение, убежал на небесную гору и стал с неё скатываться до самой земли. Свернётся клубочком и катится, только пыль серебром над ним кружится. Докатится до земли, ударится о твёрдую землю, полежит, встанет, потрёт ушибленное место и взберётся на небо, да снова катится, не понимает, что больно небу. Давно устало небо от его проказ и решило Коту наказать.

Как-то Кота скатился до земли и сильно, до звона в голове, ударился о пень. Лежал, стонал, не мог подняться. Небо того и ждало – прижалось своими краями к земле, точно прозрачный чуман опрокинулся.

С трудом Кота поднялся с земли – туда пойдёт, сюда пойдёт – дверей на небе не найдёт. Бегал взад-вперёд, сердился, кричал, плакал, после побежал вокруг земли. Бежал-бежал – устал. Пошёл. Шёл-шёл – устал. На четвереньках пополз. За семь дней, семь ночей семь раз вокруг неба обошёл, но нигде ни лаза, ни небесных дверей не нашёл.

Мать-Луна встревожилась, загоревала. За ленивое дитя сердце матери больше болит. Каждую ночь она серебряную лестницу с неба до земли спускала, но Кота не умел смотреть в небо – не увидел лестницу.

Вот так он и остался жить на земле. Плохо Коте стало: комары его кусают, хвоя колет, холод отнимает у него последнее тепло. Еду Кота привык со стола брать, а на земле ни ягод, ни грибов, ни вкусной травы он не видел, не находил. Совсем ослаб. Свернулся щенком под кустом, тихо плакал и вспоминал небесную жизнь.

Шёл мимо рыбак, увидел Коту, подобрал его и принёс в летнюю рыбацкую избушку. Долго Коту отпаивал ухой, а после стал кормить и рыбой.

Всё лето Кота прожил с ним, помогал вялить рыбу. Осенью поехал рыбак в зимние избушки в стойбище и Коту с собой взял. Собрались старые рыбаки и охотники и сказали:

– Ну, поведай, откуда ты взялся на нашей земле.

Мудрые манси выслушали рассказ Коты и молвили:

– Мы тоже когда-то были жителями неба. Ты будешь нашим небесным братом, оставайся с нами, помогай нам жить.

Так приняли Коту в большую и дружную семью народы манси. Все уважали небесного брата Коту. Дети угощали его самой вкусной едой – сурвякой. Женщины почитали Коту, как древнего мудрого старика: появлялись перед ним только в платке, покрывающем голову и лицо, ступали мягко, разговаривали тихо. Охотники добывали оленей, лосей и всегда приглашали своего небесного брата поесть головы этих священных зверей.

Так продолжалось до тех пор, пока мудрые старики не покинули земную жизнь и не оставили Коту хранителем древних заветов. Остался он теперь самый старый в стойбище.

Манси рождались и умирали, а Кота всё жил и жил, может, столько лет жил, сколько хвоинок на огромной лиственнице. И чем старше становился, тем придиричвее спрашивал с молодых исполнения древних заветов, чаще сердился. Лицо его сделалось страшным, отросли и заострились ногти, тело покрылось шерстью, и стал он походить на грозного зверя – Медведя, дети в страхе с криком убегали от него, и сами взрослые манси сторонились старшего брата.

Однажды увидел он женщину вблизи шайтанского амбара, рассердился, закричал на неё, замахал руками.

В другой раз набросился с кулаками на охотника, который собирался на охоту и прощался с женой.

– Ты что, не знаешь, что нельзя встречаться с женщиной перед охотой? Звери убегут от тебя и птицы улетят!! Не будет тебе удачи в охоте! – с этими словами схватил он женщину и потащил в сторону.

Женщина в ужасе закричала. На крик сбежались все люди стойбища.

Тогда охотники взяли луки, стрелы и сказали Коте:

– Ты – наш старший брат, но ты очень злой. Ты Вуй-анших – зверь-старик, свирепый Медведь, уходи от нас.

Натянули они для острастки луки, нацелили стрелы и прогнали его в самые глухие, тёмные урманы. Медведь так рассердился на охотников, что от злости длинной бурой шерстью покрылся. И вместо человеческих слов из его горла неслось рычание.

Но охотники уже не боялись его и говорили:
– Что нам бояться своего старшего брата. Ему дорога, а нам – другая.

С тех давних пор Медведь живёт в макол – земляном доме, ходит тайными тропами урманов, хоронясь от охотников.

А. С. Тарханов
«Ёра и Кедрик»
(поэма)

1

Посреди забытых мест,
На сыпучей круче,
Кедрик родился на свет,
Будто ёж колючий.
Осмотрелся малышок,
На ветру погожем –
Так ступает на порог,
В дом входя, прохожий.
Оглядит сначала гость
С робостью хозяев:
Не ко времени, небось,
Он явился к чаю.
Робко Кедрик вниз взглянул,
Ахнул от испуга:
– Как один я на яру
Проживу без друга?!
А волна в реке ревёт,
Ярость набирая.
Будто рысь, обрыв грызёт,
Кедрик съесть желая.

И далёко бор стоит,
Хвойный бор могучий...
Даже ворон не кричит
Над сыпучей кручей.
Кедрик шепчет: «Нелегко
Жить под громом-крышей».
И не знает, что его
Мальчик Ёра ищет.

2

Доброе сердце у Ёры, ребята.
Всех от беды убережёт ему надо.
Шёл он сегодня берёзовой рощей,
Голос вороны услышал истошный.
Ёра бежит что есть силы туда:
Выпал, наверно, птенец из гнезда.
Вот он, крикливый и чёрный бедняжка,
Гордо глазёнки на Ёру таращит,
Громко вопит, будто в роще пожар:
– Ёра, летать научился я, кар-р-р!
Крыльями шумно взмахнул пострелёнок,
И полетел, полетел воронёнок.
Ёра вослед ему машет рукой,
Ёра с грустинкой шагает домой:
Вновь от беды никого он не спас.
Ну, а теперь про злодея рассказ.

3

В эту чащу нет дороги:
Тут живёт свирепый, злой,
Как медведь, в слепой берлоге
Менкв с совиной головой.

Только ночь зарю запрячет
И с небес звезда мигнёт,
Из своей берлоги мрачной
Менкв выходит и ревёт:
– Эй вы, птицы и зверьё!
Прочь с моей дороги!
Берегитесь, кто живёт
Близко у берлоги!
Не боюсь я никого,
Лес, как пух, развею.
Человека – и того
В драке одолею.
Вдруг в чащобе замигал
Огонёк спокойный.
Будто в пасть воды набрал –
Замолчал разбойник.
Молча кулаки сжимал,
Съёжился, как туча.
Озираясь, побежал
Он к сыпучей куче.
Кедрик в это время спал.
И, само собою,
О беде малыш не знал.
Менкв стоял горою.
Слышал даже дальний лес
Крик его ужасный:
– Как ты очутился здесь,
Малышок несчастный?!
Это мой обрыв и край,
Нет меня могучей.
Даже вещий ворон, знай,

Не кричит над кручей.
Кедрик вздрогнул.
Страх тая,
Спорить с ним решился:
– Эта круча, зверь, моя,
Я на ней родился.
Менкв от гнева задрожал,
Заскрипел клыками,
А потом захохотал
Над его словами:
– Рассмешил ты, брат, меня,
И за это, слушай,
Так и быть, ещё два дня
Поживи на суше.
Спи пока, малыш смешной,
Я пошёл к себе домой.

4

За голубикой в лесные поляны
Ёра спешит с туеском берестяным.
Выйдя с тропы на большую дорогу,
Ёра увидел на ёлке сороку.
– Ёра, послушай скорее: на круче
Кедрик родился, как ёжик колючий.
Кедрик, – трещала сорока, – в тревоге!
И рассказала она о берлоге
И о разбойнике Менкве могучем.
– Ёра, не смей появляться на круче.
– В жизни, сорока, хоть раз помолчи ты, –
Голос с тропинки раздался сердитый.
Ёра туда посмотрел удивлённо,

Видит: светляк с бороною зеленой
На стрекотунью фонариком машет,
Речь начинает и мудро, и важно:
– Ёра, ты время теряешь напрасно,
Слушать сороку смешно и опасно.
Ёра, нам справиться нужно с бедою,
Тайной одной поделюсь я с тобою.
И в стороне от болтливой сороки
Поговорили они у дороги.

5

Ночь. Совиный крик далёко
Слышен рощам и лугам:
Вышел, вышел из берлоги
Самый страшный великан.
Менкв идёт к сыпучей круче,
Замер в страхе каждый лист.
Прячутся в еловой гуще
И медведь, и старый лис.
И сороке-стрекотунье
Нынче было не до сна:
В это злое полнолуние
Видеть всё она должна.
Схоронясь в кустах колючих,
Что у Менква на пути,
Стала сплетница за кручей
Наблюдение вести.
Смотрит:
там, где даже птица
Не летает, не кричит, –
Будто воин на границе,

Кедрик смело в ночь глядит.
Удивляться бы сороке
Смелости его,
Как снам,
Да не время: на дороге
Показался великан.
Заслонил луну, как туча,
Менкв совиной головой.
Вдруг звездой свернул на круче
Огонёк один, второй...
Круча, как в грозу, искрится,
Кедрик даже алым стал.
Позабыв о Менкве, птица
В страхе крикнула: «Пожар!»

Долго хвастаться сороке,
Тараторить по лесам:
– Это от меня к берлоге
В страхе мчался великан.
И не будь меня – на круче,
Кедрик бы не жил сейчас.
Мы прервём сороку. Лучше
Сами вновь начнём рассказ.

6

Верить сороке, конечно, не надо.
Вот что случилось той ночью, ребята.
Ёре светляк рассказал, что боится
Грозный разбойник огня, будто птица.
Ёра воскликнул: «Из чащи дремучей
Надо созвать светляков всех на кручу!»
С этим счастливым заданием Ёры

Мудрый светляк обежал свои норы.
Ёра отправился к Кедрику. Скоро
Все светляки на яру были в сборе.
Ночь наступила. Округа в тревоге,
Грозно разбойник идёт по дороге.
Шлёт он проклятья раскатистым басом.
Сотни фонариков вспыхнули разом.
Тотчас злодей в бурелом свой помчался.
Весело вслед ему Кедрик смеялся.

7

Много лет прошло с тех пор.
На сыпучей круче,
Кроной радуя простор,
Вырос кедр могучий.

Никакой грозы-беды
Кедр тот не боится.
Щедро дарит он плоды
Соболям и птицам.

С облаками он ведёт
Часто разговоры.
Песни хвойные поёт
Он о друге Ёре.

ЖЕСТОКИЙ БОГАТЫРСКИЙ ВЕК

«Человек ушёл»

(песня-сказание)

Жили старик со старухой,
Сына имели.
Долго жили, коротко жили,
Но вот старик умер. Осталась вдова,
Осталась вдова с мальчиком,
Одна его выращивает.
По селениям она ходит.
Получше кусок где найдёт,
Для сына сберегает.
Домой придёт,
Его угощает.
В селении по домам она ходит,
Одежду собирает.
Для сына чулки находит,
Для сына рубашку находит.
Только в песне спеть,
Как с трудом выращивала,
Только в сказке сказать,
Как с трудом выращивала.
Так вот жили они в домике
Величиной со скорлупу орехову.
Стал сынок подрастать,
Стал проситься на улицу поиграть.
Так вот жили они в домике
Величиной со скорлупу орехову.
Вот однажды сынок говорит:
– На улицу меня ты пустила бы,

Там я поиграю.
– Далеко не ходи, –
Мать наказывает. –
Только в песне спеть,
Как с трудом тебя выращиваю,
Только в сказке сказать,
Как с трудом выращиваю.
Ещё руки слабы твои,
Ещё ноги слабы твои.
Много в селении детей,
Ещё кости себе поломаешь,
Ещё тело себе повредишь.
Не ходи далеко!
Мальчик из дому вышел,
У двери играет.
Поиграл, поиграл, возвратился домой.
В соболиную шубку залез,
В мягкое гнёздышко залез,
Спит себе, посыпает.
Когда утро настало,
Погулять снова просится.
– Далеко не ходи, –
Мать наказывает. –
Ещё ноги слабы твои,
Ещё руки слабы твои.
Не ходи с детьми играть,
Повредят тебе кости, играючи,
Повредят тебе тело, играючи.
Выпустила сына на улицу,
Играет мальчик у двери.
Поиграл, поиграл,

На конец посёлка взглянул.
На конце посёлка
Игры детские слышатся.
Встал и пошёл туда.
Крадучись идёт, за травинки прячется
Крадучись идёт, за кустики прячется.
Всё же острым глазом замечен был,
Чутким ухом слышен был.
– Посмотрите-ка туда,
Вдовой с конца посёлка
Выращенный сынок,
Матерью его, женщиной Мось,
Вскормленный паренёк.
Кости его окрепли,
Тело его окрепло.
Тот, кого кормить пищу собирали
Со всего посёлка, со всего города,
За травинки прячась, крадучись пришёл.
За кустики прячась, крадучись пришёл.
– Не трогайте, пусть к нам идёт, –
Другие говорят, –
По игре товарищ новый пусть к нам идёт.
Поближе подозвали,
Поближе подошёл.
Со всего посёлка детьми
В игру принят был,
Со всего города детьми
В игру принят был.
Долго играли, коротко играли,
Только вдруг все дети
Разбежаться начали.

Один-то: «Ай-ай-ай!»
Другой-то: «Ой-ой-ой!»
С криком разбегаются.
С испугу на месте встал.
«Почему бегут», – думает.
Думая так, на себя взглянул:
Могучего зверя пять когтей
На руках появилось.
Медвежьих пять когтей
Негаданно появилось.
С тем и домой пошёл.
Идёт он в домик со скорлупу орехову
Матери его, женщины Мось.
Залезает он в шубку соболью
Матери его, женщины Мось.
В тёплое гнёздышко ложится,
Спит себе, посыпает.
Утро наступило, встал,
Из берестяной миски поел,
То ли из чашки поел,
Матери говорит своей:
– Я опять пойду погулять.
– Погулять пойдёшь,
Далеко не ходи,
Мать наказывает, –
Ещё руки твои слабы,
Ещё ноги твои слабы.
Вышел на улицу, прислушивается,
На конец посёлка поглядывает,
На конец городка поглядывает.
Со всего посёлка собрались ребята,

Громкие крики их доносятся.
Со всего городка собрались ребята,
Крики громкие их доносятся.
За травинки прячься, крадучись туда идёт,
За кустики прячься, крадучись туда идёт.
Дети, луки взявши, луками играют,
Стрелы взявши, стрелами играют.
Только хоть и крадучись идёт, за травинки прячется,
Хоть и крадучись идёт, за кустики прячется,
Всё же острым глазом замечен был,
Чутким ухом замечен был.
– Посмотрите-ка туда,
На краю посёлка выросший
Женщины Мось сынок,
На рыбьих костях,
На звериных костях
Вскормленный паренёк,
За травинки прячься, сюда пришёл,
За кустики прячься, сюда пришёл,
– Не трогайте, пусть к нам идёт, –
Другие говорят, –
По игре товарищ новый
Пусть к нам идёт.
Мальчик к детям подошёл,
Лук взял, стрелы взял,
С ними играет.
Долго играли, коротко ли играли,
Только вдруг все дети
Разбегаться начали,
Без оглядки бегут.
Который-то: «Ай-ай-ай!»

Который-то: «Ой-ой-ой!»
С криками бегут.
Мальчик удивляется,
На месте встал.
«Почему бегут?» – думает.
Стоя так, взглянул на себя:
Мощного зверя четыре клыка
У него появились,
Медвежьи четыре клыка
Нагадано появились.
С тем и домой побрёл.
Идёт он в домик со скорлупу орехову
Залезает он в шубку соболью
Матери его, женщины Мось.
В тёплое гнёздышко хоть и лёг, не спит.
Утро настало, не ложится ему:
Как с такими клыками будем жить теперь!
Не спросясь у матери,
Из дому идёт.
– Не поевши, зачем идёшь? –
Она спрашивает.
В ответ рта не открыл,
Языком не шевельнул.
Вышел из домика со скорлупу орехову,
На конец посёлка поглядывает.
Со всего посёлка собрались ребята,
Там веселье их слышится.
Повернулся и к нам пошёл.
Увидавши его, говорят ребята:
– На конце посёлка выросший,
Женщиной Мось вскормленный,

В одежонке, трутом латанной,
Трутом берёзовым латанной,
Паренёк к нам пришёл.
Кто из мальчиков пожалостливей,
Кто из девочек пожалостливей,
Говорят:
– Пусть идёт, не трогайте!
Подозвали его,
Играть приняли.
Может, долго так играли,
Только вдруг все дети
Разбегаться начали.
Который-то туда бежит,
Который-то сюда бежит.
Мальчик встал, удивляется.
«Что случилось?» – думает.
Только глянул на себя:
Лесного старика шуба меховая
На нём появилась.
Медвежья шкура на нём выросла.
За голову схватился –
Два уха медвежьи на ней торчат.
Как стоял, так стоит, думает:
«Женщины Мось,
Матери моей,
В домик со скорлупу орехову
Как войду?»
От селенья к лесу повернулся.
Только слышит вдруг позади себя
Матери его, женщины Мось,
Плач слышался.

– На кого меня покидаешь,
Кто дом согреет,
Где меня оставляешь!
Только в песне спеть,
Как с трудом тебя растила я,
Как кусочки для тебя
В рукавицу прятала.
Только в сказке сказать,
Как тебя с трудом растила я,
Как одежду для тебя
По домам собирала.

– Не была бы ты мать моя,
Меня грудью вскормившая,
Повернулся б я сейчас,
Изорвал бы тебя
На куски с рукавицу,
На куски с подошву!

– Сделай мне счастье такое,
Повернись ненадолго хоть,
Губы твои поцелую,
Щеки твои поцелую!

– Для тебя, меня грудью вскормившей, повернись.
Повернувшись, подходит он к матери,
Она щёки его целует,
Губы целует,
Золотым поясом опоясывает,
Золотое кольцо даёт.
И снова целует, снова обнимает.
Из объятий её он вырывается,
В сторону бежит,
Поперёк следа своего черту кладёт.

– Через эту черту, мной положенную,
Через священную черту если переступишь,
Хоть ты мать моя,
Меня грудью вскормившая,
На куски с рукавицу,
На куски с подошву
Изорву тебя!
И ушёл.

Ю. Шесталов

«Внук»

(сказка)

В городище, над которым бегут тучи, в крепости, над которой ветер резвится, живёт старик. Голова у него, как у медведя, косматая. Да только это не медведь, а человек, проживший на земле долго-долго. Внук есть у него. Мальчик. В соболином гнезде растёт он, на мягких звериных шкурках резвится. Растит старик своего внука, лелеет. Не сводит с него глаз.

Тепло и ласку дарит внуку и бабушка. Хотя голова у неё белая как снег, она не холодная и не сварливая. Зря говорят, что бабушки сварливые. Это неправда! Просто они не знают бабушек. Потому так и говорят.

Однажды дедушка и бабушка ушли куда-то. Мало ли дел на этой земле. Всё что-нибудь да стрясётся. Ушли куда-то бабушка с дедушкой. Внук один остался. И думает: «Не сходить ли мне на улицу? Что хоть там такое?!»

Вышел на улицу. Видит: играют дети, мяч пинают.

– Сможет ли он устоять от удара мяча?! – говорит один из них.

– Попробуем. Пнём-ка его!

И самый большой из них пинает большущий мяч, вырезанный из мягкой и тягучей чаги.

Летит мяч, как стрела. Прямо на внука летит. И отрывает он у малицы «соболье ухо». Нет, не подумайте, что голова мальчика соболиная! Это просто к малице ушки соболя пришиты. И торчат они как ушки самого чуткого зверя. Словно помогают эти ушки слушать и чутать все звуки мира, где так много опасностей.

Рассердился внук, схватил мячик и пнул его обратно. Кому досталось по спине – тот надвое разломился, кого чуть задело – лежал как мёртвый столько времени, что уху из мёрзлой рыбы сварить да ещё успеешь съесть. Вот какой был удар! Отцы и матери их кричат на всю тайгу, на весь мир:

– Если руки твои такие сильные, если ноги твои такие мощные, где ты был, когда победили отца?! В болоте, за семью озёрами, ястребиный ветер треплет волосы твоего отца, сушит его голову. Там и показал бы свою мощь!

Вернулись дедушка с бабушкой домой. Видят: внука нет. Ищут дома – нигде не находят. Вышла бабушка в сени. За широкими лыжами его нашла. Запрятался. Ввела внука домой. Целуют его, ласкают, приговаривая:

– Ты почему запрятался за широкими лыжами? Из-за собольего уха? Оторвалось оно – ну и что же! Другое пришьём!

Покушали, поели – легли спать. Не спится внуку. Думает он над словами, сказанными на улице, размышляет: «И, правда: почему у меня нет ни отца и матери? У других ведь есть! Нет ли в мире где виновника? Отомщение за отца. Отомщение!»

На стене висели лук и стрелы. Взял он осторожно их и вышел на улицу. Долго ли коротко шагал, видит: солнце опять собирается ложиться спать. Человек – сын солнца. Ему надо делать то же самое. «Где же спать?» – думает он. «Вернуться надо домой», – решает он.

Идёт, идёт и не находит свой дом. А солнце давно уже легло спать. Тянет ко сну тяжёлому и человека. Прилёг внук под деревом. Под великой лиственницей, вросшей в землю, вросшей в небо, прикорнул и уснул.

Проснувшись, увидел, что лёг около своего родного дома. Удивился. С этим чувством открывает дверь. Дедушка с бабушкой, как всегда, дома. После дальней дороги и еда вкусна, питьё насладительно, а сон волшебен. А перед сном – всегда дума на завтрашний день. Человек большой жизни разве ляжет без думы о будущем, разве положит голову, где живут мечты, без думы на мягкую постель из мехов дорогих?!

А дума у нашего героя была такая: «Пораньше, чем вчера, встать, дальше, чем вчера, пройти!»

Долго ли, коротко ли шёл, много ли, мало землю мерил ногами и глазами, только, наконец, увидел какой-то дом. Дверь с одной стороны толстыми брёвнами обложена. Стал он разбрасывать брёвна, стал силу мерить. Разбросал он их, в дом вошёл. В переднем углу, на священной стороне, старик-Медведь сидит. Слюни у него текут. Вздохнет, выдохнет – слюни до него долетают. Внук взобрался на полати, рядом со стариком-Медведем лёг. А когда проснулся – удивился: рядом со своим дедушкой, оказывается, спал. На полатях и бабушка сидит.

На другое утро ещё раньше встал.

Решил на лодке плыть. А манси всегда у речки живут. Даже в самой глухой тайге маленькие лесные речки есть. На берегах таких и люди селятся. А у каждого манси – лодка. И в старину это было, и сейчас так же.

Бежит на берег речки, отталкивает калданочку – лёгкую лодочку, сшитую без единого гвоздя из осиновых досок. Толкнёт лодочку, чуть она от берега не оторвётся, да дедушка тут как тут: хватает он лодку, на берег тащит. Когда дедушка сильнее – калданка на берег соскакивает, когда внук сильнее – дедушка по пояс в воде. Никто из них не может пересилить другого. Тогда дедушка молвил:

– Вижу, повзрослел ты. Сильным стал. Для большой дороги созрел! Только большую дорогу надо выбирать не воровским путём. Подожди до завтра – я тебе приготовлю лук и стрелы богатырские.

Наутро бабушка что-то в углу копошится. Вытаскивает из угла большое железное лукошко, высотой с внука. Из него вынимает кольчугу. Надевает на юношу – и она впору ему. Лук и стрелы подаёт. Дедушка вручает саблю острую и говорит:

– Теперь иди! Пусть с тобою будет Торум!

Пошёл внук на берег таёжной речки. На лодочку садится и плывёт вниз по течению. К большой воде плывёт, к большой земле едет.

Долго ли, коротко ли плыл – доехал до седьмого озера. Правда, вершина этого озера заросла травой, болотистой стала. На берегу озера семь лодок стоит. Покрыты они тонким сукном, сияющим шёлком. Лодка его отца поновее других. Пристал на берег, пошёл вверх по ручью. В одном месте видит: берёзка. Хотел сделать зарубку. Да

только прикоснулся топором – кровь брызнула. Хотел отломить веточку, чтоб отгонять комаров, – тронул веточку, да за спиной слышит женский голос:

– Человек, пришедший издалека, в дом должен войти!

Сама пошла по тропинке. Внук последовал за ней. Пришли в дом. Усаживает она его за столик низенький и, как дорогому гостю, ставит перед ним чумик с озёрной едой, обской рыбой. Хочет внук взять кусочек вкусной обской рыбы, дотронется до неё – кишат живые черви.

– Я такой еды сроду не едал! – говорит он.

Девушка принесла кусок оленьей спины, кусок оленьих рёбер. А сама вышла на улицу.

Вдруг раздался страшный крик. Это Менквы кричали во весь голос. Вышел на улицу. Обнажил меч свой. А Менквы идут на него, свистят, кричат. Ни много ни мало, а целых двести Менквов на него одного идут. Заработала сабля острая, стала ходить по головам косматым, как по траве. Всех он срубил, со всех голов снял шкуру и на пояс широкий повесил. Сам пошёл дальше.

Долго ли, коротко ли шагал, видит: триста Менквов идут. Заработала опять сабля его, заходила по головам людоедов. Долго ли, коротко ли боролся, всё же победил их. Снял с их голов шкуру и на пояс широкий повесил.

Опять идёт дальше. А на встречу идут уже семьсот Менквов, семьсот великанов. Не повернул назад внук, а решил сразиться с врагами не на жизнь, а на смерть. На одного замахнётся – другой рядом, одному снимет голову – другой пытается его смять. Трудно внуку, не

осилить ему столько великанов, столько врагов. И тогда он пытается силу слова. Говорит:

– Дедушка мой! Голова у тебя косматая, как у хозяина тайги – Медведя. Неужели в твоей бобровой башке нет какой-то мудрости, хитрой тайны неужели нет?!

Только успел сказать он это, как на его голову сел крылатый ястреб. (О, слово великую силу имеет! Порой оно сильнее сабли и любого другого оружия!)

И говорит внук ястребу:

– Слетай в небо, спроси у Торума, у нашего Небесного отца: какую смерть имеют эти Менквы, чем их победить?!

Когда вылетел ястреб, Менквы спрашивают:

– Какая это птичка вылетела с твоей головы?

– Это моя последняя душа улетела.

Обрадовались Менквы, что это последняя душа. Значит, силы у него на исходе. Значит, можно его и победить! А пока можно и присесть, отдохнуть.

– Всё равно он наш! – говорят они, садясь на пни и поваленные деревья.

А между тем прилетел ястреб. На голову внука сел и шепнул тихо:

– У самого младшего из семисот Менквов на мизинце кусочек человечьего мяса. Найдёшь его – счастье твоё!

Сказал ястреб вещие слова и улетел восвояси. А те спрашивают:

– Что это опять вылетело с твоей головы?

– Последняя моя душа вылетела. Оказывается, ещё одна была. На ней я видно, и держался!

Менквы идут на внука, внук – на Менквов. Искал, искал зорким богатырским взглядом самого младшего Менква, наконец, заметил. Стал к небу пробираться. Другие защищают его, загораживают. Но внук был до того юрким, что не только отбился, но и проскользнул сквозь них и остриём сабли лишь по мизинцу провёл.

И всё замерло. Будто скошенные травы, упали Менквы, завяли. В один миг упали. В один миг завяли. А сколько людей съели они, скольким принесли несчастье.

С ними внук поступил так же, как и с другими: снял с их голов шкуры и на пояс свой повесил. Пусть другие людоеды знают: то же самое будет и с ними, если они опять рискнут нападать на мирных людей.

И снова идёт внук по земле. А земля великая, бескрайняя. Однажды устал. Думает: «Прилягу-ка я под высоким и толстым деревом и пусть умру».

Прилёг. Богатырским сном уснул. Но не умер. Отоспался – проснулся. И опять думает: «Что же это я так долго спал? Для этого ли я на свет белый родился? Интересно: а что в мире? Неужели только одни людоеды?! Может, и добрые духи есть, добрые где-то живут, счастье знают?!»

Встал. Пошёл. Долго ли, коротко ли шёл, в одном месте видит: лабаз стоит. Лабаз – это «избушка на курьих ножках». Только у этой избушки не «курья ножка». А домик стоит на дереве. Туда никто не может взобраться. Охотники в лабазах хранят мясо, шкурки, птицу.

Увидел внук лабаз и смекнул, что где-то недалеко и жильё охотника должно быть, люди где-то живут. И правда: пошагал немного – к дому вышел. За домом

висит лук. Снял он этот лук. Натягивает, натягивает его – никак не натянуть! А из дома доносится голос:

– Кто это там трогает мой лук, которым я стреляю уток, гусей, соболей? Кто там рассматривает его так любопытно? Если человек пришёл – пусть домой заходит!

Вошёл внук домой. А старик, не уронив ни слова, вышел на улицу. Из нар, покрытых звериными шкурами, вышла девушка. То была дочь старика. Из большого котла, что висит над огнём в чувале, она черпает горячую воду и наливает её в деревянную лохань с семью ушками. Потом подходит к внуку, снимает его широкий богатырский пояс, кольчугу, саблю, лук, стрелы. Когда сняла она последнюю, нательную кольчугу, душа его замерла, жизнь угасла. Стал он мёртв, как камень. Мыла она его горячей водой, долго мыла. Потом положила на мягкую постель, в соболиное гнездо своё уложила. Долго ли, коротко ли лежал – ожил, проснулся. Слышит нежный женский голос, какой никогда ещё не слыхивал:

– Вставай, милый!

Надел он мягкое платье из горностаевых шкурок. Шапку из ворсистого меха выдры подала она ему. Одетый в лёгкие меха, одетый в мирную одежду, он вышел на улицу. А на улице весёлое солнышко улыбалось, птицы щёлкали, речка таёжная пела таёжную песню. К семи столетним лиственницам были привязаны семь белых оленей. И у этих священных лиственниц старик и внук принесли духам семь великих жертв ради мира на земле, счастья и любви.

Котлы с мясом душистым дымились семь дней, семь ночей. Семь дней и ночей пир гремел на всю де-

ревню, на весь город, на весь мир. Все были на том пире. Все видели счастливую невесту и жениха.

Зим так семь зим, лет так семь лет живёт внук со своей молодой женой. Однажды старик и спрашивает:

– Из какой земли ты, человек, из какой реки ты приехал? Может, душа твоя к земле родной тянется, может, ум твой в сторону родных вод думает? Если так – то езжайте!

Оленей в нарты запрягли. А сзади нарты привязали белоголового оленя. Посадили их в оленью кибитку. И старик сказал на прощанье:

– Пока не приедете в родную землю, в родные воды, не выглядывайте на улицу!

Долго ли, коротко ли ехали, однажды слышат они: треск и гром в лесу, будто сучья ломаются, деревья трещат. Не выдержал внук – выглянул на улицу из кибитки. И удивился: деревьев меньше, а оленей больше. Рогами, как ветвями, шевелят, рогами стучат, копытами стучат, земля поёт. Так много оленей, так много богатств!

Утешил своё любопытство, оглянулся назад: и олень белоголовый, что привязан был сзади нарты, сорвался и назад побежал. За ним и всё стадо бесчисленное повернулось. Следом за стадом поехали и они. Долго ли, коротко ли ехали, перед их зоркими молодыми глазами показался город, над которым бежали тучи, показалась крепость, над которой ветер резвился. Приехали, в дом вошли. Бабушка и дедушка их целуют, обнимают, слёзы льют, улыбаются от счастья. Нет больше рядом Менквов, врагов у крепости нет. Мир и счастье. Семь дней пир на весь город, семь лет пир на

весь мир. И хотя над тайгой тучи ходят, но над дорогами, где проезжают или проходят внук и его добрый тесть, нет ни дождей, нет ни ветров. Они завоевали мир и счастье для себя и для людей!

Ю. Шесталов
«Пакв-поси-войкан-отыр»
(предание)

В каменном городе во дворце из сияющего камня живёт Пакв-поси-войкан-отыр. Имя его говорит о том, что он белый богатырь, белый как семя кедрового ореха. Живёт в своём городе отыр. Есть у него брат, жена и маленький сын. С братом вдвоём делят власть, не ссорятся. А в городе том живёт много народу, целых восемь тысяч. Много было манси в старину! В одном только городе было столько. А жена его была из другого рода, из рыбистой беловодной Оби он её привёз. Долго ли, коротко жили, жена стала проситься в свой город, в свои родные места. Почему она просится, плачет, убивается, муж не знает.

Раз просится – собрались в дорогу и поехали.

Когда стали подъезжать к городу, где жила когда-то жена, стал почему-то очень плакать ребёнок. Не знал отыр, что жена клала ребёнка на пелёнки, где иглы острые воткнуты.

– Почему плачет сын мой? – спрашивает он её.

– Почему плачет, – отвечает она, – потому что ты лёг спать в кольчуге, в доспехах своих. Сними их. Тяжело тебе и нам!

Снял он доспехи. Уснул богатырским сном. А жена не спала. Она рукава кольчуги наглухо сшила, прошила

и низ. Тетиву лука разрезала, стрелы прокусила зубами. А свою шёлковую шаль, красную как кровь, на вершину дерева повесила.

Залаяла собака. То приехали в остров, где они остановились на ночлег, богатыри из её города. Вышли они на берег. А собака, верная хозяину, стонет и лает, предупреждая об опасности.

Соскочил с постели богатырь, за кольчугу схватился. А она наглухо зашита. Никак её не надеть! А стрелы на него уже летят. Как комары они жужжат. Схватился он за лук тугой свой – тетива обрезана. Что делать? Только бежать да саблей защищаться. А стрелы летят и летят, как комары, жужжат они, жужжат.

Войска у него не было: в гости ехал. Люди, что были с ним, шесть дней защищались. Богатырь он был недюжинный – выдержал и семь дней. Без кольчуги, без лука храбро сражался. Пал богатырь на седьмой день.

С головы его (богатырской) сняли кожу и на дерево повесили. А богатырь-победитель взял жену себе.

– Убьём ребёнка! – говорит он.

– Нет! Он же маленький! Помнить ничего не будет! – отвечает она.

Так и стали жить в новом городе, среди новых людей.

Мальчик растёт, набирает силы. На улице играют дети. Он выходит на улицу, тоже хочет играть. Дети пинают мяч. Они в него целятся. Мальчик хватает мяч, обратно в них пинает. В кого попадёт, тот как мёртвый лежит, долго не встаёт. И кричат люди громче другого:

– Разбойник растёт! Если ты такой сильный, то почему отца твоего убили?

– Эх ты, разбойник из другого конца земли!

Идёт мальчик домой, спрашивает мать:

– О чём говорят люди? Почему меня называют разбойником из другого конца земли? Неужели у меня отец не этот, а другой?

– Нет! Ты их не слушай. Это и есть твой отец. Они со злости говорят, от великой зависти дразнят тебя!

Засомневался мальчик, сердиться стал. Кушать несут ему – не ест. Пить несут ему – отворачивается.

Вышел на улицу. По городу ходит, смотрит кругом, старается понять мир. Но разве один поймёшь этот сложный мир? И эти сытые люди из богатых домов разве скажут правду?

Под сияющим городом, под высокой горой дым дымит. Пошёл к дымку. А там, оказывается, землянка. Вот-вот провалится. Зашёл в землянку. Старик со старухой живут. Старые-престарые. Спрашивает он их:

– Вы-то, наверно, знаете, кто я такой?

– Почему ты так странно спрашиваешь? – говорит старик.

– Меня дразнит мальчишки, что я из другой земли. И нет, мол, у меня отца. А мать говорит, что это неправда.

– Человек должен знать, кто он такой! Если ты задал этот вопрос, быть тебе богатырём. Твой отец был богатырём!

– Из какой земли он? И где моя родина?

– Твоя родина далеко отсюда. Очень далеко! По Оби надо ехать, потом по темноводной Сосьве плыть. Долго надо плыть, плыть. И когда она в ручеёк превратится – там и твоя родина. Там город каменный. Народу много...

- Дедушка, как я туда доберусь?
- Если у тебя сердце большое, если ты не боишься дальней дороги и испытаний, я тебе помогу. Приходи ко мне вечером.

Заря вечерняя зажглась. Люди спать ложатся. Мальчик пошёл опять в землянку. Дедушка дал ему лодочку. Да не простую, а железную. А ещё дал ему и весло. Да не простое, а из чистого железа.

Поехал мальчик по Оби. На одном из сверкающих плёсов видит: плывёт целый кайк. Кайк – это много лодок. И лодки эти не простые, а крытые берестой с узорами. В каждой лодке – красивый берестяной домик. И дождь не берёт людей, и от ветра и солнца защищены они. Плывёт по Оби кайк! Большой кайк! Много лодок! Испугался мальчик. Причалил на берег. Запрятался.

А кайк большой, красивый! Мальчику страшно: вдруг опять враги. Они любят Обь. Рыба в ней очень уж нежная, а мясо утиное вкусное! Ловили бы рыбу и уток. Да нет! За людьми охотятся. Грабят. Время было богатырское, страшное время!

Кайк плывёт! В передней лодке сидит старик. Он говорит подчинённым:

- Пристаньте-ка на берег. Я что-то заметил. Надо поискать его.

Богатырь скажет – люди исполняют, воины богатырскому слову не прекословят. Сказано – сделано; пристали на берег.

- Вы кого нашли? – спрашивает старый отыр.
- Мы никого не нашли! Мальчик какой-то, – говорят люди.
- Ведите его сюда!

Испугался мальчик. Но не заплакал. Богатырское сердце в нём жило!

Подъехали они к кайку. Отыр говорит:

– Покажите-ка мне его. Какой он.

Вылез мальчик из лодки, к старому отыру подошёл.

– Да ведь это же мой племянник! – воскликнул он. – Какой большой стал! А я ведь видел его только в пелёнках! Где твой отец? Я поехал на поиски.

– Я не помню, каким был мой отец. В городе, где я жил, дразнят меня. Говорят, что голова моего отца сушится на острове.

Поехали. Видят остров. На высокой лиственнице ветер треплет чьи-то волосы.

– Вот он, твой отец. Запомни и собери в сердце силы!

Подумал сын перед отцовской головой. Дал клятву ему и себе – отомстить!

Настал вечер.

– В город поедem или здесь будем спать? – спрашивают люди.

– Будем спать здесь! – приказывает отыр. Натягивают люди пологи, жгут костры, готовят ужин. А старый богатырь на высокую лиственницу взобрался, красную шёлковую шаль повесил. Божественная ночь наступила. Люди в пологи взобрались, спать легли.

Вдруг, собака. Завизжала, как будто кто-то её ударил. На зверя так собаки не лают. Зверь лесной не страшен. Будь он медведем, рысью, волком. Собака боится человека. Женщина предаёт мужа, мужчина – собаку. Лишь она хозяйина не продаст. Залаяла собака предупреждающим лаем. И люди проснулись. При-

шедшие были в кольчуге. Не мирные люди. Стали они шарить по палаткам. Ищут мальчика и его дядю. Вот нашли они полог. Хотят открыть полог – да старый отыр молвил слово:

– Что вы за бесстыдники, к старой женщине лезете, старуху тревожите! До чего дожили молодые! Как вам не стыдно!

О, слово даже самое простое великую силу имеет!

Стыдно стало им, или хотели показать, что они мужчины, отошли от полога, не стали её рассматривать. А тем временем старый богатырь обнажил меч свой богатырский, и полетели головы. Всех врагов своих скосил старый отыр.

– Ну, теперь езжайте в город! – говорит он своим.

Приехали в город. А богатыря там уже нет. Богатыря нет – люди мирные не станут братья за мечи: мирно признали власть старого отыра из рода Пакв-посивойкан-отыр. Да только он не пожелал остаться. На свою родину поехал. А головой города стали старик и старуха, которые жили в дымной землянке под горой. Ведь они помогли мальчику найти себя, вернуть доброе имя отца.

Он давно уже взрослый и знаменитый богатырь в своём городе из сияющего камня. А город его в верховьях Сосьвы хрустальными горами высится. В старину манси звали его просто – Нёр. Теперь Уральскими горами зовут. Богатый это был город. Медный да хрустальный. И сейчас он не беднее. Приезжайте, полюбуйте, как сияет этот город в лучах вечернего мансийского солнца. Утром его не старайтесь смотреть – не увидите: манси – народ старый, манси – народ

древний. Вечером посмотрите на Урал – вы увидите город, сверкающий хрусталями, сияющий медью. Манси – народ вечерний. Вечером на него и смотрите. Вечером всё поймёте!

Ю. Шесталов
«Аньтволтуп»
(предание)

Живёт мужик. Зовут его Аньтволтуп. Почему его так зовут – никто не знает. Слово «аньт» – рог, «волтуп» – точило. Может быть, он точил рога? А может, кому-то рога отрезал? Кто его знает! Давно это было. Только сказка о нём такая.

Богато жил Аньтволтуп. Охотился, рыбачил. И стол у него был богатый: золотая еда, медовое питьё!

Узнал про то Менкв. И говорит старшему из семи сыновей:

– Иди к Аньтволтупу. У него богатый край. А нас много, не хватает нам пищи. Иди к Аньтволтупу, посиди за его столом! Покушай вдоволь, попей!

Пошёл Менкв к Аньтволтупу. Подошёл к деревьям, а заходить боится. Кто с недобрым сердцем идёт – всегда дрожит!

– Что за существо скрипит у дверей? – возмущается Аньтволтуп. – Почему он не заходит в дом? Кто к дверям подошёл – должен в дом войти!

– Аньтволтуп дома? – спрашивает сын Менква. Будто не знает! – Отец мой в гости тебя зовёт!

– Раз зовёт – пойдём! Ходить в гости – хорошо! Только у меня в лесу осталась моя золотая чаша, – говорит Аньтволтуп. – Сходим сначала за ней.

Пошли. Долго ли, коротко ли шли, оказались у опушки леса, где лиственницы высокие стоят. Схватил Аньтволтуп вершину самой высокой лиственницы, пригнул её к земле. Потом схватил Менква, проткнул ему горло острой вершиной и отпустил лиственницу со словами:

– Твоё весеннее, твоё осеннее мясо пусть здесь сохнет. На этой вершине ищи себе богатый стол!

Сам повернул к себе домой. Сел за стол с медовой едой, с золотыми чашами. Покушал, попил, спать лёг.

Менкв второго сына посылает, наказывает ему:

– Аньтволтуп в богатом краю. И стол его с золотой едой, медовым питьём никогда не пустеет. Если одному не удалось завладеть пусть второй идёт. Богатый стол и нам нужен!

Пошёл второй сын. И Аньтволтуп поступил так же, как с первым.

Менкв посылает третьего сына, задумываясь:

– А может, там столько яств и питья, что им двоим не справиться? Иди, помоги им!

На вершине лиственницы нашёл «богатый» стол и третий Менкв. На вершину лиственницы вздёрнул и седьмого брата, рискнувшего полакомиться за чужим столом.

Сам зашёл домой, сел за стол свой и стал кушать.

Вдруг дом, в котором жил он, заговорил человеческим голосом:

– Ты что-нибудь знаешь? Ты что-нибудь чувствуешь?

– Что я могу чувствовать?

– Там, где я стою, жить ты не можешь. Слишком богатый край! Я на другое место перекочую, на другом месте пусть будет твой дом.

- Как хочешь! Переезжай!
- Тогда можешь, не можешь – сиди дома!

Тронулся дом со своего места, куда-то покатился. Долго ли, коротко катился, долго ли, коротко трясло Аньтволтупа, наконец, дом остановился. Садится снова за стол, кушает, пьёт. Между тем, дом говорит:

– Ты что-нибудь понимаешь? Ты о чём-нибудь догадываешься?

– Что я понимаю? Ни о чём не догадываюсь! Знать – ты знаешь!

– Выходи на улицу. На улице расчисти площадку. Посреди площадки поставь столб. Ко времени захода солнца выходи на улицу снова и ставай к столбу!

Как сказал родной дом – так и сделал.

Зашёл домой, в ожидании вечера лёг на постель свою соболиную, звериную. Думы не думает – силы копит.

Между тем, дом опять говорит:

– Настала пора твоего испытания. Выходи на улицу. У столба стань!

Вышел Аньтволтуп, у столба встал.

Вдруг слышит: идёт кто-то со свистом летит.

Долго ли, коротко ли шёл, долго ли, коротко ли свистел, наконец, остановился. И говорит:

– Аньтволтуп здесь?

– Здесь.

– Ну, тогда держись! Крепче стой!

Зажужжала, загремела тетива лука. Аньтволтуп в то мгновение отодвинулся в сторону, и стрела впиалась в столб.

А неведомый враг спрашивает:

– Что? Поломало тебя?

– Поломало! Только теперь ты крепко держись, крепче стой!

Натянул лук свой, отпустил тетиву, стрела запела.

А там, где враг стоял, – что-то рассыпалось, свалилось грузное.

Стрела угодила в цель. Лишь сказал пришелец:

– Э-их-я! Ты меня убил!

Зашёл домой. Сел за стол. Дом родной опять заговорил человеческим голосом:

– Рано тебе пировать. Богатый стол даром не даётся, желающих много! Достоин ли ты края своего, дома родного?! Тебя ждут испытания! Когда будет гаснуть вечерняя заря – к тебе придёт второй.

Всё случилось так же, как в первый раз. Сделал то же самое. Так же, как первого, сразил стрелой. И в полночь пришлось держать ему испытание. Во вторую половину полночи он уложил четвёртого. Потом пятого. Стрела шестого лишь царапнула плечо. Ну, а стрела Аньтволтупа угодила в цель. Устал Аньтволтуп. Смертельно устал. За одну ночь столько испытаний!

Заходит домой, за стол садится. Дом и говорит опять:

– Рано пировать, праздновать тебе рано. Ты за богатым столом сидишь, живёшь в краю богатом. Есть у тебя ещё один враг. Когда заря утренняя разгораться будет – он придёт к тебе мерить силу, власть делить. Если душа твоя устоит – уцелеешь! Если нет – конец тебе!

Лежит Аньтволтуп в соболиной постели. Лежит – не спит, думу думает: «Откуда берутся у него враги? Зачем им его дом, его стол? Неужели бедны так другие края? Может, они просто жадны, коварны и злы? Надо высто-

ять против зла! Как ни трудно, как ни тянет ко сну – надо выстоять!»

Зажглась заря. Вышел на улицу Аньтволтуп. Встал к столбу и ждёт. А лес уже трещит: кто-то большой идёт!

Долго ли, коротко шёл, наконец, успокоился. И говорит женский голос:

– Ты здесь, Аньтволтуп?

– Здесь.

– Ты семь братьев убил. Шесть моих сестёр стрелой пронзил. Я одна осталась. С тобою бороться хочу. Или твоё тело выживет – и душа твоя останется. Или моё тело выживет – и род мой продолжится. Ну, стой крепче!

Пропела стрела. У плеча прожужжала. Задело тело, душу оставила в покое. Больновато было. Но душа-то жива!

Пришла очередь Аньтволтупу стрелять.

Натянул лук тугой, запела стрела, и в то же мгновение что-то рассыпалось, свалилось. Лишь услышал он:

– Ты убил меня, героиню-богатыршу из рода Великанов. Жизнь моих семи братьев, их долгий век тебе достались! Долгий век моих сестёр, жизнь моих сестёр и братьев ты продолжишь, ты проживёшь! Теперь я поняла: мы зря рискнули на чужой богатый стол!

Зашёл домой Аньтволтуп, за стол сел. Кушает, пьёт. А стол и говорит:

– Не дрогнул ты перед великанами. Хорошо! На чужбине не забыл о крае своём. Душу свою сохранил, и вещей дом твой поверил в твою силу. Теперь ты имеешь право жить и в своём краю. Чёрные звери твои по тебе соскучились, рассыпают для тебя следы на снегу. Белые рыбы твои по тебе соскучились, плещутся на

плёсах, прыгают на перекатах. Можешь, не можешь – сиди в доме, сейчас покатымся.

Долго ли, коротко ли катились, долго ли, коротко ли трясло его, наконец, дом успокоился. Вышел Аньтволтуп на улицу и видит: на берегу той же таёжной речки стоит дом, рядом с тем же дремучим урманом стоит его дом. Глухари на деревьях сидят, как непуганные старухи, лоси на опушке стоят, как лестницы блестящие, медведи на поляне валяются, как серебряные дубины, соболи на ветвях кедра сидят, как девушки прихорашиваются, рыбы на плёсе прыгают, птицы на опушке поют.

«Не напрасно защищал этот край! Не напрасно вынес семь испытаний за одну ночь!» – подумал Аньтволтуп. И зажил он на этой земле дальше. И до сих пор счастливо живёт!

М. К. Анисимкова
«Нёр Ойка»
(рассказ)

Кого ни спроси, где стоял чум Нёр Ойки, каждый скажет: иди по берегу реки, как увидишь, что она к камню стрелой потекла, никуда не сворачивай, а где река сделает кругую изгибину, будто кто ту стрелу пополам сломал, тут и увидишь место, где стоял чум Нёр Ойки.

Как говорят старики, ничего в нём особенного не было: чум как чум. Летом крытый берестой, зимой – оленьими шкурами. Только одна особина в нём была: день и ночь из этого чума дым шёл – видно, в нём никогда огонь не гас. Интересно было всем узнать про тот дым в чуме Нёр Ойки, да никто не осмеливался спро-

сильно про это его. Человек он был старый и одинокий, а значит, и обидчивый, хотя доброты великой.

Каждый охотник считал счастьем повстречаться с Нёр Ойкой перед охотой или хотя бы его след в лесу увидеть.

А след его все сразу узнавали. Как только где пройдёт старик, сразу тропку приметную оставит – или тут дорожка грибная пойдёт, или ягодная боровинка останется, а если он болотом ходил, то там кочки выше поднимутся, если в кедровнике проходил – кедровые шишки со своих вершин сбросят.

– Хороший след был у Нёр Ойки! – говорили все.

А если зимой задурит непогода – все знают: давно из своего чума не выходил старик.

Так бы, может, и прожил он спокойно, да вдруг подошёл его чума какой-то шатун Манорага появился. Медведь не медведь, человек не человек: большой, косматый. Всех обходил стороной и его тоже. Берлогу себе смастерил из коряг да сухих пней. Как где пройдёт – траву помнёт, кусты притопчет, на болоте вода чёрными пятнами покроется.

– Плохой след у Манораги! – говорили все.

– Зачем это он в наши края пришёл? – спрашивал всех охотник Топырко. – Зачем всегда след его в сторону чума Нёр Ойки смотрит?

Никто ему ничего не говорил, только отец вечерами жевал табак и не ложился спать.

– Смотри, Топырко, – сказал он однажды сыну. – Ты чаще ходи к чуму Нёр Ойки! Болит у меня по ночам сердце: не зря Манорага сюда пришёл! А если заметишь что неладное, сразу птиц кричи. Они всегда около чума Нёр Ойки гнездятся, не улетают далеко.

Шли дни за днями. Манорага жил в тайге смирно, гнёзд не зорил, деревья не ломал. Когда пройдёт мимо чума Нёр Ойки, постоит в стороне, прорычит жалобно и опять к своему логову отправится.

А люди замечать стали, что Нёр Ойка вдруг хмурым стал, лицо почернело, улыбка потерялась, да и ростом совсем маленьким стал, будто весь в комочек вернулся. Бежит по земле, как клубочек катится, а след после себя ещё краше оставлять стал.

И вдруг не стал старик выходить из чума. Ходит, ходит около его чума Топырко, а следа увидеть не может. Подошёл поближе, видит: вокруг трава растёт высокая, цветы тундровые облепили стены чума, все тропки белым мхом выстланы. Стоит Топырко в стороне, дивится: вокруг осень, а около чума Нёр Ойки цветы цветут, а из чума всё дым идёт. Стоит он поодаль и слышит: кто-то кряхтит в стороне. «Манорага!» – подумал охотник, прижался к земле, за рукоятку ножа схватился. Видит: Манорага встал на задние ноги, вытянул косматую шею, смотрит на чум Нёр Ойки и скулит жалобно, зубы скалит. Глаза огонь мечут.

– Как этот огонь погасить? – слышит Топырко слова Манораги. – При этом огне не взять мне богатства Нёр Ойки.

И давай он от злости реветь, шерсть на себе рвать, а сам всё мечется, всё хочет к чуму пробежать, да только поставит лапы свои косматые на мшистые тропки, а из-под них искры огненные выскакивают. Отскочит в сторону Манорага, затрясет лапами и начнёт мох драть да в сторону чума бросать. Дурил так целую ночь.

Как только стало восходить солнце, устал Манорага, упал под дерево, полежал и, пошатываясь, пошёл к своей берлоге.

Тут Топырко вскочил, и ноги сами понесли его к чуме старика. Разостлался под ногами мох, пригнулась трава.

Приоткрыл Топырко шкуру чума и видит: бьет из земли пламя, лижет языками стены горы, в земле спрятанной, и блестят эти камни, от огня светятся, переливаются, а Нёр Ойка сидит у огня и в руках камень держит. А камень тот будто изо льда сделанный.

– Проходи, проходи, Топырко! – говорит Нёр Ойка, не оборачиваясь. – Давно тебя жду. Посиди со мной, посмотри камни мои, которые я всю жизнь любил собирать, а теперь пришло время их людям отдать.

Стоит Топырко, глаз от камней отвести не может.

– И это земное тепло тоже людям отдать надо! – говорит старик. – Час пришёл такой! – сказал и будто забыл слова свои. Вскочил проворно и стал угощать охотника запашистым чаем и всякими кореньями таёжными.

– Ешь, ешь, Топырко! – говорит Нёр Ойка. – От этих кореньев годы убавляются. Сколько кореньев съешь, на столько лет и помолодеешь. А мне они теперь впрок не идут. Шибко много я на земле прожил. Вот приходи завтра, и я научу тебя, что делать, куда и кому все эти богатства отдать. Сегодня бы сказал, да устал шибко, сил нет. Манорага всю ночь около чума ходил, спать не давал. Ты смотри за ним, Топырко, неспроста он сюда пришёл! Лесной зверь не будет мастерить берлогу рядом с жильём человека, – и Нёр Ойка прилёг на белую мягкую оленью шкуру около огня и уснул.

Вышел Топырко из чума совсем молодой и счастливый от мысли, что Нёр Ойка собрался своё тепло и все камни людям отдать. Идёт, торопится. И вдруг у реки опять услышал храп Манораги.

«А что, если он пошёл тепло взять у Нёр Ойки?» – подумал Топырко и встал во весь рост перед Манорагой. Видно, коренья старика придали ему силы и храбрости.

– Убирайся отсюда! – закричал охотник. – Зачем пришёл в наши края? Зачем не даёшь спать старому Нёр Ойке?

Взревел Манорага, вскочил на задние лапы, наострил когти, да увидел, как Топырко вытащил охотничий нож, побежал прочь.

В это время снег повалил. Залетали в небе снежинки белым оводом, стали падать на стылую землю и прилипли к ней насовсем.

Рад Топырко, что не испугался зверя страшного, идет, песни поёт. Видит, по реке шуга пошла, на снегу звери свои следы оставляют. И не заметил он, как к чуму Нёр Ойки обратно пришёл. Смотрит, а на снегу совсем незнакомый след. Остановился Топырко, обошёл его вокруг, видит – птица ходила. Только незнакомая птица, не зимняя – след на снегу лапастый. Может быть, гуся, может быть, утки. «Как это так, – думает он. – Эти птицы давно улетели. Как тут может их след оказаться?»

Пошёл по следу, а он прямо к чуму Нёр Ойки идёт. Взволновался Топырко, наострил стрелу, натянул лук. «Всё равно, – думает, – изловлю птицу непутёвую!»

Видит – Манорага крадучись по земле ползёт, да вдруг как вскочит, как подбежит к столетнему кедру, как ударится головой о его могучий ствол – шум да

треск раздался по тайге. Труха, кора да иголки посыпались с дерева, и гром раздался!

Отскочил в сторону Топырко и видит: вместо Манораги гусь стоит огромный, лапы красные, на голове вместо перьев шерсть торчит. Встал гусь на тропу и прямо к чуму Нёр Ойки побежал. Тут не оплошал охотник, побежал за гусём и закричал что было силы:

– Нёр Ойка! Нёр Ойка! Гаси огонь! Гаси огонь!

А гусь подбежал к чуму, присел около него, раскинул в стороны лапы, а из них огромные когти выставились. Как схватят они чум Нёр Ойки! Затрещала земля, пошатнулась. Закачались деревья, река из берегов воду вылила. Отскочил Топырко в сторону, а громадная птица подняла все богатства Нёр Ойки в воздух и полетела.

– Топырко, Топырко! – слышит охотник голос Нёр Ойки. Стоит он на земле маленький, еле приметный, среди камней разбросанных. – Зови скорее Мороз! Зови скорее Мороз! – кричит Нёр Ойка. – Или совсем обеднеет наша земля!

А сам в камушек вдруг превратился. Только и помнит Топырко его последние слова: «Торопись, сынок! Торопись! А то Манорага утащит все богатства в чужие края!»

Сколько бежал Топырко к Морозу – не помнит, а быть может, Мороз сам слова Нёр Ойки услышал, только стал он догонять улетающую птицу. Давай морозить в небе гуся!

Завертелся, закружился в воздухе гусь. Стали крылья его леденеть, клюв краснеть, закричал он голосами разными.

– Морозь его, морозь его! – кричит Топырко и бежит за гусем, под ноги себе не смотрит, о коряги и пни запинается.

Крепко держит гусь в когтистых лапах чум Нёр Ойки с теплом и камнями разными. Рассердился Мороз, закрихтел. От холода на деревьях ветки ломаться стали, куропатки в снег прятаться, шуга на реке встала.

Заготовил гусь Манорага громовым голосом и давай в небе переворачиваться, а на землю спускаться не хочет.

Видит Топырко – полетел на землю один отмороженный коготь, а вместе с ним камни посыпались. Запоминает охотник место, а сам лук натягивает!

А мороз крепчает, пуще прежнего морозит всё! И полетели на землю отмороженные перья. Тянет тяжёлый чум Нёр Ойки гуся Манорагу к земле. Натянул тут Топырко свой лук и выстрелил. Посыпались на Топыркину землю камни разные, а Манорага грохнулся и почернел весь да всё глубже в землю уходить стал, а сам обмороженной лапой машет, всё чум Нёр Ойки схватить хочет.

Так до сих пор и торчит его каменная рука, бороздит низкие облака, а рядом красуется гора Нёр Ойки. Часто солнечные лучи заливают её своим светом, и сияет она радугой!

Говорят, в этих лесах богатства лежат несметные. Искать только их надо. Старик Нёр Ойка недаром жил на земле.

<i>Зорил – не разорял.</i>

НУ ЧЕМ СИБИРЬ НЕ РАЙ!

А. С. Тарханов

«Плав»

Вздыхает Обь.
Себя волной,
Как женщина рукой,
 ласкает,
И муксунов к нам вызывает,
И те спешат к пескам гурьбой.
Пора!
И мы плывём на середину
Оби распахнутой, шальной,
Плывём с улыбкою повинной.
Провяз уходит в глубину –
И сразу притихают гребни.
Лицо своё – отлива меди –
Ты обращаешь в вышину:
«Пошли нам, Бог, скорей удачу,
И осетра прикинь в придачу...».
Провяз несёт теченьем быстрым,
Мы в шлюпке рядом с ним плывём.
Багряный лес кидает листья,
Он словно опалён огнём.
Плывём.
Напарник меру знает,
С кормы мне весело кивает,
Провяз он ловко выбирает,
Кивая молча на сырков.
Кричать от радости готов,
Когда сияющий, лучистый,

Сам в руки просится муксун.
При виде нельмы серебристой
Запел мой сибиряк-молчун.
И я пою.
Леса внимают,
Осенней свежестью дыша.
Я озарено понимаю:
Слита с Природою душа.

А. С. Тарханов
«Дума у спиленного дерева»

Запах свежеспиленного дерева,
Как ты душу растревожил мне!
Пахнет хвоей, горьковатой серою,
Каплями янтарными на пне.
Ветки, будто лапы глухариные,
Вписаны в брусничник навсегда.
Дерево, я с мудростью совиною
Для себя возьму свои года.
Может, стану осторожным более,
Знаю, что перед коварством слаб.
В странном мире за одним застольем
Пьют владыка, и поэт, и раб.
В странном мире лицемера жалкого
Люди часто носят на руках...
Было схоже дерево с гадалкою,
Взгляд искал кого-то в небесах.
Я и сам гляжу туда с надеждою,
Брата жду из дали голубой.
Взглядами, лаская тучи внешние,
Слышу: вновь сюда идут с пилой.

А. С. Тарханов
«Ендырское озеро»

На Ендырском озере пляшут валы.
Взбегают порою они на яры, –
И рушатся сосны,
 и словно слюда,
Мерцает в свирепом полёте вода.
От злой непогоды зарылся в песок
Хозяин простора –
 почтенный сырок.
А чёрная щука –
 длиною с бревно –
Взлетает на гребни,
 ныряет на дно.
Бушует стихия, швыряя валы
В покатые жёлто-седые яры...
Лик озера поутру нам не узнать:
Оранжевой стала громадная гладь.
Яры золотятся, сыпая песок,
Резвится в тиши серебристый сырок.
Он плавает возле целебных ключей,
Там есть острова молодых камышей.
И благо, и чудо, как звуки, слились,
Восторженно мы на яру обнялись.
Ты, озеро, даришь нам чувство любви,
Как небо, нужны нам порывы твои.

А. С. Тарханов

* * *

Озеро Туман не спит ночами,
Озеру не спится, как и мне.
Окольцовано оно логами –
Кружевом черёмух по весне.
Эта красота порой обманна –
Ураган является сюда.
У песчаных берегов Тумана
Гуливанит по ночам Беда.
Вал вздымается до верха кручи,
Валит кедры гребнем ножевым
И бессонницею чаек мучит,
Неуютно жителям лесным.
А поутру в белизне черёмух
Озеро –

мирская благодать.

Выбегаю с радостью из дома,
Чтобы озеро поцеловать.

А. С. Тарханов

«Моя осень»

Костерок мой прощальный искрится,
И задумчиво нынче окрест.
Осень тропкою красной лисицы
Покидает растерянный лес.

Почему так душе беспокойно:
То заплачет,
то вновь запоёт?

В небо взгляд поднимаю невольно,
Осень в дали навеки уйдёт.

Я, конечно же, осень обидел:
Я мгновеньями не дорожил.
Вы, деревья, меня не хулите,
Каюсь сам
 перед взглядом души.

Вот и осени нету.
 И туча
Снеговая, я слышу, плывет.
Успокойся, душа,
 может, лучший
Наступает в природе черёд?

Но не может душа примириться –
И зовёт мою осень назад...
Ой, как часто зимой будет сниться
Огневой листопад, листопад!

А. С. Тарханов
«Соболёнок»

Залп ружейный пронзительно звонок.
Ты в дупле притаился, дрожа.
Ты остался один, соболёнок,
На печальных руках кедрача.
Убаюканный песней знакомой,
Ты уснёшь, беззаботно сопя,
Словно не было дымного грома,
Словно мать согревала тебя.
А проснувшись в дупле одиноким,

Ты впервые заплачешь, зверёк.
Минет время. Урманов дороги
Возвратят тебе жизни восторг.
Сколько раз ты уйдёшь от погони! –
И красивый, и ловкий такой...
Неужели, мой друг-соболёнок,
Ты расстанешься нынче с тайгой?

А. С. Тарханов
«Лось в марте»

Качая тяжкими рогами,
Идёт он синими снегами.
Порой рогами снег вздымает,
Снег васильками расцветает.
Вот, фыркнув, он остановился.
Снег на боках, в глазах искрился.
Увидев белку над собою,
Плеснул в неё он синевою,
Поднялся дым голубоватый –
То снег, подброшенный сохатым.
Идёт он от зари рассвета,
Спешит на встречу с вами, дети.

А. С. Тарханов
«Метель в кедраче»

Как заяц, бор кедровый бел,
И в дымке белой круча.
В Ханты-Мансийск летит метель –
Разгульна и певуча.
Как рысь, метель разъярена,
С вершин кидаясь смело.
И, словно море, вышина –

Вся в волнах чёрно-белых
Бежит по ветке снежный ком,
Он словно белка скачет.
Шумит, качаясь, лес кругом,
И малых пташек прячет.
А соболя, а соболя из нор на волю мчатся,
Они любимцы февраля –
В февраль всегда резвятся.

А. С. Тарханов

«Закат»

Закат похож на зверя злобного –
Глаза красны и горячи.
И от дыхания морозного
В сугробы скрылись косачи.

Зевая на закат хладеющий,
Рысь растянута на суку.
За ней – сосновый бор темнеющий,
Под нею – волки на снегу.

Мазок последний –
Строчку красную
Художник неба написал.
И ради утра в ночь опасную
Небесный свод сиял, пылал.

С. В. Карнаухова

«Ну чем Сибирь не рай!»

Ну чем Сибирь не рай,
Какие по утрам рассветы,

И солнце –
В три объхвата каравай –
С утра до ночи светит.

А лес! Ну так и манит отдохнуть,
Живительного воздуха вдохнуть.
Пичужки нежно трели льют,
Жаль, комары покоя не дают.

Какие здесь пески речные!
Завидуют курорты мировые.
Конечно, лето коротко,
Зато не надо ехать далеко.

Ну чем Сибирь не рай,
Захочешь прокатиться,
Выбирай:
На лыжах проложи лыжню
Или на санках покори
Любую крутизну.

Скажу, не хвастаясь, друзья,
И не кривя душой:
Живу в раю, в Урае я,
И мне не нужен рай другой.

СЕМЬЯ И Я

Ю. Шесталов

«Школа – светлый праздник»

(рассказ)

Я собираюсь в школу. Давно я хочу в школу. Мама, дедушка – все мне помогают.

Больше всех помогает отец. Атя. Он недавно вернулся с войны. А когда уходил на фронт, я был ещё маленький.

Мама и бабушка плакали, когда провожали его. А я не плакал. Я думал, что уже вырос и стал мужчиной. Но атя вернулся, а я вырос совсем немного.

Отец большой и сильный. Гитлер стрелял в него, но атя живой. Атю нельзя убить. Мы идём с атей в школу. Моя ладонь в твёрдой, с мозолями, руке отца. Сухая трава шуршит под ногами.

Атя хороший, и дедушка хороший. Только почему-то спорят. Почему? Не понимаю...

Атя говорит: «Дедушка твой – шаман. Мы с товарищами хотели разбить его бубен. Но дед сам, добровольно сдал в колхоз людям лошадь, корову, барана. Бубен Ась-ойки мы пока не трогаем. Но ты его разговоры не слушай. В нашей деревне школа, учителя хорошие. Книги у них умные».

Мама говорит: «Иди в школу. Но знай: дедушка наш не злой. Он меня маленькую плохому не учил. Добра и разума он всем хочет. Иди в школу, слушайся учительницу. Ты сам теперь большой. Сам и решай. Живи. Учись. Думай».

В школе был барабан. Совсем как бубен дедушки. И хотя по барабану били не лапками священной птицы гагары, а обыкновенными палочками, он так же, как бубен, гудел, шумел, гремел.

Дедушка говорит: «Видишь, и новым людям нужен бубен. Без старого не будет нового. А учительница твоя хорошая. Здравается со мной. Так учись. Книг много читай. Понимай всё: будешь делать так, чтобы людям хорошо жилось».

И я пошёл в школу.

* * *

Пролетела сорока. Я знаю, что сорока – болтушка. Она расскажет всем, что я иду в школу. Я хочу, чтобы сорока быстрее сказала всем, что я иду в школу.

Все ребята пришли в школу нарядные. Цветные ситцевые рубашки расшиты узорами. На замшевых сапожках тоже узоры. От них пахнет не только шкурой, но и красной охрой. А на кожаных нрях узоры из бисера. Только у меня нет никаких узоров. У меня ботинки. Все, глядя на меня, удивляются моим необыкновенным ботинкам. Их привёз папа из большого города. А на мальчика, который пришёл в школу в малице из оленьей шкуры, никто не смотрит, не удивляется. Обыкновенная у него малица. Только ведь осень ещё, не так холодно, чтобы в шкуре ходить. У большинства мальчиков длинные волосы, заплетённые в косички. Волосы блестят. Обыкновенно блестят, от обыкновенного рыбьего жира.

У меня волосы короткие. Подстригла меня сама мама. Ещё накануне. И голову мою мыла. И говорила

ласково: «Пусть будет твоя голова красивой и умной». И я так же думал. Только тихо про себя. Боялся, что меня не возьмут в школу... И ещё разные слова говорила мама, когда подстригала меня. У каждого манси должна быть своя форма стрижки. Если все дети будут одинаково подстрижены, думают взрослые, то они заболеют. Особенно смешно был острижен один из мальчиков: на макушке головы голо, а по краям оставлены чёрные космы. Если остричь эти космы (так говорит его бабушка), внука возьмёт куль – злой дух. У большинства мальчиков и девочек просто косички. Косички разные. У одних – длинные, у других короткие. У одних косички заплетены цветными шерстяными шнурками, у других – ситцевыми. Не разобраться сразу злomu духу-кулю, у кого какая голова...

* * *

– Слушайся учительницу. Она будет тебе матерью. – Мама заплакала. Я рванул к ней. Я не мог представить, как чужая русская тётя будет моей мамой. И как родная мама может оставить меня в чужом доме, в школе. Мне нравится школа, но я не хочу, чтобы мама уходила.

И всё же мама меня оставила. Уехала на берег большой реки ловить рыбу.

У других ребят мамы тоже на промысле.

Все остались. Никто не плакал. Не плакал больше и я. Только утром подушка моя была чуть влажной от слёз, уроненных украдкой. А когда закружились снежинки, и река покрылась настоящим льдом, я всё же решил бежать к маме, добраться до неё во что бы то ни стало! Легче всего бежать было по реке. Она, покрытая льдом, гладкая,

как дорога. Я помнил эту дорогу. Летом мы с мамой не раз ездили. Тогда вода была высокой, но и сейчас можно узнать все повороты речки, по которой ездили на лодках. Только одному страшно. Вот если бы вдвоём!..

У Кирилла мама была там же, где моя. Я поделился с ним своим планом. Конечно, Кирилл не только обрадовался, но захотел бежать сейчас же. Решили идти утром. Я знал: ноябрьский день хотя и короткий, но если выйти из деревни сразу же после завтрака, когда ещё темно, то к полному рассвету можно дойти до речки, где большая дорога расходится на две. Хорошо видно будет, по какой идти.

Ночью мне снилась мама. То казалось, что она стала учительницей. Была совсем рядом и говорила, как русская тётя, разные слова. То была обыкновенной мамой в мансийском платье, расшитом обыкновенным мансийским орнаментом. Я бежал к ней, хотел прижаться к её груди. Но она почему-то уходила от меня. Я плакал, умолял взять меня к себе. Она смотрела на меня печальными глазами и шла мимо.

Утром, позавтракав, ребята отправились в классы, а мы с Кириллом незаметно надели малицы и побежали по реке. Идти было совсем легко. Мороз был небольшой. И ветер где-то уснул. Тишина стояла. Только снежок чуть-чуть похрустывал под валенками. Сначала мы шли не по дороге, а по льду. Правда, кататься было уже невозможно. Но всё же лёд есть лёд. Кажется, не идёшь, а катишься.

Морозно, но хорошо. Идти хорошо. Весело и легко на душе. Радуюсь тому, что впереди дорога и радость путешествия.

И по дороге было хорошо шагать. Даже лучше, чем по льду. Впрочем, это тот же самый лёд, только снег на нём укатан до блеска. Следы саней и нарт, следы копыт коней. Почту возят. На лошадях. На оленях иногда даже здесь ездят. Я сам своими глазами видел. Вот хорошо бы сейчас на оленях прокатиться. Ведь до другой деревни на лодке и то долго едешь. Почти целый день. Километров наверно тридцать.

А до мамы ещё дальше. За другой деревней их промысел находится.

Вот уже и солнце выглянуло краешком глаза из-за дальнего леса. Заблестела узкая санная дорога, заблестела белая шуба реки и пологий заснеженный берег. Хорошо идти, когда светит солнце. Хорошо, когда веришь, что дойдёшь до мамы. А мама всё поймёт. Хорошо, когда кто-то понимает тебя.

Сначала шли по местности, на которой много следов человека. То здесь, то там стоят стога сена. На берегу иногда виднеется лёгкий шалаш, сложенный из больших кусков коры лиственницы. Но скоро пошли настоящие дикие места: ни одного санного следа, никакого признака человека. Только снег. Застывшая река. Лес на берегу.

Мы шли под крутым берегом реки. На высоком берегу, купаясь в золоте зимнего солнца, в бледной бирюзе морозного неба стояли лесные гиганты, свесившиеся над самой крутизной. Внизу ещё царят предутренние сумерки, а глянешь вверх – всё залито блеском. Впереди река становится всё шире и шире, белоснежная, сияющая река. За каждым поворотом она открывает новую даль. Сначала ноги были лёгкие, как крылья,

но валенки тяжелели с каждым поворотом. И мы время от времени стали присаживаться. То на сваленное дерево присядем, то на заснеженную кочку. А под кочкой – норка горноста. Зверёк бегал, наверно, совсем недавно. И зайцы натропили ночью столько дорожек, что их даже не сосчитать, не то чтобы разобраться, куда дорожки ведут.

– А интересно: сколько километров проходит за ночь заяц? – спрашиваю я Кирилла.

– Наверно, не один и не два, – отвечает Кирилл.

– По-моему, километров сорок могут они без всякого. Не меньше!

– Конечно! У них четыре ноги. Им легче.

– Что ты?! Думаешь, мы слабее какого-то косоного зайца? Мы ведь школьники, не малыши. Неужели мы за один день не дойдём? До промысла как раз километров сорок. Половину мы уже прошли.

– Может быть, переночуем в деревне, которая будет за тем лесом? – предлагает Кирилл.

– Знаешь, если пойти прямо по реке и не заходить в деревню, можно быстрее дойти до мамы. Разве тебе эта незнакомая деревня нужна, а не мама?

– Но ведь скоро ночь...

– В этой деревне нас никто не ждёт, – настаиваю я. – И стыдно как-то стучаться в чужую дверь... Они будут смотреть на нас большими глазами, спрашивать, кто мы такие. Разве тебе не будет стыдно?

– И правда, – согласился Кирилл. – Они могут схватить нас и вернуть в школу-интернат. И мы не увидим наших мам.

– Лучше уж идти.

– Если пойдём прямо к реке, а там свернём в протоку, то сократим путь знаешь на сколько! К звёздам мы уже будем на промысле.

Как порешили, так и сделали. Снова весело захрустел под ногами снег. От одной мысли, что мы сегодня увидим своих мам, к ногам как будто прихлынули силы. Да к тому же выскочила лисица. Виляя огненным хвостом, она пробежала в ту сторону, куда шли и мы. И мы совсем забыли про усталость. Полетели за ней следом. Но снег всё равно тяжелел и тяжелел. То ли глубже он стал, то ли устали ноги. Даже весёлая лисица, которая удачно мышковала на снегу, не помогала.

* * *

Снег полетел. Раздалось кудахтанье. То куропатки, растревоженные нами, взмахнув белыми крыльями с чёрными обводами, вылетели из-под обрыва. Чуть поднявшись, они тут же канули в сосновую поросль.

У обрыва в большую реку впадала лесная речка.

Лесная речка как новая сказка. Деревья остановились, снег засверкал. Ни дорог, ни троп. Мы идём по непроторённому покрову. Деревья – словно стражи покоя. Толстые стволы их подходят близко друг к другу. Ветви кедра, раскидистые вершины сосен, кроны елей местами переплелись, смешались настолько, что не проскользнуть сквозь них даже солнечному лучу. А солнце низкое, морозное. Ловко лавируя между деревьями, идём мы по лесу. Как охотники, идём, как настоящие манси. Птиц видим: сами они беленькие, носы чёрные, глаза чёрные. Что это такое? У меня был лук. Натянул лук. Запела стрела.

Одна птица упала. Другие улетели. Смотрим: не куропатка ли? Наверно, они самые. Глаза чёрные, носы чёрные, сами беленькие. Крылья не помогли.

Стрелы мои оказались сильнее крыльев птицы. Значит, и сам я сильнее птиц! Хорошо быть добытчиком птиц. Хорошо чувствовать себя сильнее крылатых.

Погода очень тихая. Очень хорошая погода. Сосна стоит не шелохнётся. Под сосной снег замусорен: валяются ветки, лишайник, сосновые иглы и шелуха от кедрового ореха. Вокруг дерева пороша. На ровном снегу беспорядок. Кто здесь безобразничал? Какой зверёк? Пороша вела от дерева к дереву. Значит, кто-то шёл от дерева к дереву. Кто-то на дереве должно быть, сидит.

«Цок!» – раздался сверху пронзительный свист.

Я смотрю вверх, на заснеженные ветви сосны: ничего там нет.

«Цок! Цок!» – повторился свист. Ожила вершина кедра, который стоял недалеко от сосны.

«Цок! Цок!» И с вершины кедра кто-то метнулся на соседнюю пихту.

Ожила ветка пихты, качается. Смотрим – видим зверька в пушистой шубке.

– Белка!

– Давай-ка я стрельну, – говорит Кирилл.

Луки и стрелы у нас всегда с собой. И в школе после уроков каждый день ходили стрелять в цель. Кирилл натягивает лук, хладнокровно целится, стреляет. Удаляясь о ветки, сбивая шелуху, вниз летит серый комок меха. Белка. Лежит в снегу в той же позе, как в тот момент, когда её поразила стрела. Головка с острыми

стоячими ушками запрокинута вверх. Лапки взметнулись к самому подбородку. Задние ноги и хвост распластались – готовилась к большому прыжку, стремилась к новой высоте, к свету, к жизни... Кажется, вот вскочит этот прыткий зверёк, взметнётся по стволу серым пламенем, качнётся ветка, другая, заплещет дерево, радуясь жизни. Но дерево не оживает. Снег мёртвый. Зверёк недвижим.

Кирилл бежит к своей добыче. Берёт зверька в руки. Рассматривает. Довольная улыбка расплывается на его лице. Попал остриём стрелы в голову. Чуть-чуть не в глаз.

– Поторопился, – говорит Кирилл. – В следующий раз надо попасть прямо белке в глаз. Наш дедушка, говорят, стрелял прямо белке глаз.

Кирилл был подпоясан красивым дедушкиным поясом. На поясе зубы медведей, росомых, лосей. Много зверей убивал когда-то дедушка. И Кирилл не хочет отставать. Вот уже первого зверька убил. Надо бы снять шкурку белки да и повесить её на пояс. Из костяных ножен вытаскивает Кирилл большой дедушкин нож, надрезает шкурку на лапах, потом у подбородка, затем быстро стаскивает её, как снимают чулок с ноги, вывернув наизнанку, мездрой наружу. Всё делает так, как дедушка делал на охоте. Не раз он брал нас собой. Ободранная тушка белки кого-то напоминает. Но кого?! А-а-а! Так она на ящерицу похожа! Такая же продолговатая голова, длинное туловище, лапы. Вместо пушистого хвоста голый обрубок. И ящерицы обрубают хвосты... Мы сами видели это, а не только слышали. Тушка белки похожа на ящерицу. Видно, белка была когда-то ящерицей.

Ползала по земле, а не летала-прыгала по ветвям высоких деревьев.

А медведь, с которого сняли шкуру, похож на человека. Сами видели недавно, когда охотники убили медведя...

«Медведь тоже человек, – говорит дедушка, – только дремучий лесной человек. Дикий он. Потому в берлоге живёт. А если убьешь его, устроишь медвежий праздник, он вновь прозреет. Станет или человеком, или духом, богом или червячком, или ящерицей, или просто ветром.

Все рождаются или умирают, потом вновь рождаются то в одном облике, то в другом. Всё зависит от поступков, которые совершил ты в других существованиях, – говорит дедушка. – Но стремятся все быть духом высшим – человеком.

Нелегко достичь высшего, просветлённого состояния, – любил поговаривать дедушка. – Трудно достичь совершенства, но к этому стремиться надо».

«Интересно: кем я был? – думает Кирилл. – Может, вправду росوماхой, как говорит, смеясь, бабушка. У-уф! Плохо быть росوماхой. Росумаха чёрная, лохматая, вонючая, злая... К тому же её люди зовут разбойницей, воругой. Нет! Нет! Я не мог быть росوماхой, Няр-мишка просто меня дразнит. Он такой колючеватый...»

– У-Уф! Вот её следы! – воскликнул Кирилл, увидев глубокие ямы на снегу, точно нарисованные через ровные промежутки большого снега. Вертлявая росумаха шла, видно, как обычно, прыгая, вихляя толстым задом, махая пушистым хвостом.

Снег – словно страница книги. Всё на той странице написано. Возле ели прострочил ровную строчку хитрый горноста́й. Сложный узор из следов вышила на снежном полотне юркая ласка. Вот строгий соболиный след. А тут купался в снегу кем-то испуганный заяц, видно, спасался от преследователя. А что за история разыгралась здесь, возле этих засыпанных снегом кустов тальника? Снег истоптан, помят. Здесь, видно, разыгралась лесная драма. Следы недавней борьбы запечатлел снег, краснели пятна крови и валялись перья. Кто-то с кем-то мерялся силой, кто-то кого-то здесь одолел. Вот ровная борозда, по ней волокут жертву. Два крошечных следа вокруг борозды. Наверно, это горноста́й. У него такой бисерный след. Двое волокли одного. По перьям похоже на белую куропатку. Загавалась наверно. Вот и потащили её в глубокую нору. На белом снегу зияла тёмная рана. Это вход в убежище горноста́я. Под снегом тоже жизнь. Странно, маленькие и бескрылые горноста́и съели крылатую большую птицу...

«Живут и побеждают не только крылатые, – любит поговаривать дедушка. – Жизнь – борьба добрых и злых духов...»

– А это чьи следы? – вдруг воскликнул Кирилл. – Такие большие, глубокие. Не медвежьи ли?

– Медвежьи на человечесьи похожи. А это копыта, – говорю я. – Лось, наверно.

– И, правда, лось...

И видим:

Перед нами стоит

Великан.

Огромный великан.

Глаза у него грозные.
Переносица горбатая.
Рога ветвистые, грузные.
Дыбом на холке густая грива.
Как у сердитого человека,
Сердито брови приподнимаются.
И он глядит на нас,
Грозно фыркая,
Будто говорит:
«Зачем вы,
Малыши,
На дороге моей стоите?!
И мы лесному великану
Великодушно
Уступаем
Дорогу.
Не боимся горбатого носа,
Сердито ошетилившейся холки,
Грузных рогов,
Грозных глаз.
Понимаем.
Уважаем великана
И великодушно
Уступаем
Дорогу...

Мы ушли от лося. Вышли снова к большой реке.

Вдруг увидели чудо: на противоположной стороне реки по берегу кто-то мчался на лошади. Сначала мы испугались. Подумали, погоня за нами. Хотели было прятаться. Но человек, взглянув на нас издали, стегнул лошадь плёткой и промчался дальше.

– Возьмите нас, дяденька! Нам в ту сторону! – закричали мы.

Но дяденька не услышал. Он хлестал свою лошадь. Только снег вихрился под копытами.

Долго мы бежали за нартой. Но лошадь бежит быстрее. Скоро она скрылась за мысом...

Уже сумерки надвигались.

– Пойдём лучше по следу, – предложил приятель, – а то ещё заблудимся. Человек этот ведь не в лес ехал. Может, там и наши мамы.

– Нет! Речка, она всегда виляет. Зря потеряем время. Пойдём лучше прямо.

Но впереди не оказалось ни следа, ни речки. Пока спорили, что делать, совсем стемнело. На небе зажглись звёзды. Казалось, они чуть позванивали. И снег стал звонче. Это заиграл мороз. Взошла луна. Глазом великана она выглядывала из-за заснеженного тальника. Если бы я был один, то наверняка испугался бы. А когда вдвоём, не страшно. Даже хорошо, что появилась луна. Снег заголубел, заискрился. И небо стало не таким мрачным.

Захотелось поиграть в загадки. И я под лёгкий хруст снега начал необычную игру.

– Скажи-ка, дружок,

Отгадай-ка, дружок:

Во всех семи случаях

Кто навредит?

– Трус и хитрец.

– Молодец!

А кто не верит

Правдивому слову?

– Трус и хитрец!
– Кто тайну не сохранит?
– Трус и хитрец!
– Тысячу раз кто умирает?
– Трус и хитрец!
– Один раз кто погибает?
– Храбрец!
– Нет богатыря без битвы,
А храбреца без рубца.
Храбрый знаменит в бою,
Трус и хитрец знаменит дома.
Трус за едой герой.
Храбрый – в труде.
Трус не вынесет палки.
Трус избегает друзей.
По следу труса не ходи.
Кто думает, каков будет конец,
Тот не храбрец...
И храбрецу нужна жизнь.
Храбреца боится смерть.
Быть честным и скромным
К лицу
Храбрецу.
Быть отважным и смелым
К лицу
Храбрецу.
Не ты ли тот
Храбрец-молодец?

Полная луна разливала голубовато-серебристый свет, тихо трепещущий над глубоко задумавшейся за-снеженной рекой. Звёзды усиленно мерцали, стараясь

проникнуть своими нежными лучами через толщу лунного тумана, окутавшего землю. Лунная тишина заколдовывала землю.

Мы шли теперь медленно, тихо переговаривались.

– Тебе не кажется, что луна – глаз великана? – говорит загадочно Кирилл.

– Кажется... Только не глазом великана, а будто из-за деревьев смотрит Танварп-эква.

– Та, которая по ночам любит щекотать? Так она ведь около деревни живёт. Мама сказывала.

– А может, деревня правда здесь. Где-то недалеко.

– Пусть хоть Танварп-эква. Только бы недолго нам идти.

– Ноги мои стали каменные. Может, присядем?

– Садиться нельзя. Снег приворожит. И нам не встать будет.

– А мы не на снег. А вот на то поваленное дерево.

– Ладно, посидим. Я тоже устал. Хочешь хлеба? У меня ещё два кусочка осталось. Даже с маслом.

– Откуда у тебя столько хлеба? Мы ведь уже вчерашнюю порцию съели.

– Я давно готовился. Не всю порцию хлеба съедал. И сахар, и масло откладывал. Ждал, когда река встанет.

– А чего ты мне не сказал? Я бы тоже...

– Я не думал, что ты...

– Смотри-ка... Глаз луны ближе стал. Может, и правда Танварп-эква?! Она тебя ещё не щекочет? Меня, кажется, уже начинает. Ноги мои будто кипят.

– Танварп-эква трогает только спящих. А ты ведь ещё не спишь. Или засыпаешь?

– Нет. Но...

– Смотри-ка! Смотри! Вот там! Кто-то едет.

И правда. По гриве, среди редких корявых деревьев, что-то замелькало, то, появляясь, то исчезая. В голубом лунном свете будто летела по снегу голубая тень. Но всё же это была не тень, а лошадь. Настоящая лошадь. Она неслась, не как сказочная лунная стрела, а как обыкновенная лошадь, по хорошо укатанной дороге.

Значит, там дорога.

И мы побежали. Но кочки, пни, ямы мешали нам. Мы падали, поднимались и снова бежали. На мгновение ноги будто снова обрели крылья. Но на дороге, до которой мы еле добрались, сверкали лишь лунные искры от следов только что умчавшихся саней.

– Та же самая дорога! Я же говорил. Теперь нас могут найти. Авось опять поедут.

– Я больше не могу идти, – рухнув на снег, протянул Кирилл.

– Ладно, отдохнём. И пойдём дальше. Я знаю. Это совсем недалеко. Всего несколько километров. Мы должны, должны дойти. Там ведь наши мамы.

Отдохнув мы снова шли. Шли медленно, еле-еле перебирая ногами, будто шли не по гладкой, наезженной дороге, а по глубокому снегу.

«Ещё немножко! Ещё немножко! Там наши мамы. Мы должны, должны дойти. Мамы нас ждут. Мы должны, должны!» – как заклинание, повторял я, подбадривая теперь не только товарища, а больше самого себя. Лунные искры закружились, заплесали. Голову тянуло к земле. Но снежинки всё же похрустывали, ноги шли, потому что в сознании светилось: моя мама...

Она просила сделать шаг, ещё шаг. Она умоляла не садиться на снег, а то увидишь Танварп-экву. А кто хочет увидеть Танварп-экву?

Лучше уж не видеть её. Лучше уж сделать ещё шаг, – а там и мама. Самая светлая, добрая, ласковая!

Шерсть малицы вокруг лица покрылась неприятным наростом – куржаком.

Глаза стало резать словно ножами. Слёзы повисали на ресницах, превращаясь в льдинки.

Нос всё время надо было прятать в заиндевелые рукавицы. Холод лез всюду, щипал, замораживал.

Потом я видел, как наши синие тени покачивались на голубом снегу, словно два карликовых деревца под сильным ветром...

И когда кто-то схватил меня большими сильными руками, я своими глазами увидел перед собой настоящую быстроногую лошадь, широкие сани, – лишь тогда я позволил своей голове закружиться в синих лунных искрах.

И по взгляду человека, схватившего меня, я понял, что этот доведёт до мамы.

Есть много чужих людей, которые относятся к человеку, попавшему в беду, как к своему родному. Я погрязнул в забвенье...

А утром, проснувшись, увидел: мама накладывала на мой горячий лоб мокрую тряпку; она что-то говорила.

Слова были обыкновенные, какие говорят все мамы своим детям: чуточку строгие и ласковые в то же время.

В них справедливость. И даже если слова мамы и на самом деле строгие, даже тогда совсем не обидно. А как-то необыкновенно хорошо. Светло. Тепло...

Голова моя кружилась. Ломило тело, ноги. Но рядом была мама. Её глаза смотрели на меня с любовью. Мама поняла. Поняла, почему мы с Кириллом бежали из школы. Ведь нам не только хотелось увидеть наших мам. Нет, не только это. Что-то большее было причиной. Соскучились? Да. Но не только это. Что-то большее было... Да, было! Потому и пошли по снегу наугад, не боялись мороза и дальней дороги.

Но наши мамы скоро нас снова отвезли в школу. Только мы выздоровели – и нас сразу отвезли в школу... Было обидно. Будто они перестали понимать нас, сыновей. Мы по ночам снова роняли слёзы в подушку.

Но потом я стал замечать: учительница не такая уж мне чужая. Она была по-своему доброй и тоже стала меня понимать. Конечно, она не могла, как мама, с утра и до ночи тянуть невод, ловить настоящих живых рыб. Зато умела другое. Научила меня читать.

И книги были интересными не только своими картинками. Буквы, собираясь в строчки, как стадо оленей по горной тропе, шли и шли, спускаясь от одной мысли, поднимаясь к другой.

Прочитаешь страницу – будто тропу пройдёшь, вторую прочитаешь – на незнакомую высоту поднимешься, а книжку прочтёшь – в волшебной стране побываешь, все её дороги и тропинки изведаете...

Летом я снова был с мамой.

Ловил рыбу, гонялся за утками, и даже настоящие, дикие гуси не раз убегали от меня, словно трусливые зайцы. И Кирилл был со своей мамой.

Хорошо было мне в окружении рыб, птиц, таёжных зверей, но почему-то книжки становились всё интерес-

ней и интересней. Они будто колдуны. Зачаровывают. Сидишь и смотришь в бумагу. И не желаешь бегать так много, как раньше. Вспоминается учительница. А к осени мне захотелось свою учительницу увидеть.

Еле дождался первого сентября. Шёл в школу, как на праздник.

И Кирилл шёл в школу, как на праздник. Он шёл рядом со мной, улыбчивый, весёлый.

Школа – большой светлый праздник.

* * *

Праздник, когда мама и папа со мной. Неужели этот праздник кончается? Папу увезли в чёрной кошёвке. И лошадь чёрная, быстрая. На быстрой лошади увёз моего папу большой начальник района. Он сказал, что надо поднимать новый колхоз. И папа поехал... Стал он там председателем колхоза. Колхоз этот далеко-далеко от нашей деревни. Не один раз остановиться надо на лошадях, чтобы доехать до той деревни. Не один раз чай кипятить, чтобы доехать до той деревни. Далеко... А дедушка уже старый. И бабушка старая. Собака у них стала старой. Они не могут ехать так далеко. И мама не поехала. Кто будет кормить дедушку? Кто будет кормить бабушку? И мне надо учиться. Как я могу оставить школу, которая мне нравится? У них там, может быть, и школы-то настоящей нет, одни олени. А мне нравится теперь наша учительница. Нет... Я не хочу в дальний колхоз. Я с мамой, с дедушкой, с бабушкой хочу. Папа уехал, а мы остались. Скучно без папы. Холодно.

Ю. Шесталов
«Мама, моя мама»
(рассказ)

Я стоял перед мамой, растерянный и жалкий. Она лежала на больничной койке. Тихо шептала, будто молилась:

Словно рыбу с солнечной водой,
Нас тобой не смогут разлучить.
Словно птице с высью голубой,
Нам всегда с тобою вместе быть.
Я весною светлую рекой
Рыбой звонкой к сердцу приплыву.
Обернёшься дерзкой синевой –
Я взлечу и в эту синеву.

В голосе – слёзы. В глазах – боль. Глаза у неё большие и печальные. Но в них искрится ещё надежда.

Я оледенел. Не шелохнусь. Боюсь сделать шаг. В дверях стоят. Они в белых халатах. Наблюдают за мной. Из-за них я не знаю, что и делать. Не смею подойти к маме. Она растерянно смотрит на меня. Я то оглядываюсь на дверь, то слушаю её. Она застонала. На мгновение закрыла глаза. Потом горящим взглядом потянулась ко мне.

Мне хочется подойти к маме. К моей маме. Но у дверей они. Смотрят, не спускают глаз. Халаты у них белые. И я – как ледяной. Ноги у меня отяжелели. Только глаза бегают как шальные. Не вижу ни матери, ни белых халатов...

О, почему не подошёл я к ней, моей родной?! Почему не упал на грудь? Не поцеловал, не приласкал почему?! Может быть, я надеялся, что помогут духи?

Почему она сама не подозвала меня? Может, она ещё верила, что мы увидимся, будем жить, смеяться, радоваться солнцу, как и раньше?

Она вставала с солнцем. Радовалась солнцу. Была моим солнцем! Хорошо, когда солнце!..

Она не позвала меня, не простилась.

Она заставила меня всю жизнь вздрагивать. Вспомню – вздрогну. Сердце съёжится. Скорчишься, как от стыда, как от боли. Зачем она оставила мне вечную боль, вечные слёзы, вечный стыд за мою холодность, за мою недогадливость?!

А может, она нарочно оставила во мне этот беспокойный дух? Оставила для того, чтобы я помнил, что и у меня была мама, которой я обязан жизнью. Сыновнего тепла от меня было мало. Человек должен быть щедрым. Он не должен стыдиться ласки. Не имеет он права бояться постороннего взгляда. Он должен быть самым собой, а не ледышкой. Сердечность и внимание, тепло и ласка – начало человека.

Может, она нарочно не простилась со мной, чтобы я всю жизнь чувствовал, что я в долгу перед людьми, как перед матерью?

Маму похоронили. Приехал отец, сходил на могилку. Потом мы с отцом и тётёй Акулиной, которая когда-то нянчила меня, сели на катер и поплыли вниз по Оби, далеко-далеко от родной деревни. В новой, незнакомой деревне люди говорили на непонятном, на хантыйском языке. И многое было непонятно мне. Почему здесь за столом хлеб, сметана, мясо? Почему в мамин дом всего этого не было? Почему моя мама с утра до самой ночи со звоном рыбаков ловила рыбу, а новая

жена отца – моя мачеха – сидит дома? Другие женщины-колхозницы, так же как и моя мама, ловят рыбу, охотятся, корчуют лес, сажают картошку. Я знаю, мой отец председатель колхоза. Но не знал я тогда, что мачеха моя болела. Досадно мне было, в конце концов: у других ребят есть мамы, а у меня должна быть мачеха?

От этих дум я заболел. Заболел какой-то странной болезнью. Меня не бросало в жар, не трясла лихорадка – меня пронизывал холод. И я просто дрожал. Всё время дрожал, как маленький щенок, выброшенный на колючий снег из тёплой конуры.

Мама, казалось мне, здесь где-то рядом. Она часто снилась мне. Я снова слышал её родной голос...

Так было и в то утро.

«Пусть ещё поспит, – говорила мама, точно баюкающая. – Устал, наверно».

«С чего уставать? С пустой охоты? Скоро десять лет ему, а всё ничего не приносит».

Этот другой – и тоже привычный – голос пытается вернуть меня из светлого сна в моё горькое утро.

«Какой же он ещё охотник! Поймите, ученик он!» Эти слова баюкали меня. И снова передо мной выплывает полузабытое лицо моей мамы.

«Зачем ему тогда новое ружьё купили? Дорогое ружьё. А утки где?»

Утки летят в голубом моём сне. Летят со свистом. Чёрными стаями кружатся. Они смеются надо мной, что я не могу попасть в них. А на озеро надвигается сумрак ночи. И где-то зычно хохочет филин.

«Когда вырастет, принесёт он вам не только уток...»

Просыпаюсь. Краешком глаза вижу: наша учительница – Евфросиния Ивановна – говорит с мачехой. А мне-то показалось, что это мама.

«Опять проспал», – мелькает в сознании. И я с ужасом ныряю под тяжёлую оленью шкуру.

– Как проснётся, пусть сразу бежит в школу. Он должен учиться! – говорит учительница моей мачехе.

Мачеха не была злой. Никогда не била меня. Только иногда ворчала. А вот однажды пожаловалась на меня. Наговорила учительнице, будто я один съел всю выданную семье пайку хлеба и сахара.

Вызвали меня в кабинет. За большим длинным столом сидит моя учительница. Напротив неё – мачеха. Когда я входил, она что-то торопливо объясняла учительнице. Я разобрал только два слова: «вор, вор». Я стоял перед ними как потерянный. Дрожал, словно на лютом морозе. Мороз ходил не по коже, а пробирался внутрь, леденя душу. Вот-вот я весь оледенею. Последняя надежда: тянусь взглядом к учительнице. Но что я вижу?! Она поверила моей мачехе... Даже стала ругать меня. Та, которая говорила голосом мамы, поверила не мне!

Слёзы покатались из глаз. А язык словно примерз. Только дрожащие ноги ещё несли меня. И я побежал прочь от холода, от напраслины, от этих не понимающих меня женщин...

Самая большая дорога у нас – река. По реке привезли меня к мачехе. Я помню это. Река эта была тогда живой, играла волнами, блестела на солнце. Теперь она замёрзла, укрылась белым снегом. Посреди неё змеилась узкая санная дорога. По реке ездили на лошадях и

на оленях, ходили пешком. До родной деревни, деревни моего детства, было недалеко: каких-то сто километров. И я побежал по снежной реке. Но ветер был колючий. Он жёг лицо, пробирался под мех малицы. А наступавшая ночь показалась чёрной колдуньей Танварп-эквой... «Защекочет меня своими ледяными пальцами Танварп-эква, и никогда не увидать мне родную деревню, друзей детства и дядю Сергея, тётю Олю, его жену, которая всегда найдёт для меня кусочек сахара, – подумал я, остановившись на развилке дорог. – Может, на ночь вернуться обратно и выспаться на каком-нибудь сеновале?»

Я так и сделал. Забрался на чей-то сеновал, на самый верх. Зарылся в сено. Внизу корова. Я слышу, как она жуёт. Веселее, когда не один... Я засыпаю. И снится мне жаркое лето. Солнце играет в речке. Купается вместе со мной. Вода тёплая. Я плыву. Плыву и почему-то смеюсь и плачу. Брызги радужной воды – солёные, как слёзы. И ноги почему-то тяжёлые. Точно в этой нежной воде они оледенели...

Вдруг сквозь радужный сон слышу чьи-то голоса. Всегда хорошо слышать чей-нибудь голос: и во сне и наяву. Голоса то удаляются, то приближаются. Мне хочется узнать: это голоса настоящих людей или духов?

Меня откопали из-под сена. Подняли на руки. Куда-то долго несли...

А утром я проснулся в интернате, среди таких же, как я, ребят. У моей кровати стояла учительница. Она смотрела на меня не так, как вчера.

– Как ты чувствуешь себя? – сказала она. Так участливо говорила только мама...

На уроках было хорошо. Я снова был счастлив, почти счастлив. Но дома... Там по-прежнему мачеха, а не мама.

И мною всё больше и больше овладевала таинственная болезнь. Я на глазах у людей высыхал, как осенняя речка, из русла которой уходила живая вода...

В нашей деревне Теги, в центре большого объединенного колхоза, был медпункт. Хороший медпункт. Добрая там была Дохтур-най, как называли фельдшерицу. К ней, а не к шаману уже шли за помощью в миг болезни. Из района приезжали волшебники в белых шапках, «снежных платьях» – настоящие врачи. Лечили меня, стараясь вырвать из «цепких лап злых духов» – болезней. А я высыхал, как осенняя речка...

Тогда обратился отец к шаману, который жил тут неподалёку в одинокой юрте на берегу глухой речки, где чаще встретишь зверя, чем человека.

Он расспросил, откуда мы родом и что со мной. Потом наотрез отказался шаманить.

«В родном уголке земли осталась душа твоего сына, он очень скучает, – сказал старик отцу. – Туда надо ехать. А я бессилен».

Отец мой был коммунист. Не сразу согласился везти в родную деревню. Но делать было нечего. Здоровье моё ухудшалось. И он решил сам не ехать, а отправить меня в сторону родной деревни с тётей Акулиной и её молодым мужем Никитой. Никита был бригадиром оленеводческой бригады. И втроём на трёх оленьих нартах мы помчались в Хомратпавыл, деревню Комрадку, где «осталась моя душа».

Я лежал в родном доме. И слышал голос, похожий на голос Няр-мишки.

– Всё зависит от нас, людей, – говорил он. – Если мы захотим, чтобы мальчик жил, мы все должны будем поклясться, что будем достойны имени человека по отношению к нему, будем охранять его.

– Клянёмся! – раздавались голоса мужчин.

– Да продолжит сын достойно жизнь мамы. То, что мать не успела сделать, сделает сын. То, что не успела пропеть мать, пропоёт сын. И невыплаканные слёзы матери – прольёт сын. И не отведавшее счастье матери – да отведаёт сын. Да исполнит сын все мечты-думы матери, дедушки, бабушки! Да продолжит сын достойно жизнь предков! Клянёмся, люди, что мы ему поможем!

– Клянёмся! – раздались голоса.

Ещё три ночи мне снились страхи. Ещё три ночи меня трясло. Ещё три ночи меня холодило. Ещё три ночи меня бросало в жар. Но знал я, что не один, вокруг меня добрые люди. И перестало меня трясти. Я долго-долго спал: мне давали пахучее питьё их трав.

Холод из меня ушёл, ко мне вернулось тепло, спокойствие; странная болезнь, которую Дохтур-най назвала нервной горячкой, из меня ушла... И я снова стал учиться в школе, как все дети нашего Севера.

Ю. Шесталов
«Мой новый дом»
(рассказ)

Поздно вечером мы подъезжали на оленях к Теги, новой деревне моего детства. По небу гуляли звёзды.

Они блестели, искрились, будто у них тоже весёлый праздник.

Звёздное небо – сказка.

Вот горит звезда Большого Лося. Когда-то охотник-великан бежал за лосем. Лось был тоже великан. Ноги его были стройными, могучими. И всё же охотник догнал его. Вот-вот настигнет стрела. А кто не хочет жить?!

Взмолился лось к Торуму, прося его помощи. Торум на этот раз, как ни странно, услышал. И превратил его в созвездие Лося. И начертал следы лыж охотника. Они легли на небосводе туманным Млечным Путём. На конце Млечного Пути – дом охотника.

А сам охотник сияет яркой Полярной звездой. Большая Медведица – Лось. Если присмотреться, можно увидеть других лосей. Все они молодые, безрогие. И головы их повёрнуты к созвездию Солнца, где звёзды сияют, образуя круги.

Эту звёздную карту можно увидеть и в наскальных изображениях восточного склона Урала. Звёздные мифы я слышал от бабушки. Так сказка и жизнь – два ручья, текут, сливаются, дальше бегут вместе, журча и звеня, вечно.

Мчались наши олени по звонкой морозной дороге. В небе горела Большая Лосиная звезда. И мне казалось, что следы людей, ушедших в иной мир, сияли в туманном Млечном Пути. На конце Млечного Пути – их дома, души.

Большая Лосиная Звезда сияла, а всё звёздное небо улыбалось улыбкой моей мамы, обещая мне дальнюю дорогу в школу...

И стал я жить в школе-интернате.

Школа-интернат – особый дом. Хороший дом. Самая большая комната называется классом. Класс высокий, светлый. В два ряда стоят парты. Парты пахнут краской. Блестят. В углу класса шкаф. В нём книги, тетради, карандаши. На партах – чернильницы с синими чернилами. Они лучше синих карандашей пишут. Карандаши у меня были и раньше. А вот чернильницы такой не было. Теперь есть. Хорошо. Перед партами – стол учителя. На передней стенке висит чёрная доска. На ней пишут мелом. В сторонке от классной доски стоят большие классные счёты. На простенке между окнами портрет. Ленин. Смотрит с улыбкой. Ждёт, наверно, когда мы все всему научимся.

Ребята бегали по классу, пока не было учительницы. Каждый выбирал себе парту то рядом с окном, то подальше, как охотники выбирают скрадовку для охоты.

В школе-интернате много комнат. Классы, библиотека, спальни. В спальне кровати стоят рядом. Они покрыты цветными одеялами, как осенний лес листьями. Под одеялами матрасы, а не оленье шкуры. Белые как снег простыни. Чисто, тепло, хорошо. Одна из комнат называется столовой. В два ряда вытянулись большие столы. На них будто только что выпал снег. Это скатерти белые. То ли от них светло, то ли от окон больших. Много света. На столах стоят тарелки, лежат ложки, ножи, вилки. Ребята едят все вместе. Всем вместе есть хорошо! Вкусно. Весело.

В школе учатся не все, а только сильные, здоровые. Это заметил я осенью, в первые дни. Сначала каждого

осматривает не учительница, а женщина в белом халате. Старшие её называют Дохтур-най.

У неё есть блестящая металлическая трубка. Слушает ею, как бьётся сердце. Затем по груди стучит молоточком; заглядывает в рот, просит показать язык. Не болтливый ли язык? Потом что-то пишет. И говорит с учителем. Без Дохтур-най в школу не принимают. Я её больше всего боялся. Но меня приняли.

А ещё интереснее было в бане. Некоторые ребята, те, родители которых кочуют с оленями, не хотели идти мыться. Они на баню смотрели, как трусливые зайцы. Не ждёт ли их там куль – злой дух? А главное – надо быть раздетым на глазах у чужих людей. Стыдно. Один мальчик смешнее других выглядел. Верхнюю одежду снял, нижнюю снимать отказался наотрез. «Давай так мыться. Всё скидывать не могу. Как это быть голым на глазах у всех!»

А я бани не боялся, так как мой атя сам складывал печь в этой бане. И я уже мылся. Не раз. В бане было тепло, как летом. Даже жарко. Душно. Как перед грозой. Разделись быстро. Голые, как линиялые утки, ребята летали от одного предмета к другому. Бесконечно слышалось: «Что это?», «А это что?». В бане было шумно, как на птичьем базаре. Шум, гам. Я подошёл к баку с холодной водой. Подставил под кран таз. Все смотрели на меня, что будет дальше. А дальше было обыкновенно. Повернул кран – полилась вода. Ребята, как идолы, стояли вокруг меня. Удивлённо посматривали. Конечно, те, кто поменьше да из дальних кочевий приехали. Налив немного воды, я вылил её на пол. Малыши завизжали как ужаленные. Они повскакивали с

мест и забрались на скамейки. «Что такое?» – спрашивает воспитатель. «Плохая вода, – отвечает кто-то, – злой дух!»

Я знаю, люди боятся холодной воды. Дедушка говорил, что в ледяной воде злые духи живут. Воспитатель показал другую воду. Она была тёплой, как солнце. Этой водой поливались, плескались. Было весело, как под солнцем.

Кончился день в новой школе-интернате. Пора спать. И надо было ложиться не на привычные оленье шкуры, не на низкие нары, а на кровати, с которых нетрудно упасть.

Когда настало утро, увидели чудо. Некоторые спали под кроватью. Ночью разыскали они свою одежду – малицы, ягушки – и легли под кровать. Смешно. Я бы так не сделал. У нас дома тоже кровати. И ещё у каждого ученика отдельное полотенце. На полочках лежат мыло, зубной порошок, щётки. Это, может быть, и лишнее. Потому как я серу лиственничную жую. Зубы мои так чистые, белые, горностаевые.

Школа-интернат – особый дом. Хороший дом. В нем мы все равные.

* * *

За окном ходит долгий зимний вечер. Ступит он на снежинку – слышится хруст. Прикоснётся к веткам – они звенят на звёздном морозе. В такой вечер хорошо сидеть у тёплой печки и слушать сказку.

– Жила-была рыбка. Плавала она в речке. Резвилась, играла. А мы её едим, – говорит один из мальчиков, снимая с чебака сухую шкурку. – Вкусная рыбка!

– А сделало вкусной эту рыбку солнце! Оно её высушило. Мне дедушка рассказывал.

– Разве солнце всех сильнее?

– Нет! Туча сильнее солнца, – говорит третий мальчик. – Она своими чёрными крыльями закрывает золотые лучи солнца.

– А кто сильнее тучи?

– Гора. Выше чёрной тучи белеет голова каменного Урала.

– А сильнее горы кто?

– Говорят, какой-то махар, по-русски его мамонтом зовут. Говорят, он изрешетил даже каменную гору. Оттого в ней так много пещер.

– А сильнее сказочного махара собака. Она на смерть загрызла мамонта. И с тех пор лишь кости его в земле находят.

– А кто сильнее собаки?

– В сказке говорится, будто духи, лесные боги-идолы, сильнее собаки. Они насылают на всё живое болезни.

– Если бы духи, лесные идолы, правда были такие сильные, их тогда бы люди в огонь не бросали. Рассердится человек на лесного духа за то, что он не помогает охоте, и сжигает идола.

– Огонь сильнее духов.

– Если огонь такой сильный, то почему он гаснет от дождя?

– Вода сильнее огня.

– А сильнее всех наша учительница. Её все слушаются, – пролепетал самый маленький мальчик, первоклассник, до этого сидевший молча.

И для меня моя учительница Евфросиния Ивановна всех умнее, сильнее, добрее. Она приходит ко мне во сне. И домой иногда приходит, говорит с мачехой, отцом. И мне кажется, в классе учительница смотрит на меня как-то по-особому. Мне становится тепло-тепло. И я забываю горечь. Зато запоминаю все её слова, стараясь не пропустить ни одного из них. И писать стараюсь красиво, чётко, чисто. Но это мне даётся нелегко. Нет-нет, да и кляксу поставлю. Ругаю себя, но ничего не могу поделать. И костюм у меня стал весь в пятнах. Отец купил новый суконный синий костюм. А я его весь извозил. На перемене ребята пристают. И я борюсь с ними. Только силёнок у меня маловато. Они меня всё время на пол валят. Ничего, не особенно это больно. Больно другое. Когда Евфросиния Ивановна посмотрит на меня, как мачеха. И тогда сердце моё опять забьётся живой рыбой в шершавых руках рыбака. Зато когда я первый решу задачу или прочитаю наизусть стихотворение, в глазах Евфросинии Ивановны зажигается особый свет. От него мне становится светло-светло... А на перемене я с ребятами бегаю, балуюсь, словно я самый счастливый, словно у меня тоже, как у всех, есть мама...

И ещё одна радость у меня. Особая радость. Тайная радость. Рядом со мной сидит Сказка. Белая Сказка. Большеглазая Сказка. Это не та Агирись, с которой я ещё не ходил в школу. Это другая. Ханты. Старшие зовут её ласково Эвилэнки. Я тайно зову её Эви. «Эви» по-хантыйски «девушка». Загадочно ведёт она себя со мной. Сидит рядом, будто и не замечает меня. Лишь когда у неё по арифметике задача не получается, поглядывает на меня. И я на неё посмотрю. Полюбуюсь на её ро-

зовато-снежные щёки с ямочками, на ушко, в котором есть дырочка для серьги, на её чуть вздёрнутый носик. А она иногда просто посмотрит на меня задумчиво-загадочными глазами, и хотя даже не улыбается, но в душе моей вдруг какая-то волшебная птица замашет крыльями. И, сидя за партой, я лечу вместе с этой белой Сказкой далеко-далеко, в загадочно-волшебное царство, где ласково, светло, высоко.

Но эта сказка длится мгновение.

На улице морозище. Стены нашей школы трещат. А на стёклах окна снежные узоры. Сказочную жизнь нарисовал мороз на стёклах. Холодно в нашем классе. Но когда дёрну мою загадочную Эви за косички, когда она опять посмотрит на меня, мне опять тепло, светло, высоко. Дёргать её за косичку – большое, единственное для меня удовольствие. Дёрну за косичку и жду, когда запищит или пожалуется Евфросинии Ивановне. Но она как назло, не пищит, не взвизгнет, не жалуется учительнице. Только взглянет на меня загадочно-сказочными глазами и снова смотрит в тетрадь или в книгу. Мне так и хочется разорвать, выбросить злополучную тетрадь или книгу, но опасаясь Евфросинии Ивановны – вдруг её брови нахмурятся, а в глазах погаснет тепло. В них, в глазах русской учительницы, – мой свет, моя радость, моя надежда. Не будь их, я тут же замёрз бы, как стекло на окне, как снег за окном, как река, закованная льдом.

Прочтёт она в книжке стихотворение – по телу тепло пройдёт, будто в моей душе, как в потушенном чувале, вдруг разожгли огонёк. Огонёк разгорается и растёт. Меня бросает и в жар и в дрожь. И я становлюсь

словно заколдованным. И не смотрю больше на Эви и не дёргаю её за косички, а вслушиваюсь в замирающее слово Пушкина. И уношусь в волшебный мир, где светло, тепло, высоко. Во мне растёт надежда. Надежда безымянная. На что надеюсь, не знаю, – наверное, на счастье... И всё же мне необычайно тепло, высоко, светло.

С. С. Динисламова
«Летняя пора»
(рассказ)

Мы сегодня на славу потрудились. Сметали сено на дальних покосах, поставили два огромных зарода, так у нас называют стога. Затем отец стал собираться на «завеску», чтобы выбрать из неё мелкую рыбу и мусор, который прибывает течением. «Завеска» звучит для меня как занавеска, да и похоже они. Речка перегорожена огромной сетью, закреплённой с двух концов за стволы деревьев. Издали это сооружение кажется ажурной занавеской-тюлью. Иногда думаю: вот вырезать бы такой кусок сети, покрасить в яркий цвет и повесить в доме вместо тюля, наверное, было бы красиво. Конечно, мама не разрешит это сделать, и поэтому мои фантазии остаются при мне.

Проводив отца – оттолкнув от берега его лодку, мы с мамой отправились собирать смородину, а три младших сестрёнки остались у догорающего костра, теперь уже дымокура, играть в куклы. Этот год для смородины урожайный. Ветви, отяжелевшие от ягод, лежат на траве. Восторгаюсь каждым кустом, ветвью, гроздью, ягодкой, думаю, что такой красоты и такого богатства

нет нигде в мире. Интересно, думает также мама или нет? Спросить её об этом остерегаюсь, да и далеко она. Ищу поддержку в небесах, ведь кто-то должен знать о существовании такого чуда. Пролетело несколько птичек, высоко в небе парит коршун, где-то кричат чайки-халеи. Всех их не интересует куст смородины. Но ведь есть ещё кто-то невидимый, дарующий всем жизнь. Он наблюдает за всем, что происходит на земле, знает всё о каждом. Для него все равны – люди, звери, птицы, растения... Вдруг, почувствовав на себе его взор, с благодарностью и признательностью улыбаюсь ему в пространство, обещаю быть всегда хорошим человеком. Я знаю, что основное наше предназначение – сеять добро, в первую очередь, – дарить добро своим ближним. Я живу в добре. Нас любят родители.

Мои мысли о взаимоотношении человека и растений. Вот, например, куст смородины. Он радостно отдаёт свой урожай, ведь его ветви, когда мы собираем ягоды, освобождаются от тяжелой ноши и куст выпрямляется. Человек, наполняя свой берестяной туесок – совтик, тоже радуется, ведь ягоды полезные и вкусные.

Так думаю я, торопливо собирая смородину. Торопливость у нас от мамы. Рядом с ней невозможно делать что-то медленно. Мы трудимся так, словно куда-то очень спешим. Но при этом в собранных ягодах не должно быть соринки, на выкошенных полях не должно быть травинки, в сетях не должно оставаться даже самой маленькой рыбки. Благодарность за усердие получаем в виде радостного маминого или отцовского взгляда.

Ищу глазами маму. Она идёт с полным совтиком в мою сторону. Наши вёдра уже наполнены доверху, и мы несём собранный урожай ближе к речке, а сами, усталые и довольные, садимся у дымокура, отдыхаем. Мама начинает переплетать косички девочкам, я люблюсь своей семьёй. Глаза всех моих родных тёмно-карие, напоминают ягодки-смородинки. Беру из совтика две крупные ягодки, подношу к глазам младшей сестрёнки, сравниваю – похожи. Захотелось поиграть, угрожающе шепчу ей: «Я съем твои глазки! Ам!» и съедаю смородинки. Мама говорит: «Тыщир ат таи», – «Так нельзя делать», но сестрёнки уже подхватили игру.

Послышался звук приближающегося мотора. Радостные, бежим к реке: кто первым увидит из-за поворота лодку. Мама собирает вещи, игрушки, гасит дымокур. Подъезжает отец, загружаем ягоды, усаживаемся и в путь, пусть и недолгий, но очень для нас желанный. Минуты, которые едем на моторной лодке, ценны до неопишуемости. В это время отстают комары и мошки, обдувает прохладный ветерок. Мы по-настоящему отдыхаем. Просто сидим – и всё. Смотрим по сторонам, наблюдаем за собаками. Обгоняя друг друга, они несутся по протоптанной среди трав и кустарников тропке. Изредка из кустов взлетают испуганные утки-мамы, утята бросаются по воде врассыпную. Утиную семью по-русски называют выводок, это означает, что из яиц вывелись птенцы. Мне же представляется утиная прогулка, когда утка-мама выводит своих утят погулять. На суше их не видела, а вот на воде они все плывут очень важно и гордо, вид утки-мамы говорит: «Посмотрите, какие прекрасные у меня утята, они, как и я, самые умные и

красивые». Также, наверное, думают и утята, цепочкой плывущие за своей мамой.

В пути всегда нас сопровождают горластые халеи. Своими криками они заглушают звук мотора. Самые смелые пикируют в ящик с рыбой. Вопреки строгим взглядам родителей, время от времени мы бросаем за борт лодки рыбу. Халеи ловко и безошибочно выхватывают её из воды и тут же проглатывают.

Мы проезжаем последний поворот до нашего стана – остров с тёмными высокими елями и кедрами. Нам запрещено ходить в этот лес и даже глядеть туда. Там находятся наши духи-покровители. И, хотя духи невидимые, украдкой всё же всматриваюсь в лес. Иногда кажется, что за деревьями мелькают тёмные силуэты. Становится жутковато. Когда лес остаётся позади, за спиной всегда чувствуется чей-то пристальный взгляд. Хочется оглянуться, но страшно. Проезжая это место, лица родителей становятся кроткими и смиренными, они опускают взоры, преклоняют головы.

За поворотом появляется рыбацкий стан, мы называем его домом. Наш дом – это большая брезентовая палатка; обустроенное кострище, над которым сооружены крыша из досок; врытые в землю стол и скамейки. С трёх сторон дом окружает лес. Радостно и шумно нас встречают уже успевшие прибежать собаки. Как только лодка достигла причала, одна из них, повизгивая, бросилась к нам, думая, что мы пристали за ней. От её прыжка лодка отъезжает от берега, начинается весёлая суматоха: кричим и машем на собаку. Она выпрыгивает с лодки, отталкивает нас ещё дальше, и нам приходится грести вёслами. И так каждый раз.

Но вот мы и дома. Настроение приподнятое. Готовим на двух кострах ужин для себя и собак, разделяем рыбу, носим из леса хворост, разжигаем для собак дымокуры. У каждой собаки есть свой домик, который они сами соорудили в корнях деревьев. Как у людей, их дома отличаются друг от друга. Некоторые очень удобные и практичные, в них собаки спасаются летом от комаров, зимой от морозов.

Меня отправляют по воду. Это нетрудная работа. Речка рядом и ведро не очень большое. А вот до настоящего дома, который стоит у нас в посёлке на крутом берегу, носить воду тяжело. Туда воду носим двумя ведрами на коромысле, но самое тяжёлое – это подъём на высокий берег. Ещё год назад, поднявшись с водой на гору, я отдыхала. В этом году нашла новый способ носки воды – ношу её чуть ли не бегом, так меньше устаю. Мама удивляется этому, смеётся.

В лесу ходить по воду одно удовольствие. Вечером на речке особенный воздух, прохладный, ароматный и густой, насыщенный, вобравший, как мне кажется, все запахи солнечного дня. На речке время течёт медленнее. Успеваю о многом подумать: об огромном земном шаре и безграничном пространстве – вселенной; о нас, живущих в тайге у костра, и людях, населяющих землю. О человеческом счастье. Каждый счастлив по-своему. Моё счастье связано с запахами тайги и пением птиц в лесу, с этой речкой и мальками, плавающими у берега, и, конечно же, с моими родными. Когда думаю о них, сердце наполняется нежностью и теплотой. Перевожу взгляд на стан, окутанный дымокурами, вижу сестрёнок, играющих в «клетки», маму, склонившуюся над

разделкой рыбы, отца, строгающего колышки-зубчики для граблей. Затаив дыхание, шепчу заклинание: «Хочу, чтобы так было всегда. Чтобы всегда были мама и папа. Я всех люблю, моя любовь пусть оберегает вас от болезней». Эти слова произношу часто и с давних пор, наверное, уже лет пять. Были ещё слова – «чтоб всегда была бабушка», но прошлой осенью бабушка умерла. Всем было тяжело. С той самой поры я стала осознавать хрупкость бытия, и в сердце поселилась тревога. Стала жить с чувством постоянного страха за здоровье родителей. Без них рухнет мир нашего семейного счастья. Так что же такое счастье? Кажется, это простое человеческое чувство, но чтобы оно было – необходима какая-то целостность, ведь не скажешь же: «Я частично счастлива». Счастье влюблённого, когда он ощущает ответные чувства; мать счастлива, когда здоровы и сыты дети; ребёнок счастлив рядом с матерью. Целостность моего счастья в семье. Издали наблюдаю за родными, хочется плакать от переполняющих сердце чувств, но времени нет. Пора идти, и так долго задержалась.

Мы ужинаем. В центре стола на большом блюде рыба, уха разлита по кружкам. В отдельном блюдечке пересоленная уха – «солвалн вит» – «солёная вода». В неё макают кусочки рыбы. Наблюдаю, как, повторяя движения мамы, кушает младшая сестрёнка. Наверное, она представляет себя взрослой. А я уже взрослая. Мне пятнадцать лет. Только подумала об этом, как мама сказала, что завтра они с отцом поедут в посёлок за продуктами, меня оставляют за старшую. И ещё мама ждала писем-весточек от старших детей. Они живут в далёких городах. Мама очень переживает за них.

Весть о поездке родителей застала меня врасплох: как мы останемся в тайге одни? Хотела возмутиться, но что-то удержало. Так, буду вести себя по-взрослому! Не скажу же при младших сестрёнках, что я трусиха: боюсь лесных шорохов, даже стрёкот сороки меня настораживает. А если к нам придут какие-нибудь звери? Если была бы бревенчатая избушка, то укрылись бы в ней. Но мы живём в брезентовой палатке. Где же укрыться в случае опасности? На деревья сестрёнки не смогут забраться, малы ещё. Оставят ли мне ружьё? Конечно же, оставят. Костёр. Да, костёр! Только он может спасти в тайге. Нужно будет принести побольше дров. Но не сегодня, этим выдам свой страх. Страх – необъяснимое и неприятное чувство. Мне, например, никогда не бывает страшно, когда рядом находятся родители, даже если и на далёком от меня расстоянии. С ними наш большой лес кажется единым домом. А тут они выедут с речки Посал и уедут за десятки километров. Сделав над собой усилие, спокойным голосом спрашиваю:

– А когда вы приедете?

– После шести часов вечера, – отвечает мама. – С утра в магазин схожу, сдам в промхоз ягоды, и письма ещё нужно написать и отправить. И ещё коров хочу сама подоить, чтобы привезти молоко.

После ужина занялись привычной работой. Мама продолжает готовить рыбу для сушки, пока рыба ещё свежая и легко нарезается: из чебаков и сороги делает «ёхол», из сырков «хор». «Ёхол» запасают на зиму для собак, его нужно сделать очень много, чтобы хватило на всю зиму. Отец чинит сети. Я на озере мою посуду. Озеро находится бли-

же речки, оно небольшое, в нём нет рыбы, но живут он-дастры. Это видно по срезанной осоке.

На озере у нас деревянные мостки. При ходьбе они приятно раскачиваются. Их может и затопить, но это зависит от веса человека и от того, как далеко по ним пройти. Посуду мою на краю мостков, меня они легко выдерживают. Гляжу на закат, солнце едва виднеется над верхушками деревьев, значит скоро полночь. Закат красный, значит, завтра будет ветреный день.

Помогаю маме развешивать рыбу. Она радуется: «Хороший завтра ветерок будет, вкусная рыба получится. Высохнет хорошо, отправлю посылки в Ленинград...». А ведь мама и сама умеет вызывать ветер. Это бывает днём на покосах. В очень жаркие дни, когда мы усаживаемся на кратковременный отдых, и кто-нибудь из сестрёнок начинает кукситься от жары и гнуса, мама встаёт, понятным только ей способом определяет сторону, откуда может прилететь ветерок и начинает тихонечко насвистывать. Мы сидим, затаив дыхание. Вдруг прилетает самый настоящий ветерок, зовут его «вот пыгрищ» – «сынок ветра», он проносится мимо нас и начинает играть со скошенным сеном. Мама уговаривает его ласковым голосом: «Дуй, ветерок, дуй. Дуй, ветерок, дуй...». И всё! До самого вечера нас и наши покосы обдувает лёгким и порывистым ветерком.

Выполнив всю работу, укладываемся спать. Спим в большом ситцевом пологе, завязанном изнутри палатки. Полог – это целый мир воображений. Он сшит из разноцветных, симметрично подобранных отрезков ткани. Вверх и две противоположные стороны полога белые в синенький цветочек, углы-клинья – розовые в

квадратик, две другие стороны содержат до шести расцветок ситца. Мы успеваем вслух помечтать, что сшили из той или иной ткани. Но вскоре монотонная комариная песня нас усыпляет.

Слышу мамин голос: «Агикве, квалэн» – «Доченька, вставай». Осторожно выбираюсь из полога, подминаю его края, чтобы внутрь не залетели вездесущие комары. На улице уже яркий солнечный день. Весело и шумно трепещут листья осины, отовсюду слышится пение птиц. Сон улетучивается, как только вспоминаю предстоящий отъезд родителей. Но ещё теплится надежда, что поедем все вместе. Иду умываться к озеру. Вдыхаю аромат воды. С чем сравнить этот запах? С детством, мамой, родными местами? С чем же? Это что-то постоянное и родное. Подходит мама, спрашиваю: «Мама, чем пахнет вода?» Улыбнувшись, отвечает: «Водой. Всё имеет свой запах».

Мама даёт наставления. Становится грустно, значит, она действительно уезжает. На вешалах сушится рыба – «хор», если услышим звук незнакомого мотора, рыбу должны спрятать в лесу. Сейчас запрет на сырка, могут отца оштрафовать. Во мне растёт бойцовский дух.

Вскоре мама с папой уехали. Звук мотора постепенно таял в воздухе и, наконец, совсем исчез. Стало страшновато. Мой слух напрягся. Глянула на собак – весёлые, значит, опасности нет. Пора приниматься за дело: натаскать сухих дров. За этим занятием меня застали сестрёнки. После завтрака они хотели играть в прятки, но я боялась выпускать их из поля зрения. Пришлось шить для кукол наряды. Незаметно пролетела половина дня. И вдруг послышался звук мотора – лодка мчалась

по нашей речке. Срываюсь с места, быстро переносу рыбу в лес, хватаю со стола охотничий нож и приказываю сестрёнкам бежать за мной. Когда собирала дрова, видела большое сваленное дерево, оттуда просматривается вся местность у нашего стана.

На лодке приехал мужчина, рыжий и кудрявый. Я его знаю – это бригадир рыбаков. Он пошёл к палатке, заглянул внутрь, подошёл к столу, потрогал чайник. В недоумении постоял у костра, несколько раз крикнул – позвал отца, на всякий случай дважды выстрелил. Затем написал записку и уехал. Мы, выждав ещё какое-то время, вернулись к палатке. Сестрёнка Надя спрашивает:

- Ты зачем нож взяла?
- Чтобы вас защищать.
- От кого?
- А вдруг бандиты приехали бы.

Стали читать записку: «Селиверст. На Пальве пошёл чебак, нужно туда ехать на рыбалку». Напряжение прошло, исчезли страхи, во мне проснулось что-то новое. Это не смелость, а что-то созвучное. Появилась уверенность, что наша защита – это тайга. И если вновь услышу звук мотора, вновь уведу сестрёнок в лес. Только там мы в безопасности. А сейчас я не должна сидеть у костра и прислушиваться к шорохам, должна вести таёжный образ жизни. Мы отвязали всех собак, поехали на дальнейшее озеро проверять сети. Поймали много рыбы, приготовили ужин, ведь скоро приедут мама с папой. Затем пошли собирать смородину. Собрали целое ведро, и, наконец, услышали звук мотора. Нашего мотора. Его ни с чем другим не спутаешь. Счастливые, рассыпая совтики с ягода-

ми, пробиваясь сквозь густой кустарник, мчимся к причалу. Кто первый! Первыми, как всегда, встречают хозяев собаки. Подбежали и мы, бросились в мамины объятия, все четверо, и долго не отпускали друг друга. Вдыхали самый родной на свете запах – запах мамы. Он вобрал в себя ароматы солнца, воздуха, воды, леса, цветов, трав, дыма костра. Он излучал тепло, материнское тепло.

Необычно шумно было за ужином, богатым сладостями. Мама читала вслух письма от старших – сёстры и братьев. У всех у них, к счастью, всё было хорошо. Мы перебивали друг друга, рассказывали о прошедшем дне. Много смеха вызвал рассказ о бригадире, который уехал от нас в недоумении: костёр горит, чай разлит по четырём кружкам, а людей нет...

Самым молчаливым за нашим столом, как всегда, был отец. Он с любовью смотрел на нас, время от времени гладил кого-нибудь по голове, ласково произносил: «Ниночка», «Наденька», «Марина», «Света».

Что же мне дал этот долгий-долгий летний день? Я по-настоящему почувствовала себя таёжницей.

Содержание

3 класс	5
Добрым Молодцам урок	7
«Рассказ о тридцати охотниках»	7
«О скупом мужчине и бедном мужчине»	8
«Велика сила леса»	9
«Каждый другом силён». А. М. Конькова	11
«Зайчонок и Комполэн». А. М. Конькова	15
«Жадная Тэряйка». А. М. Конькова	17
«Скороход». А. М. Конькова	19
«Битый». А. М. Конькова	21
«Не ломай кости». Ю. Шесталов	26
«Гнев тайги». М. К. Анисимкова	27
Уж сколько раз твердили миру	34
«Жестокий богатырский век». Ю. Шесталов	34
«Менкв и богатырь Сосьвы». Ю. Шесталов	36
«Богиня-героиня». Ю. Шесталов	38
«Три богатыря». Ю. Шесталов	39
«Дочери Отортена». М. К. Анисимкова	42
Горжусь своей отчизной	47
«Кто нашёл подземное море?». Ю. Шесталов	47
«Новая песня об Игриме». Ю. Шесталов	49
«Железный аргиш – железное каслание». Ю. Шесталов	54
«Пояс с драгоценными камнями». Ю. Шесталов	65
«Шаим». А. С. Тарханов	66
«На Самотлоре». А. С. Тарханов	68
Видю чудное приволье!	69
«Утренняя песня». Ю. Н. Шесталов	69
«Осень». С. С. Динисламова	70
«Птицы соснового бора». А. С. Тарханов	71
«В осеннюю непогоду». А. С. Тарханов	72
«Вьюга». А. С. Тарханов	73
«Снег, снег, снег...». Ю. Шесталов	73
«Сорока и чайка». Ю. Шесталов	74

«Спасительные кедры». А. С. Тарханов	74
«Солнышки». А. Ф. Слинкин	75
«Спящая бабочка». А. С. Тарханов	76
«Ворона». С. С. Динисламова	77
4 класс	79
Народная мудрость	81
Пословицы и поговорки	81
Загадки	81
«Мудрая сова»	82
«Гнев тайги». Ю. Шесталов	86
«Откуда северное сияние пошло». А. М. Конькова	95
«Старший брат». А. М. Конькова	100
«Ёра и Кедрик». А. С. Тарханов	105
Жестокий богатырский век	112
«Человек ушёл»	112
«Внук». Ю. Шесталов	120
«Пакв-поси-войкан-отыр». Ю. Шесталов	129
«Аньтволтуп». Ю. Шесталов	135
«Нёр Ойка». М. К. Анисимкова	140
Ну чем Сибирь не рай!	147
«Плав». А. С. Тарханов	147
«Дума у спиленного дерева». А. С. Тарханов	148
«Ендырское озеро». А. С. Тарханов	149
«Озеро Туман не спит ночами...» А. С. Тарханов	150
«Моя осень». А. С. Тарханов	150
«Соболёнок». А. С. Тарханов	151
«Лось в марте». А. С. Тарханов	152
«Метель в кедраче». А. С. Тарханов	152
«Закат». А. С. Тарханов	153
«Ну чем Сибирь не рай!». С. В. Карнаухова	153
Семья и я	155
«Школа – светлый праздник». Ю. Шесталов	155
«Мама, моя мама». Ю. Шесталов	174
«Мой новый дом». Ю. Шесталов	180
«Летняя пора». С. С. Динисламова	188

Учебное издание

Мансийская литература

Хрестоматия
для учащихся 1–4 классов
общеобразовательных учреждений

Часть 2

Авторы-составители:
Панченко Людмила Николаевна
Герасимова Светлана Алексеевна

Оригинал-макет подготовлен ООО «Югорский формат»

Подписано в печать 21.09.2015.
Формат 60х84/16. Гарнитура PT Serif.
Усл. п. л. 12,5. Тираж 200 экз. Заказ № 30.

Отпечатано в
ООО «Югорский формат»
г. Ханты-Мансийск, ул. Лопарева, 15, подъезд № 8
+7 (3467) 912-019, +7 952 690 99 39
Uformat@mail.ru